

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)
А. Б. Байбородин (Иркутск)
Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)
Т. Г. Четверикова (Омск)
Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)
А. В. Кирилин (Барнаул)
Э. И. Русаков (Красноярск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Н. М. Закусина (Новосибирск)
Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)
А. Ф. Косенков (Новосибирск)
В. С. Никифоров (Новосибирск)
Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)
Станислав Михайлов (зав. отделом поэзии)
Владимир Титов (ответственный секретарь)
Михаил Косарев (зав. отделом критики)
Марина Акимова (зав. отделом публицистики)

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

2/2015

Содержание

ПРОЗА

Владимир СКРАЩУК. Просто совпало. Рассказ.	3
Андрей ОБОЛЕНСКИЙ. Боги старухи Фонкац. Рассказ.	15
Дмитрий ЕРМАКОВ. Тайный остров. Роман.....	30
Александр АСТРАХАНЦЕВ. Герой нового времени. Документальная повесть.	92

ПОЭЗИЯ

Вячеслав ТЮРИН. «Мы все для кого-нибудь дети...» Стихи.	11
Наталья НИКОЛЕНКОВА. На маленькой террасе. Стихи.	27
Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ. Горсть монет. Стихи.....	88
<i>Услышьте наши голоса</i>	
Евгений БЕРЕЗНИЦКИЙ. «За каждый колос, опавший с твоих, Отчизна, полей...» Стихи.	129

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ПАПКОВ. Трагический спектакль 1937 года. <i>Из истории одного провинциального театра.</i>	136
Валерий ЕГУДИН. «Наверное, мне везло...»	144
<i>Народные мемуары</i>	
Алексей МАКАРОВ. Родимая глушь.	166

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений МЕЛЬНИКОВ. Книжные сокровища. <i>Страницы истории книгоиздания в Новосибирске.</i>	178
--	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Светлана БЕЛЯЕВА. Фронтовые рисунки Серафима Ивановича Кобелева.	189
---	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала "Сибирские огни"» М. Н. Щукин.

Владимир СКРАЩУК

ПРОСТО СОВПАЛО

Р а с с к а з

Экспресс Павелецкий вокзал — Домодедово выплевывал пассажиров со скорострельностью авиационного пулемета. Последним со своего места поднялся мужчина, сидевший на ближайшем к двери сиденье, — встал, вытянул ручку из небольшого чемодана на колесиках и медленно пошел из вагона. Контролер, наблюдавший за ним из противоположного тамбура, отметил, что мужчина все делает правой рукой и слегка прихрамывает, но, как только пассажир вышел, тут же забыл о нем: до конца дня оставалось еще четыре рейса.

Мужчина же так же медленно вышел, огляделся вокруг и по опустевшему мокрому перрону, отражавшему сотни огней суетливого огромного здания, двинулся к красным глазкам турникетов. Он не спешил: до его рейса было еще больше пяти часов. Лево́й, почти не сгибающейся в локте рукой он нашарил в кармане билет на поезд: в вагоне предупреждали, что без него к аэропорту не пройдешь. Он очень волновался: травмированная рука могла задержать его дольше, чем турникет останется открытым, и тогда придется просить у кого-то помощи, а он этого очень не любил.

Когда механический капкан остался позади, настроение чуть улучшилось, но не настолько, чтобы полностью расслабиться. С самого утра ему не везло, а он привык верить, что удачи и неудачи тянутся довольно длинными полосами — не меньше суток каждая. Темную полосу нужно стойчески пережить, по возможности ничего не предпринимая. Но сегодня не повезло вдвойне: дальняя дорога, — а переезды он не любил с детства, помывавшись с семьей по многим гарнизонам от Кушки до Мурманска, — да вдобавок — вот, тридцать три несчастья...

Мужчина побродил по залу минут десять, прежде чем нашел свою стойку регистрации. Через силу улыбнувшись девушке за компьютером, он кое-как приподнял чемодан и поставил его на весы. Левая рука при неловком движении ударилась о стойку.

— Ё!.. — Мужчина побледнел. — Извините...

Девушка уже хотела что-то сказать, но тут уткнулась в свой монитор. Чемодан, вопреки ее ожиданиям, весил всего шесть килограммов. Что ж это он так ослаб — больной, что ли?

— Может быть, вам нужна медицинская помощь?

Мужчина снял с головы шляпу и, все так же неловко придерживая ее левой рукой в черной перчатке, протирал бритый наголо череп платком. Капли пота тут же выступали снова.

— Не волнуйтесь, — голос звучал вполне равнодушно, — медицина тут бессильна. Обезболивающее у вас на борту продают?

— Что? Спиртное, в смысле?

— Да, что-то типа коньяка или бренди?

— Д-да...

— Ну вот, все и отлично. Я могу идти? Спасибо...

Мужчина все так же медленно собрал со стойки паспорт с билетом, надвинул на лоб шляпу и снял чемодан с весов. Девушка посмотрела ему в спину, еще раз пробежала глазами строчку на экране компьютера: Тарасов Г. И., рейс Москва — Владивосток. Надо бы предупредить о нем — не хватало еще, чтобы умер в полете.

Глеб Тарасов медленно шел вдоль необъятного здания аэровокзала, в котором кипела малознакомая ему, но, похоже, достаточно примитивная жизнь. Все сложности где-то там, где работают диспетчеры, разводящие самолеты в воздухе и на земле. А тут так — бабло с туристов рубить: питейно-жрательные, азартно-развлекательные, шмоточно-безналоговые, сувенирно-дебильные... Тарасов искал место потише. Он с утра посетил два министерства и один госпиталь, а с его здоровьем бег по метро — все равно что марш-бросок с полной выкладкой.

В каком-то загнуге под тупым углом переходе он наконец нашел то, что хотел: короткий ряд из пяти кресел, ни одного соседа, да еще и две голливудских размеров пальмы с двух сторон. Отличный НП, между прочим: коридор и оба зала просматриваются, а его не видно. Тарасов примостился в крайнем левом кресле, вытянул левую ногу и откинулся на спинку. Расслабиться бы сейчас полностью, сползти задницей как можно ниже и закинуть голову, — но черта с два. Корсет, удерживающий позвоночник и ребра в правильном положении, не даст. И так еще... ноябрь, декабрь, январь, февраль... четыре месяца. Неужели снимут?..

Весь день его тряс озноб, а тут стало жарко. Тарасов снял шляпу, расстегнул пальто, стащил с шеи кашне и аккуратно сложил его в шляпу. Теперь, если придется быстро собираться, проще будет все бросить. Хотя... куда тут бежать? Москва, аэропорт. Службы безопасности, милиция, ФСБ в штатском, таможня, еще кто-нибудь... Интересно, в сумме — батальон или меньше? А захоти он пронести оружие — протащил бы как нечего делать. Кто рискнет обыскивать героя войны — выходи по одному!

Тарасов провел правой рукой по орденам на левой стороне груди, привычно уколол пальцы о каждый из пяти углов Звезды Героя, пере-

брал их по очереди. Да еще корсет... Да еще кое-что... И как в кино: под каждой железкой можно спрятать еще одну. А потом собрать их все вместе — и убивать, убивать, убивать...

Хорошо, что спрятался. Глаза, наверное, налились кровью: давление подскочило, это точно. Водички бы, холодненькой. И таблеточку принять — для головы. Или — от головы... Может, есть тут кто на побегушках... Хотя... откуда ему взяться. Не ту страну назвали Гондурасом. До ближайшей стойки с салатами и соками было метров двадцать пять, но он решил перетерпеть. Лучше расслабиться, как учили на занятиях по аутотренингу в госпитале.

Тарасов поднял шляпу, вынул кашне и надвинул шляпу на глаза так низко, чтобы свет не мешал. В ту же секунду рядом с ним плюхнулся кто-то шумный и начал ворочаться, устраиваясь поудобнее. Следом за первым заняли и все остальные кресла. Тарасов дышал ровно, постепенно гасил в сознании звуки.

— Вниманию пассажиров рейса 778 Москва — Иркутск авиакомпании S7. Рейс задерживается по метеоусловиям порта назначения...

- Говорил я тебе: рано приедем!
- Это я тебе говорила!..
- Мама, мама, я пить хочу-у...
- Валек, падла, я уже сел, где транспорт?!
- Дамочка, ноги подберите!..
- Мужчина, газетку вашу можно полистать?..
- ...

Он проспал ровно пятнадцать минут. Стало легче, даже комок в горле, душивший его с самого утра, с того разговора в Министерстве обороны с бывшим однополчанином, вроде стал меньше. Тарасов попытался вдохнуть полной грудью, корсет привычно врезался в ребра.

— Мама, — услышал он детский голос, — а почему дяденька в перчатках? Он что, грабитель?

— Тише, Лотта, дяденька устал, не мешай...

Тарасов понял, что больше не уснет. Это уж проверено годами — от лейтенанта до майора: мог падать с ног от усталости, мог силой раздвигать веки, но стоило поспать пятнадцать минут — и свеж, бодр, сознание ясное, готов к выполнению боевой задачи. На сутки минимум. А там... еще пятнадцать минут — и на новый виток. Тарасов двумя пальцами, ковбойским жестом, поднял шляпу. И встретился взглядом с девочкой лет шести — удобный черный комбинезон, серебристые кроссовки, ярко-рыжие, морковные волосы. И широченная улыбка — не без опаски, но в целом он ей нравился. Тарасов осторожно прищурил левый глаз, склонил голову к плечу. Девочка мгновенно повторила его движения. Тарасов высунул кончик языка. Тут уж Лотта рассмеялась в голос. То-то! Теперь — кто у нас мама?

Мама сидела через два кресла. Ну... что-то не коррелируется у нас мама с ребенком. Сколько ж вам лет... мадам? Мадемуазель?..

Женщина встала и потянула ребенка к себе. Такой же, как и у дочери, дорожный комбинезон, только классом повыше — в таком, наверное, можно на прием к небольшому олигарху (загородная вилла, шашлык-барбекю, катание верхами, утром — горка и лыжи) появиться. Невысокая, но стройная — метр шестьдесят при пятидесяти двух килограммах. Волосы заметно темнее, цвета темного пламени (Тарасов машинально прикинул — градусов девятьсот), такие же, как у дочери, синие глаза. Тонкий нос, правильные брови — тут я пас: то ли от природы такие, то ли работа мастера. Небольшие ушки с тремя сережками каждое — золото, серебро, золото, очень оригинальный комплект, прямо скажем: псевдоскифский звериный стиль, дорогая ручная работа. Это я вам как специалист, мастер ювелирного производства артели инвалидов имени Алексея Маресьева говорю со всей ответственностью.

Ах, какая женщина! Жаль, мне бы годков пять скинуть... или обстоятельства этих пяти годков поменять — могла бы получиться славная пара.

Девочка, будто подыгрывая Тарасову, на руки не шла ни в какую и попрыгала на одной ноге за ближайшую пальму. Из-за кадки мелькнула рыжая макушка, между листьями блеснул синий хитрый глаз — и нет ее, затаилась. Да, милая, с твоей внешностью маскироваться — разве что в осеннем лесу. Мама подошла еще на несколько шагов, делая вид, что не заметила. Тут Тарасов разглядел ее руки и решил, что с возрастом ошибся, и сильно — как бы еще не ровесница, добрых тридцать пять. Спроси его сейчас кто-нибудь: да с чего, Глеб? — и он бы толком ничего не сказал, но сам для себя решил твердо: тридцать пять — твердый минимум. Ну а так — тем более: разве ж два взрослых человека не найдут, о чем поговорить...

В кармане комбинезона зазвонил мобильник. Земфира, что-то там про ромашки. Хороший выбор.

— Да! Да, милый, мы ждем. Это на пути к залу выдачи багажа. Ты скоро? Хорошо, ждем.

У-у, йес-с... Москвичка, стало быть. Стало быть, замужем: кому еще можно сказать «милый»... Эх, разведчик, и кольцо на руке просмотрел. Ладно, воспользуемся ситуацией.

— Извините... — Тарасов, подобравший именно это слово, чтобы начать разговор, испытал секундное головокружение, пытаясь понять — это она спросила или он. Женщина наклонилась к нему чуть ближе. — Извините... Вы не могли бы присмотреть за девочкой? Очень хочется курить, а тут нельзя.

— Разумеется... — Тарасов помедлил. — Только вы нас друг другу представьте. Меня зовут Глеб.

— Ой, конечно, меня — Настя. — Женщина протянула узкую ладошку. Тарасов вскочил, поспешно, зубами содрал с правой руки перчатку и протянул свою ладонь.

— Мама, а почему дяденька зубами перчатку держит? Он что — овчарка, как наша Лайма?

— Лотта, это — дядя Глеб. — Настя присела и поправила дочери волосы. — Посиди с ним, а я схожу тебе попить куплю. Хорошо?

— Хорошо. — Лотта дернула Тарасова за руку. — Садись, возьми меня на ручки.

Тарасов послушно присел. Попал! Девочка вскарабкалась на колени, в ту же секунду схватилась за обшлага пальто, и весь его иконостас мелодично звякнул, выставленный на всеобщее обозрение. Ну да, вот такое дело... Пользы от них никакой, чистая декорация. Хоть ребенок поиграет.

— Глеб, — девочка принялась перебирать блестящие металлические штучки, — а это у тебя что такое?

— Перышки, детка. Павлина в книжке видела? Вот это примерно как у него — перышки.

— Глеб, ты что меня за дурочку держишь? — Тарасов поперхнулся. Вот молодежь пошла — в шесть лет уже акселераты, откуда слова-то такие знает... — У нашей Лаймы таких — полный нагрудник. Это называется — медали! Я вспомнила! А ты их на выставке получил, как наша Лайма?

— Ну... В каком-то смысле — да, на выставке.

— Тогда ты — хороший! Потому что Лайма тоже хорошая, она у нас — не-од-но-крат-ный чем-пи-он! Ты тоже чемпион?

Да, девочка, на самых главных Олимпийских играх. Чемпион России по массовым убийствам в категории «подразделения полковой и дивизионной артиллерии». Только тебе рано об этом знать. Играй пока.

Занятый ребенком, Тарасов обращал внимание на окружающую реальность не больше, чем того требовали отработанные рефлексy. Люди шли мимо, катили удобные тележки (он такие видел вообще впервые) — кто с вещами, а кто и с товаром, встречались, расставались, непрерывно звенели мобильные, шуршала бумага упаковок, булькало спиртное и безалкогольное, пахло кофе и хорошим парфюмом, звучала разноязычная речь. Загорелая девица запрыгнула с разбега на шею двухметровому парню и завизжала от радости — и вдруг Тарасов все вспомнил...

Девять лет назад — вот когда это было. Самолет с командующим объединенной группировкой сел в Кубинке, а их транспортный «Ил» почему-то дотянули до самого Домодедова. Тут у пилотов совсем пропал страх, и они прямым текстом начали орать в эфир все, что думают про собственное командование, дедушку Ельцина, гребаную Чечню и полеты без горючего. Три десятка офицеров в брюхе транспортника, всю дорогу от Грозного потратившие на перевязку друг друга, поняли, что интересное еще не кончилось. Но тут земля сжалась, и они плюхнулись в московскую сырую осень, в грязь вдоль взлетной полосы и такого же цвета и плотности полосы дыма — то ли от заводов, то ли от ТЭЦ — поперек всего пейзажа. Едва открылись двери, они вывалились на бетон — и, как были, с оружием, грязные, рванули в здание аэровокзала, которое тогда выглядело несколько скромнее. Впереди летели на спиртовых крыльях шестеро спецназовцев из Татарстана: приземистые, почти одинаковые парни, три татарина и трое русских — они провели в Грозном всего месяц и выглядели лучше других. Тарасов со своим пулеметом тащился в четвертой, самой покалеченной тройке: старшему, капитану ВВ Лукову,

накануне прострелили левую ногу, и сейчас он использовал свою винтовку без оптики как костыль, опираясь на Тарасова правой рукой. Слева от Лукова брел бывший его замкомвзвода Кузнецов — теперь уже дослужившийся до ротного, с двумя орденами Мужества: Макса контузило тремя днями раньше, когда они снимали очередной фугас на дороге к аэропорту — из ушей торчали клочки ваты, нащипанной из бушлата. Макс ничего не слышал, его приходилось то толкать, то тащить на ремне, тут можно было пустить одного. У самого Тарасова в тот день все было почти нормально, если не считать сожженной до мяса спины — тонкая майка на пять размеров больше была единственным предметом одежды, который он мог надеть без непрерывного мата.

Так, колонной, они и вломились в здание, раскидывая по сторонам глупых местных ментов. Куда вы, слабосильные, мы только что от ба-саевских ушли — вы-то нам на один зуб будете! Да мы и без злобы — пи-и-ить! Пить давай, да не водки пока, воды там, сока, кока-колы этой вашей гнусной, поила этого, пить...

Потом было пиво, потом водка, потом мясо — все мясо, какое только было в пределах досягаемости; всех штатских — вон из ресторана, оружие, правда, составили цивильно в пирамидку, броники горой рядом, вонь пороховая и потная, кровавые бинты, рваные разгрузки, обшарпанные каски... Не ссы, гарсон, заплатим! Денег действительно было много: в аэропорту тройка Лукова нашла открытый, да не выпотрошенный сейф — кто-то из финансистов бежал так поспешно, что даже не успел выгрести деньги, и только тонкий звон двух серебряных брелков спас несколько сотен миллионов от огня. Чудеса бывают...

Тарасов продолжал заговаривать зубы Лотте сказками — про белого бычка да про серого волчка, — а сам все крутил головой, вспоминая. Визг, от которого детонировала память, напомнил ему сцену окончания торжественной встречи со столицей. Один из спецназовцев-татар, Рашид кажется, танцевал в середине круга, а они отбивали какой-то дикий ритм прикладами (сильно уже пьяные, честно говоря) и чувствовали друг друга братьями, более близкими, чем родные по крови. И на последнем витке своего кружения Рашид вдруг закинул голову и завизжал — тонко, страшно, на весь огромный зал, перекрыв все остальные звуки. Когда звук затих, Тарасов поднял глаза и увидел: за низким металлическим ограждением стояли люди и смотрели на них... Молча, без осуждения, но — и без сочувствия. Люди тоже хотели поесть. А они им мешали. Могли мешать какие-нибудь *випы*, могли — братки, могла зайти на спецобслуживание милиция. А были они — вонючие герои далекой войны. Надо просто дождаться, когда они уйдут.

Они ушли минут через десять. Командующий пробился к ним сквозь подмосковные пробки и увез на базу в Софрино, откуда, подлечив, отправляли уже по месту службы: армейцев — в части, Лукова — в его училище, омовцев — по родным отрядам. Тарасов на три года вернулся в постылый ЗаБВО, где и проторчал на штабных должностях вплоть до следующей войны...

Настя вернулась не одна — видимо, этот красавец с седыми висками и был ее мужем. У кого еще на руке может вот так повиснуть женщина после долгой разлуки?

Тарасов узнал мужчину только тогда, когда тот окликнул его по имени:

— Тарасов? Вы что тут делаете?

— Генерал Морозов?.. Жду свой рейс, это ж и пеньку понятно.

Настя отступила в сторону.

— Вы что, знакомы?

— Да, Настенька, позволь тебе представить — майор в отставке Тарасов, положил всю свою батарею до последнего человека!

Вокруг собрались зрители. Обезьянья натура человека: не можем пройти мимо толпы. Надо поглазеть, послушать. А генерал в штатском рассказывал жене, как батарея попала в окружение — исключительно по глупости командира — и как ему потом, вместе с погибшими, дали звание, чтобы спрятать концы в воду и рот заткнуть. Хорошо поставленный голос будущего политика, отточенные, изящные жесты...

Тарасов криво улыбнулся Лотте и, поставив девочку на пол, подтолкнул ее чуть-чуть к матери:

— Беги, передавай привет Лайме! — А сам наклонился к левой ноге и, задрав чуть брюки, что-то там делал правой рукой. Получалось плохо. Тогда он, под аккомпанемент генеральского голоса, все так же, зубами, стянул левую перчатку. Тремя уцелевшими пальцами поймал наконец скользкую пряжку и отстегнул протез.

— Генерал, сделайте одолжение — подойдите сюда. Хочу прокомментировать вашу речь.

Генерал поджал губы, но подошел. Смелый мужик. Но — глупый!

Тарасов одним неумовимым движением согнул левую ногу в колене, дернул протез с культи и с размаху ударил генерала по лицу. Получилось лучше, чем в американском кино: брызнули зубы, полетели в разные стороны кровавые брызги, генерал крутанулся вокруг своей оси и рухнул лицом вниз на отполированный пол.

Тарасов, с протезом в руке, с нелепо свисающими из-под закатанной брючины кальсонами, торопливо и сбивчиво заговорил, обращаясь исключительно к замершей в испуге Насте, не глядя на толпу:

— Извините меня, Настя, просто совпало... Понимаете, он все правильно сказал — и про окружение, и что я один остался... Не сказал только, что он тогда был начальником штаба полка — и именно он бросил нас без прикрытия. И он же отдал приказ нанести удар «Градами» по нашей позиции. С военной точки зрения, если смотреть по учебнику тактики, он, конечно, прав был. К тому моменту на позиции уже одни боевики были — и нас, живых, пятеро, я один в сознании. Он знал, ему чеченцы предлагали обменять нас на их пленных. И всех дел — обменять. Или послать танки, отбить огневую... Извините, мне так тяжело — на одной ноге...

Тарасов упал обратно в кресло, положил протез на колени.

— Он, начальник штаба полка, оставался за командира, отказался нам помочь. Зачем, сказал, родине инвалиды и изменники, пенсию им

потом плати... Написал в рапорте, что мы вызвали огонь на себя. Нам, как полагается, посмертно Героев. А я вот — выжил. Меня другие люди нашли, на себе вытащили, до госпиталя довели, документы восстановили, награды. Я же сегодня утром к нему приехал, думал, он не знает. Он знал. И рассказал мне, кто моих ребят с землей смешал так, что хоронить нечего было. Так что... бога ради — извините.

Настя вдруг подошла, присела рядом, притянула к себе девочку.

— Да нет, не извиняйтесь... Действительно — совпало.

Она вытянула из кармана пачку сигарет. Вопреки всему прочему имиджу, сигареты отказались не дамские — «Житан».

— Хотите?

Тарасов вытянул сигарету. Дивное, должно быть, зрелище: на полу, истекая кровью, лежит подающий надежды генерал российской армии, а его жена с каким-то инвалидом курят прямо под табличкой «No smoking».

— Как вы?.. — Тарасов не смел повернуться, смотрел невидящими глазами в пол прямо перед собой.

— Ничего, бывало хуже...

— Да вы что?!

— Да, представьте... Была любовь, безумная, как в Индии. Он не только ваших друзей убил — ее тоже. И меня — ту, бывшую. Хотела развестись, потом привыкла, притерпелась как-то. Вы думаете, — Настя закрыла дочери уши ладонями, перешла на шепот, девочка закрутила головой, — Лотта — его дочь? Ничего подобного. Роман на одну ночь, мелкая месть. С очень удачным результатом!

Она вдруг улыбнулась ребенку.

— Да, дочка?

— Да-а! — Девочка тоже заулыбалась.

— И — все, поехали. Машину заберем, пусть добирается, как хочет и куда хочет. — Настя поднялась, выкатила откуда-то свою тележку с чемоданами и усадила дочь сверху.

— Что смотрите? — Она повернулась к толпе. — Все, шоу окончено. Проваливайте.

Тарасов смотрел, как они уходят, махал рукой Лотте — та выглядывала из-под руки матери, махала ему на прощание. Настя вдруг остановилась, что-то сказала дочери и побежала обратно. Тарасов съезжился — мало ли, в состоянии аффекта... Она растолкала людей, среди которых уже мелькал белый халат и серая милицейская спина, наклонилась к Тарасову и поцеловала его в щеку.

— В каком смысле? — удивился тот.

— Спасибо. Я бы не решилась. — И она убежала обратно, к дочери.

Тарасов кое-как приладил протез, встал на ноги, потом залез на кресло и до самых дверей провожал взглядом две рыжие головы — маленькую, поярче, и большую, потемней.

Вячеслав ТЮРИН

**«МЫ ВСЕ
ДЛЯ КОГО-НИБУДЬ ДЕТИ...»**

* * *

Поэты путешествуют одни,
легко меняя теплую постель
на ночь, где за стеклом дрожат огни
разлук и встреч, находок и потерь.

Огни большого города в ночи.
Тревожный приступ трезвости с утра.
Взгляни, какие бледные лучи,
дурные сны, холодные ветра.

Болтаются лохмотья сквозняка,
покинувшего тусклый коридор
общаги, чьи жильцы наверняка
сейчас употребляют горлодер

для храбрости. Затем они, резвясь
на вахте под ритмичную балду,
начнут терять с действительностью связь.
Я тоже с нею, в общем, не в ладу —

с тех пор, как полюбил шататься где
попало и брести куда глаза
глядят, ища ночлега на звезде.
С тех пор, как отказали тормоза.

Так оборотни воют на луну,
соорудив из прошлого костер,
предчувствуя гражданскую войну,
чей дым над нами крылья распростер.

АПОКРИФ

Ниневия раскаялась, так что ступай восвояси,
возвращайся к обычным делам, ешь обычную снедь.
Ты исполнил свой долг и теперь остаешься в запасе.
Бойся Бога, люби — и тебе не придется краснеть.

Это было проверкою крепости. Нравы жестоки.
Грош базарный цена тебе, ежели ложь на устах.
Пусть же влага дождей увлеченно поет в водостоке,
что Сиринга осталась у Пана, цевницею став.

* * *

К людям выйти — что душу вынуть.
И затеплится разговор.
Можно книгу меж книг задвинуть,
можно слово сказать в упор.

Одиночество так устроено,
что, выдерживая твой взгляд, —
как вино — говорит порой оно
то, о чем свысока молчат.

Эхо комнатного гексаметра,
роковая пора баллад
осыпающихся, но замертво
продолжающих хит-парад

изначального летования,
листопадного волшебства,
суеверного ликования,
когда траурная листва

зацветает огнем язычества,
когда хочется лишь успеть
это сумрачное величество
на родном языке воспеть.

* * *

По утрам, наблюдая восход светила,
я не ведаю точно, как это было,

то есть было и стало на самом деле,
чтобы шар вращался и птицы пели.

Да, пожалуй, земная твердь неподвижна,
ну а солнце погаснет скоропостижно.

Хорошо в телескоп на звезды глазети
иль читать о курсе валют в газете.

Хорошо, когда мир и никто не мертвый
от свинца или подруги черствой.

Стоит, кажется, только нажать на кнопку,
и судьба вам преподнесет обновку.

Но мы как-то забыли, что вещь — в работе
и ей нету дела до нашей плоти.

* * *

Поверх колонны, скатанной из воска,
подобно восклицательному знаку
живет огонь, колеблемый дыханьем
мечтающего над твореньем мозга,
гораздого переводить бумагу.
Как хороша свеча с ее сверканьем!

О, жертвенная сила нежной пляски
ночного пламени во мгле покоя!
Шахерезады медленные ласки
на грани сказки. Что сие такое?

Сияние звезды во тьме вселенной,
кромешной тьме, где згу видать едва ли.
Сияние звезды, столь вожденной,
что люди за нее жизнь отдавали, —

таится даже в язычке огарка,
доказывая более чем ярко
не то чтобы существование Бога,
но что-то в этом роде; сразу много
вещей напоминает устье розы,
пылающей в терновнике пустыни,
способной вызывать такие грезы.
Но выстрелы бывают холостыми,
ружье дает осечку, мокнет порох,
как истина, рождаемая в спорах.

И смотришь из окна, словно подкидыш,
на осушающий болото Китеж.

* * *

То ли сглаз, то ли заговор чей-то —
ядовитая месть языка —
след берет в темноте, как ищейка,
и ведет за собой, как рука
бесноватого проводника.

И как будто я сам лишь навеян —
как из жизни чужой эпизод —
демиургу парижских кофеен,
и ропшу на судьбу, как рапсод.

Я забыл очертанья предмета:
разговору ведь нужен предмет.
Но я помню ташкентское лето
с его калейдоскопом примет.

Я стоял у стены глинобитной,
нежно гроздя снимая с лозы.
Древней ягоды вкус первобытный —
как жемчужина в форме слезы.

Сколько разных диковин на свете!
Но, по-моему, круче всего,
что мы все для кого-нибудь дети.
Мы — родня: в этом все волшебство!

Андрей ОБОЛЕНСКИЙ

БОГИ СТАРУХИ ФОНКАЦ

Р а с с к а з

Наш сокольнический дом, в котором я жил с матерью, всегда очень занимал меня — как будущего историка. В начале тридцатых он был специально построен для сотрудников НКВД по типу общежития, соответственно и спланирован: пять этажей, коридорная система и один вход, украшенный подобием портика с тремя колоннами. Во время войны дом пострадал от бомбежек, его хотели сносить, однако передумали. На скорую руку сделали ремонт, но заселять почему-то не стали. После прихода к власти Хрущёва дом капитально перестроили, в результате чего образовалось довольно много полноценных квартир со смежными комнатами, в одной из которых обязательно имелась отгороженная деревянной перегородкой маленькая кухня. Каждая квартира выходила в длинный коридор, посередине которого располагалась широкая лестница — жильцы то ли шутя, то ли всерьез называли ее парадной.

А заселили дом людьми, выпущенными из лагерей, но только реабилитированными вчистую и не пораженными в правах. Реабилитированных с оговорками или освобожденных с неснятой судимостью селили под Москвой. Дом по-прежнему относился к ведомству безопасности, поэтому прописку в квартиры посторонних, даже детей и племянников, запретили настрого. Понятно, что о возможности обмена такой квартиры и речи не шло. Если жилплощадь освобождалась, туда заселяли ветеранов или просто участников войны (вплоть до начала перестройки существовало строгое разделение). Большая их часть ютилась в комнатах общих квартир, где число проживающих семей иногда доходило до пятнадцати. Так что молодых людей вроде меня, студента, в доме было раз-два и обчелся.

Я учился в МГУ на втором курсе исторического факультета и водил близкое знакомство только с Лёшкой Барановым, тоже живущим в нашем доме, — Лёшка был аспирантом на моем же факультете. Времени катастрофически не хватало, честно говоря, оно, как дым в трубу, улетало в учебу, у меня даже девушки не имелось. Тем более что сжигала

меня одна, но пламенная страсть: я увлекался историей СССР с семнадцатого года до двадцатого съезда; изучение этого периода в университете предстояло не скоро, пока что мы занимались скучной античностью, и я азартно, с болезненным интересом собирал крохи информации, которые можно было найти. Оттепель давно канула в Лету, а мутная эпоха серого кардинала товарища Суслова была в самом разгаре. Ни о каких архивах никто не помышлял, а книги, изданные в начале шестидесятых, вроде «Повести о пережитом» Дьякова, и многие журнальные публикации тех лет изъяли из свободного доступа библиотек, когда я учился классе в пятом. Но мне удалось застать живыми множество свидетелей, они обитали рядом со мной, стояли в одних со мной очередях, как и я, смотрели программу «Время», в девять вечера идущую по всем четырем имеющимся телевизионным каналам.

Вот из этих людей я крохами выуживал то, о чем и сейчас молчат или говорят расплывчато, мол, эпоха такая — будто эпоху создают не конкретные люди. Уже тогда во мне зародилась уверенность, что в советском периоде российской истории что-то не так. Я искал и находил совершенно мистические парадоксы и апории. К примеру, меня долгое время занимал вопрос: почему, собственно, мы выиграли войну, хотя, по всем сложившимся к тому историческому моменту условиям, были обречены ее проиграть? Почему эта война, никому, в сущности, не нужная, как я считал, все-таки началась, ведь дело явно шло к мирному переделу Европы между Советским Союзом и Германией?.. Но информации жестоко не хватало, и я пытался искать ее вокруг себя, пить из родников, фигурально выражаясь.

Какие люди жили в нашем доме! Их фамилии много говорили человеку посвященному, а иногда и простому любителю истории страны. Перечислять не стану, слишком много их прошло передо мной. Раза два в неделю я вставал на час раньше обычного, наскоро завтракал, брал кейс с учебниками, усаживался на скамейку неподалеку от подъезда и наблюдал. Именно в это время многие из них выходили на утреннюю прогулку. Дамы в светлых пальто или плащах, высохшие высокие старики с подвижным, цепким взглядом, обязательно при темном галстуке и в классической шляпе с небольшими полями. Они шли, выпрямив спины, изредка переговаривались между собой, смотрели только вперед, иногда поднимали головы и глядели в небо.

«Что помнится им? — думал я. — Черные ночи этапов, воняющие плесенью и немытым телом вагоны, набитые людьми, заходящиеся в лае собаки, с оскаленных морд которых капает слюна, презрение юных бритых конвоиров, награждавших их пинками и матюгами?.. Или улыбающийся с портретов лукавый вождь, гипнотически превративший умнейших в глупые манекены?»

Я долго искал способы хоть сколько-нибудь близко сойтись с ними, но это была каста, отторгающая чужих. Но мне помогли... шахматы. Я играл сильно, имел даже разряд. На этом мне и удалось поймать некоторых. Именно они, задумчиво глядя на доску и размышляя, как

бы не получить мат, хоть что-то да рассказывали мне, когда я путем разнообразных ухищрений наводил их на интересующие меня вопросы. Вмоемжадномдознанийицепкоммозгупостепенноскладываласькартина эпохи, пусть неполная, но вложенная туда участниками и просто очевидцами. Картина эта порой представлялась мне совершенно невероятной, настолько странным казалось мне поведение многих очень умных людей. Я постоянно думал об этом, хотя мне доверяли короткие и далеко не самые важные эпизоды пережитого. Они полагали, что их святая обязанность перед родиной — унести историю своей жизни в могилу. А еще надо остерегаться, чтобы не попасть туда раньше назначенного. Этот страх был не в крови, не в голове, он сидел еще глубже, в костном мозге, наверное...

Но я увлекся... Рассказ совсем о другом. И героиня его — всего лишь наша консьержка, Люция Генриховна Фонкац. Удивительно, но это так.

Люция Генриховна возникла вроде бы ниоткуда. Во всяком случае, никто не мог вспомнить, почему именно она появилась в доме. Просто в один прекрасный день все единогласно решили, что интеллигентным людям, населяющим дом, надзиратель за подъездом необходим. Правда, хорошо знакомое слово «надзиратель» по всеобщему согласию заменили на французское «консьержка». Упорным хождением по инстанциям и коллективными письмами полноценные граждане страны выбили ей двухкомнатную квартиру на первом этаже. Это хоть и не сразу, но удалось, ко многим бывшим зекам относились благодушно и даже с сочувствием. А квартиру освободил, переселившись в миры иные, дедушка, работавший в середине тридцатых Чрезвычайным и Полномочным Послом в Китае, воевавший в штрафбате, а после Победы через малое время севший уже по делу военных.

Я хорошо помню Люцию Генриховну — худую высокую старуху, очень подвижную, несмотря на возраст, с крупными руками и улыбчивыми, мягкими глазами. Ее любезность к жильцам не знала границ, она не уставала повторять, что безмерно благодарна чудесным людям, пригревшим ее при таком чудесном доме. Дверь в первую комнату ее квартиры, получившей название *консьержной*, была всегда открыта, и в ней всегда горел свет. Люца, как за глаза называли ее жильцы, казалось, не спала вообще. Я возвращался иногда очень поздно, когда парадное уже запиралось. Но стоило мне только позвонить, через минуту наша восьмидесятилетняя Люца, свежая и подтянутая, улыбалась мне, укоризненно качала головой, говоря что-то о девушках и поздних свиданиях. Я смущенно улыбался, прося извинить, что побеспокоил. «Учеба, знаете ли, — почему-то оправдывался я. — Студентам нынче нелегко». Люца понимающе кивала и пропускала меня домой.

Имелся, правда, у Люцы пунктик. Очень уж она начинала нервничать, коснись мало-мальски разговор еврейской темы. Начинала многословно доказывать всем, что она не еврейка, о чем ясно говорит приставка *фон*, позже слившаяся с усеченной фамилией, отчество, да и сама фами-

лия, возникшая в средние века среди рыцарей Тевтонского ордена. Этим орденом она надоела всем до невозможности, пока Наум Моисеевич Каган, когда-то заместитель наркома, при всех зло не отчитал Люцу в том смысле, что баланда была для всех одна и национальных признаков не имела. Люца прикусила язык и, если разговор заходил о евреях, отмалчивалась или потихоньку исчезала.

Бывали еще по средам закрытые чаепития с медовыми рогаликами, которые Люца готовила замечательно. На эти довольно длительные собрания приглашались далеко не все, лишь избранные, я совершенно не имел представления, кто там бывает и какие разговоры ведутся. Дверь в консьержную закрывалась до глубокой ночи, что вызывало даже жалобы некоторых жильцов. Но Люца плевать хотела, тем более что жалобщики отчего-то быстро замолкали.

Однажды я спросил Леонида Петровича Каменского, больше всех мне рассказавшего о предвоенных армейских нравах и послевоенном лагерном быте, что же такое происходит в консьержной по средам за закрытыми дверями. Леонид Петрович слегка изменился в лице, но тут же равнодушно пожал плечами:

— Не знаю, Борис. Я не бываю там... — Для того чтобы слова его звучали убедительнее, он с некоторым раздражением добавил: — Неужели вы не понимаете, Борис, что человеку, имевшему мое звание, распивать чай с консьержкой неудобно...

Каменский сел сразу после Победы в звании генерал-майора, тогда сажали многих победителей, чтобы народ и в голове не держал мыслей о послаблениях.

При встрече на кафедре я спросил о том же у приятеля Баранова, он только присвистнул.

— Ты что себе думаешь, Лапин, — ответил он мне, — тебя истории, что ли, учат? Учат, тебя, дорогой, всего лишь марксистскому анализу предвзято изложенных исторических событий. Иного тебе не надо для будущей работы по распределению. А у Люцы говорят как раз о том, что хорошо бы знать будущим историкам. Во избежание.

Ответ Баранова совершенно не устроил меня, и я при первой возможности снова пристал к Лёшке. Зная меня, Баранов сразу понял, что я не отвязусь.

— Ладно, — вздохнул он. — Проясню кое-что для тебя. Только никому ни слова, а то разлетится... Кому надо — быстро выяснят, откуда что взялось. Я-то отопрусь, а тебя, второкурсника, отовсюду погонят, хуже того, в дурдом запихнут. Пятого марта, через две недели... нет, это будет через три... заходи ко мне вечером, попозже, часов в одиннадцать.

— И что же такое особенное случится в этот день?

— Будешь задавать вопросы, — с неожиданной злостью ответил Баранов, учуяв насмешку, — ничего не узнаешь. И не увидишь. А увидеть имеешь шанс такое, что запомнится надолго.

Я понял, что надо заткнуться, так и сделал без промедления. Лёшкин характер я тоже хорошо знал. Но слова его зародили во мне странные

сомнения. Я подумал, что прошлое Люцы — тайна для всех, что дверь из консьержной в ее спальню не только всегда закрыта, но и занавешена плотной шторой с игривыми цветочками, наконец, припомнил, что никто не знает, почему именно она прижилась при нашем доме. К тому же мои сомнения усилились задолго до назначенного Лёшкой срока.

На следующий день я слегка подшофе возвращался домой с вечеринки у приятеля. Я знал, что дверь подъезда давно заперта, и звонить сразу не стал, решил посидеть на бодрящем ночном морозце, чтобы внятно поздороваться с Люцей. Почему я, взрослый человек, страшился слов, которые могла сказать мне консьержка? Не было у меня ответа на этот вопрос, ответ появился много позже. Так вот, я присел на скамейку и минут через пять увидел пьяного в дым мужика, который, горланя песню про зайцев, подошел к двери и вдавил палец в кнопку звонка. Долго не отпускал, потом стал дубасить кулаками в дверь. Она неожиданно распахнулась, и я увидел Люцу в накинутах на плечи шубе.

«Он убьет ее», — со страхом подумал я и дернулся уже, чтобы заступиться за бедную старушку. Не тут-то было. Люца сделала шаг из подъезда, и в ночной тишине двора разнесся такой замысловатый, закрученный в тугую спираль мат, что я только диву дался. Спираль резко распрямилась и ударила мужичка... уж не знаю, в какое место. Он настолько удивился, что прервал песню на полуслове, сделал два шага назад и, поскользнувшись, сел в сугроб. При свете фонаря я четко видел его вмиг протрезвевшее, ошарашенное лицо. Он остался сидеть в сугробе, удивленно качал головой и разводил руками, разговаривая сам с собой, а Люца удовлетворенно кивнула и скрылась в подъезде. Ровно через пять минут подъехала милиция, изумленного мужичка кинули в «воронок» и повезли куда следует. А я, тоже моментально протрезвевший, не почувствовал в себе сил звонить в собственный подъезд и вернулся к приятелю ночевать. По дороге думал, а где, собственно, милейшая интеллигентная старушка так мастерски научилась складывать обценную лексику... Нет, материться может каждый, но вот таким образом, чтобы ошарашить человека, сбить его с катушек, даже пьяного, когда слова хуже удара в челюсть — вряд ли. Фактор внезапности — да, он играет роль, но так строить фразы, состоящие из одних матерных слов, умеют только уголовники, моряки и военные, насколько мне было известно из книг и небольшого жизненного опыта. Потом я часто размышлял об этом забавном эпизоде...

А день, назначенный Лёшкой, близился. В университете я встретил его только однажды. Пробегая мимо, он спросил:

— Что, Лапин, не передумал?

Я ответил, что нет.

Баранов притормозил и пристально посмотрел на меня.

— Ты будущий историк, Лапин, — раздумчиво сказал он. — Ты не боишься разочарований? Они ранами опасны, это еще Евтушенко заметил.

Я разозлился.

— Слушай, Баранов, всем известно, что ты талантливый аспирант — и у тебя, говорят, большое будущее. Но это не дает тебе права относиться ко мне... как к малолетке. Не знаю, что ты там задумал, но так вести себя неприлично.

Баранов рассмеялся, но тут же оборвал смех.

— Извини, Борь. Я просто боюсь за тебя. Боюсь, что ты бросишь университет и загремишь в армию после того, что увидишь.

— С чегой-то?

— С тогой-то. Но ты взрослый человек, а я не набивался. Жди назначенного дня.

Баранов поправил под мышкой портфель и побежал дальше, а я остался гадать, что же такое он придумал.

Пятого марта, строго следуя указаниям Баранова, я позвонил в его квартиру, находящуюся в самом конце коридора справа от окна во двор. На часах было четверть двенадцатого. Лёшка открыл сразу.

— Не передумал, — задумчиво произнес он и как-то критически оглядел мою фигуру. — Только учти, помощи от меня и объяснений не будет, каждый за себя. И если в обморок грохнешься, и если учебу надумаешь бросить, проболтаешься кому — сам, все сам. Я этот цирк много раз видел, привык уже, а поначалу тоже всякие мысли нехорошие появлялись. Только я сумел понять, что пока могу только наблюдать и запоминать. И ты должен. Мир меняется быстро, сам видишь, историк, поэтому у нас нет другого выхода, как прогибаться под его перемены, иначе отторгнет.

Только много позже я вспомнил, что Баранов с точностью, что называется, до наоборот произнес слова, которые через много лет споет один не очень умелый поэт, бывший всеобщим кумиром, но умевший лукавить так, что этого никто не замечал.

— Ну, пошли, — сказал Баранов, дергая меня за рукав.

— А куда? — глупо спросил я.

Я не чувствовал страха, только любопытство, знал, что обещанное Лёшкой так или иначе связано с моим интересом к недавней истории страны. Вот только каким боком — понять не мог. Не мог понять и того, при чем тут Люца.

— Для начала — ужинать, — ответил Баранов. — Поесть надо, у меня котлеты есть по одиннадцать копеек, вчера в кулинарии на Кутузовском взял, специально ездил. А там и время подойдет. Я тебя предупреждал, чтобы никому ни слова?

— Да. Два раза.

— Предупреждаю в третий раз. Для тебя же стараюсь, а то к психиатрам попадешь. Или к психологам?.. В дурдом, короче.

В квартире Баранова царил полный кавардак. Я знал, что его дед из когорты старых большевиков, так усердно вырубленной Сталиным, один из немногих дожил в здравом уме до глубочайшей старости и умер год назад.

— Видишь, что дома творится... Никак до дедушкиных бумаг не доберусь. Понимаю, что надо разобрать, а духу не хватает. Там его стихов

много. Он рассказывал, что Клюев хвалил, они дружили, пока того не арестовали. Я ж из крестьян. Лапоть.

Лёшка болтал без умолку о всяких разностях, я видел, что он волнуется.

— Слушай, Лёш, — перебил я, — а сегодня день смерти Сталина. Это совпадение? И при чем тут старуха Фонкац?

Лёшка споткнулся на полуслове, и даже в тусклом свете люстры я увидел, как исказилось его лицо.

— Вопросов глупых не задавай, — почти прошипел он. — Сам все увидишь, я же предупредил, что каждый за себя. Ответы долго искать будешь. Я вот уже ищу, и может, до смерти искать буду. Так что заткнись. — Он посмотрел на часы. — Пора. Ну ты и жрать здоров, все мои котлеты слупасил... Пойдем.

Лёшка без труда отодвинул от стены высокий шкаф, стоявший в углу у входа, за которым обнаружилась заклеенная другими обоями дверь.

— Я ее обнаружил, когда ремонт делал. Дед в больнице лежал. Один мой приятель ключ подобрал, большой умелец на эти дела. Но и он ничего не узнал. Не пустил я его, деньгами откупился, уж больно любопытный был.

Ручка отсутствовала, Лёшка ногтями потянул дверь на себя, она тяжело открылась. Дальше была темнота.

— Вот смотри, — он посветил аккумуляторным фонарем, — стена в три кирпича слева и в три справа. А между ними узкий проход, такой, что продвигаться понемногу можно только боком. За левой стеной — квартиры, — видишь, белой краской отмечены, за правой — коридор, ведущий к входной двери и к лестнице. Где пятно краски, там глазок, так что мы сейчас пойдем посмотреть, что в этот поздний час делает старуха Фонкац. Моя квартира последняя по коридору, от нее и начинается этот проход. Я только за Людей подсматривал, больше ни за кем, а она узнала откуда-то и меня на ковер вызвала.

— Я читал, что в «Доме на набережной» ниши для прослушки есть. Неужели и тут...

— Ага. И не только для прослушки, для наблюдения.

— Но ведь это дом НКВД...

— То-то и оно, что НКВД. Рыбка-то... знаешь, откуда гниет... Вот и опасались.

— А когда при Хрущёве капитальный ремонт был, как могли не заметить?

— Конечно, заметили, еще и глазки новые поставили, с широким углом обзора, в тридцатых таких не было, я проверял. А в комнатах замаскировали в электросчетчиках, туда все равно никто не лазает. Опломбировано.

— Зачем? Зачем оставили-то?

— На всякий случай, думаю. Хрущ полагал, что навсегда пришел, а крови на нем не меньше, чем на других. Возможно, настроениями интересоваться, а может, другие планы были. Но — к делу, будущий историк.

Я про старуху Фонкац подробно тебе расскажу потом, сейчас я хочу одного — чтобы ты сам убедился, что она не в своем уме. Мне это нужно. Для будущего. Я выбрал тебя... кто знает, что может случиться со мной. Наследство нашей консьержки не должно пропасть.

Мы двинулись по коридору, передвигаясь боком, Лёшка впереди. Дошли до конца коридора, и я понял, что за стеной квартира Люцы. Лёшка остановился.

— Здесь, — прошептал он. — Видишь — пятно краски, а вот глазок. Говори тише, тут стена истончена, все прекрасно слышно с обеих сторон. Смотри. — Он отодвинулся.

Я, стараясь не дышать, посмотрел в глазок. Он и правда давал широкий, хоть и несколько искаженный обзор всей комнаты. Я сразу разглядел металлическую кровать со множеством подушек, уложенных друг на друга, как это делают в деревне, большой трельяж, ломающий высокими зеркалами пространство комнаты, у двери — тумбочка с новеньким кассетным магнитофоном. Круглый стол посередине. Ну, еще вазочка на столе хрустальная, а вот в углу... Я даже не поверил своим глазам. Это было что-то вроде иконостаса, иконы громоздились одна на другую, темные, старинные, они освещались множеством расположенных вокруг лампад. Я подумал, что Люца не может быть верующей, она член партии — и всегда смеялась над старухами, тянущимися на колокольный звон в церковь поблизости. Тем не менее, когда я внимательно пригляделся, темные лики показались мне знакомыми. Я вздрогнул от неожиданности и, не буду скрывать, страха. На самой большой доске был изображен «отец народов» в терновом венце и с яркими каплями крови, стекающими по виску, краю массивного носа и щеке; в ликах поменьше я узнал Троцкого, Свердлова, Бермана, Фриновского. Но большинство изображенных были незнакомы мне.

Холод, ползущий по позвоночнику, стал почти невыносимым.

— Что это? — шепотом спросил я у Лёшки.

— Что видишь, — также шепотом ответил он. — Боги старухи Фонкац. Почти полночь. Сейчас...

Он замолк, поскольку дверь открылась и в комнату вошла Люца. На ней была парадная форма подполковника внутренних войск НКВД. Левая половина груди была увешана медалями, я разглядел еще орден Ленина и Звезду Героя Советского Союза. Плотно закрыв за собой дверь, она, не глядя, нажала кнопку кассетника на тумбочке. Зазвучал сталинский гимн. Люца вытянулась, постояла несколько секунд и, чеканя шаг, подошла к изображениям своих богов. Снова вытянулась по стойке смирно, правая рука взметнулась к виску. Когда гимн отзвучал, Люца сняла берет, аккуратно положила его на стол и медленно опустилась на колени перед своими богами, шепча что-то, чего я не мог слышать. Так она стояла минут пять, потом поднялась, аккуратно, одну за одной, задула все лампы, и я перестал что-либо видеть. Через минуту свет проник из соседней комнаты — Люца открыла дверь, ее фигура на секунду осветилась, и она вышла из комнаты, оставив за собой только темноту.

Я выдохнул. Лёшка хихикнул мне в ухо:

— Ну что, понравилось? Такая вот у нас консьержка, ага. Но договоренность наша в силе, полное молчание о том, что видел, и никаких расспросов. Я сам расскажу тебе все, когда сочту нужным. А может, не расскажу никогда.

Мы выбрались из коридора, он закрыл дверцу и пододвинул к стене шкаф.

— Шагай домой. И ничего не было, понял?

Несколько дней я перебарывал увиденное, пытаюсь понять хоть что-нибудь, но ничего, кроме того, что Люца имела высокий чин в НКВД, прошла невредимой все чистки и процессы, полностью спятив к старости, не приходило мне в голову. Зато хотя бы случай с пьяным, ломившимся в дверь, нашел объяснение. Но я совершенно не понимал, зачем Лёшка показал мне Люцины секреты, да еще так загадочно объяснил их, ничего и не объяснив. Но скоро все встало на свои места.

Я возвращался из университета около десяти. Люца еще не закрыла дверь в консьержную и, сидя за столом, вязала. Увидев меня, она бросила вязание на пол и со странной резвостью выскочила из-за стола.

— Ты сегодня рано, Борис, — быстро проговорила она, выходя в подъезд. — У тебя найдется время поговорить? Я напою тебя чаем. Накормить могу, ужин на плите.

Понятно, что после всего, виденного мной, я пошел бы разговаривать с Люцей, даже если бы меня разбудили в три часа ночи.

— Проходи, садись, — суежилась Люца, ставя на стол чашки и розетки с вареньем. — Погоди, подъезд закрою, пора уже.

Но она закрыла не только подъезд, но и замкнула на два оборота ключа дверь в консьержную, да еще плотно задвинула шторы на окне.

— Я хочу поговорить с тобой, Боря, — начала она, наливая чай. — Ты всегда нравился мне, ты очень правильный мальчик.

Она замолчала.

— Спасибо, Люция Генриховна, — ответил я, — но...

Она вздохнула.

— Ладно, я не буду тянуть кота за хвост. Борис, у меня рак, оперировать который нельзя, а лечить бессмысленно. Завтра рано утром я уезжаю в Иркутск к сестре, там и умру, потому что не хочу продлевать существование. Мне восемьдесят два года, и я не привыкла существовать, не умею, я умею жить, а это теперь невозможно. Не спрашивай, откуда именно, но я знаю, что ночью ты видел меня, видел, что я делала в комнате...

— Люция Генриховна...

— Не перебивай. — В ее голосе звякнул металл. — Ты знаешь половину моей тайны, ее знает и Алексей. Я хотела доверить ему и вторую половину, но не стану. У него блудливые глаза, он хитер, а когда я умру, он будет делать себе имя на моей тайне, он покалечит ее, искорежит то, что непременно возродится из пепла, в котором сейчас прозябают люди, советские люди. Я могу довериться тебе? Когда наступит счастливое буду-

щее всего мира, это случится при твоей жизни, я уверена, ты расскажешь стране и миру обо всем.

— Люция Генриховна, что вы имеете в виду? — несколько раздраженно спросил я, и она уловила мое раздражение.

— Не торопись, скажи только, ты согласен?

— Я буду историком, как я могу не согласиться...

— Я родилась в начале века, Борис, гимназисткой ушла в революцию, служила в ЧК, НКВД, МГБ. Моему богу... что я говорю, нашему общему богу, а ты теперь знаешь, кто он, было угодно, чтобы я прошла невредимой через все наши победы. — Ее глаза загорелись фанатичным огнем. — Пять лет до войны и три года после нее я имела счастье быть с ним рядом каждый вечер. Он берег свою человеческую оболочку, свое временное пристанище, поэтому каждый вечер меня привозили к нему. Дабы определить, не болен ли он, я наносила ему на левое предплечье чернилами из старинного флакона три полоски — тонкую, среднюю и толстую. В большой оплетенной бутылки он хранил воду, которой обмывал руку. Две полосы обязательно исчезали. Если оставалась толстая или средняя, тело его было здорово, если тонкая — это говорило о нездоровье, тогда он обращался к врачам. Потом мы пили чай или вино, и он рассказывал мне о том, какое счастливое будущее ожидает мир, о том, что мы движемся к свету, где все будут добры друг к другу, исчезнет ненависть, хитрость, ложь, деньги... То, что я рассказала тебе, Борис, неизвестно ни одному человеку на земле, кроме меня, тебя и его... За пять лет до ухода он перестал вызывать меня, но я была на Ближней даче в тот вечер, когда он ушел. Я заглянула в комнату, он лежал на диване, еще дышал, и я, клянусь, видела терновый венец на нем. Никакого креста не было, потому что религия — ложь, а терновый венец — был. Я записывала за ним, но многое не понимала, это дело будущих поколений. Дружила со многими великими людьми, его сподвижниками. Наш бог отнимал у этих людей жизнь, когда они исполняли свое земное предназначение, но и они когда-нибудь вернутся с ним, потому как преданы ему. Их имена проклинали, но простые смертные не ведают, что творят. Бог вернется, чтобы спасти людей, вязнущих в пороке, везде, на всей земле. — Ее голос зазвенел, а глаза смотрели мимо меня, в вечность, уж не знаю, в прошлое или будущее. — Я не дождусь пришествия его, а тебе суждено быть свидетелем. Тогда ты раскроешь всем мою тайну. Я дам тебе альбом фотографий, эти фото никто никогда не видел, они существуют в одном экземпляре, пластины и негативы уничтожила я сама. И еще — рукопись моих воспоминаний и записи бесед с ним, они станут настоящей библией, потом бог вернется и коммунизм воссияет на всей земле.

Я смотрел на нее, и знакомый уже холод полз по позвоночнику вниз от шеи. Она говорила чеканно, выверенно. Я очень старался внушить себе, что имею дело с выжившей из ума фанатичкой, но у меня ничего не получалось. Мало того, ее слова захватывали меня, несли куда-то, голова моя кружилась, и виделся уже мне сияющий Город Солнца Кампанеллы,

и слово «коммунизм» вдруг перестало казаться глупым и не имеющим к серой реальности никакого отношения, а наши насмешки и политические анекдоты, напротив, оказались полной глупостью, преступной даже.

Я сделал над собой усилие, тряхнул головой и сразу ощутил себя в теплой консьержной за чашкой чая с милой и очень разумной старушкой.

— Я могу прочитать ваши воспоминания? — осторожно спросил я.

— Нет, — отрезала она. — Ты не готов. Там спрятаны тайны, которых нет ни в одном архиве.

— Неужели? — Я схитрил, придав своему голосу максимальную язвительность.

— Ты еще молод, Борис, — заговорила она, вдруг улыбнувшись. — Я хорошо знаю о твоём особом интересе к временам величия страны, но ты не понимаешь, что бог все делал только для ее блага. Пока он не вернулся и пока над народом этот мужик Брежнев, никто не должен знать многие вещи. Заговоры, процессы, интриги, — все это мелочи. А вот то, что бог вынудил Гитлера напасть на нас и ценой миллионов жертв подарить половине мира свет истинных знаний, известно только мне. Тайна блокады Ленинграда, тайны вечной жизни Троцкого, женских штрафбат-тов, великая жертвенность генерала Власова — это и многое другое неизвестно никому в мире, кроме меня. Когда придет время, ты опубликуешь настоящую библию, и все узнают, что в ней нет Иуды, потому что бога никто не предавал, он сам покинул нас, когда счел нужным, обрек на испытания безвременьем. Ты станешь одним из творцов настоящей веры, апостолом, а какое место предстоит занять в ней мне — не могу знать.

Она замолчала. Так же молча дала мне две небольшие, хорошо упакованные коробки.

— Все тут, держи. Я знаю, ты сам пока вне веры, но она придет. Не поминай меня лихом.

Я вышел от Люцы совершенно потрясенный услышанным. Анализируя, я допускал, что, пережившая всех начальников, и больших, и маленьких, Люция вполне может быть хранилищем тайн, свидетельств которым не существует по разным причинам. С многократно большей степенью вероятности я мог предположить, что Люца просто сумасшедшая старуха, почти уверился в этом, но что-то не складывалось. Станным казалось то, что никакой тяжести после разговора с ней не осталось. Ее слова в какой-то момент даже подействовали на меня гипнотически, что греха таить, был момент, когда я поверил ей. Мне было жаль, что она умрет, ведь каким богам поклоняться — личное дело каждого. Вот у меня их вообще нет. Но я был порядочным человеком, во всяком случае, думал о себе так, поэтому поклялся не открывать коробки.

Конечно, Люца досрочно свела в могилу не один десяток человек, но... У нее были идеалы — и, подписывая смертный приговор невиновному вообще ни в чем, она была уверена в своей правоте. У нее был бог, пусть чудовищный, ущербный, страшный, но потому была и вера. Извиняет ли это ее хоть сколько-нибудь? Нет, нисколько, но есть тут одна закавыка... Сейчас, в следующем веке уже, тоже происходят страшные

вещи, но никому до этого нет дела. Крестись в храме — и все простится, а не простится — и ладно; какая жизнь лучше, сладкая или вечная, кто знает, да и есть ли она, вечная, вопрос совершенно открытый, а сладкая — вот она, для тебя одного, надо только... Что многие и делают.

Но я отклонился от своего рассказа: то, что происходит теперь, не имеет ни малейшего отношения к истории с Люцей, хотя нынешнее произрастает из прошлого, часто являя собой карикатуру. Я решил для себя, что жизнь сама даст мне знак, когда я смогу достать из надежного места оставленные на мое попечение коробки и ознакомиться с их содержанием. А не будет знака (теперь точно знаю, что не будет) — уничтожу их. Перед смертью.

Лёшка в университете не замечал меня, а я не здоровался. Но однажды мы столкнулись нос к носу в парадном, у запертой консьержной. Кто-то из нас должен был заговорить.

— Ну что, — довольно развязно произнес Лёшка, — обломилось с тайной-то? Небось, до сих пор мучаешься? Интересно, куда иконостас подевался? Знаешь, кто его нарисовал? Каменский, наш бывший генерал-майор. Вишь, Андрей Рублёв... Он мне проговорился, когда исчезновение Люцы обсуждали. Я многим рассказал, чего теперь, дело прошлое...

— Лёш, Лёш... — позвал я его, как будто он шел впереди меня по дороге или в лесу.

— Что? — Он запнулся на полуслове.

— Сволочь ты, Лёша, последняя, вот что, — внятно, чтобы он ничего не перепутал, произнес я и, не дожидаясь ответа, взбежал по лестнице.

Мать обещала испечь пироги, похоже, обещание выполняла, поскольку запах плыл по всему коридору, а есть хотелось смертельно.

Наталья НИКОЛЕНКОВА

НА МАЛЕНЬКОЙ ТЕРРАСЕ

* * *

Читай стихи, на лайки нажимай,
Ворочай уголь, вспахивай гектары,
Верь в декабре, что будет Первомай,
Не пей, не лги, умей держать удары,
Из черепа крамолу удаляй,
Размножься в обязательном порядке,
И никогда себе не позволяй
Забиться в истерическом припадке,
Убей в себе раба, убей жлоба,
Прости плебеям пошлость и измену —
И скучная прекрасная судьба
Достанется тебе всенепременно.

* * *

Ну хватит, пока не свихнулась,
Чертить закорючки свои!
Как будто бы жизнь качнулась
От нелюбви — к любви.

Как будто бы внутривенно
Что-то тебе ввели.
Не ты ли обыкновенна,
Не твой ли корабль на мели?

Но — сталкиваешься с теми,
Кто нежит глаза твои.
И — нервная эта система,
Хоть режь ее, хоть трави.

* * *

В душистом воздухе предместий,
Где лопухи и лебеда,
Последних отзвуки известий
Рассеиваются без труда.

Наверх засмотришься с зарею:
Звезда и плюс еще звезда.
Вот их соединить прямою —
Так приведет она куда?

Сидишь на маленькой террасе
И медитируешь на Обь.
Теряйся, деточка, теряйся,
В предместьях раствориться чтоб!

Осе по морде наглой врежешь,
Сорвешь мускатный виноград...
А запахи-то — те же, те же,
Что триста лет тому назад.

* * *

Не сопротивляйся. Тихонько спи
В постели из цветочных лепестков.
Душа — не собачонка на цепи,
Не речка, вышедшая из берегов.
Не знать, кому она принадлежит —
Подарок милосердных высших сил.
Не говори: «Я влюблена», — скажи:
«Спасибо».

* * *

Пальцы пахнут медными монетами.
Так вперед, солдаты доброты!
Закидаем всех врагов букетами
И пересчитаем все цветы.

Эта жизнь, как мелочь золотистая,
Бьет под дых, перевирает сны
И пугает мелкими убийствами.
Мелкие убийства — не страшны.

КОНЕЦ ЛЕТА

Незагоревший палец под кольцом.
Собака ест с ладони эскимо.
И юноша с обиженным лицом —
Не мой герой, а персонаж кино.

Незагорелый пылкий дистрофан,
Участник сексуальных эскапад.
Кусочек жизни делим пополам,
Встречаясь наугад и невпопад.

Мы лета уходящего ломоть
Кусаем и глотаем, не жуя.
Кусочек сердца — нет, не отколоть,
И не пытайся, деточка моя!

* * *

Есть смутный кайф в ленивой пластике сюжета,
Когда движенье невозможно угадать.
Всё — в глубине, как затонувшая монета,
Ни разглядеть, ни прикоснуться, ни отдать.

Есть пошлый привкус в ощущеньи перспективы,
Навек заученной, как гамма си минор.
Вот лошадь, скажем, — ей неведомы мотивы,
А только запахи, движенье и простор.

* * *

На игрушечном паровозе
Никуда не уехать нам.
День, как девственница, нервозен
И не делится пополам.

В непрочитанные романы
Мы опять уходим пешком —
Вечно пьяны, непостоянны,
Оттого и идем легко.

Незнакомые птицы воркуют,
Ядовитые травы дрожат —
Вот такую, такую, такую
Жизнь и хочется продолжать!

Дмитрий ЕРМАКОВ

ТАЙНЫЙ ОСТРОВ

Р о м а н *

Глава первая

1.

Семигорье — главное село округа — раскинулось вблизи синего Сухтинского озера, чуть в стороне от главной дороги, на долгом пологом склоне холма. Церковь в окружении тихих могил стоит на вершине, три изогнутые улочки — избы с палисадами, сараи, бани, огороды — сбегают в сторону озера. Но до озера улицы не добегают — будто растворяются в травах и кустах водополя.

С холма видны: в одну сторону — воды Сухтинского озера, изгиб впадающей в него речки в травяных берегах, серая дорога вдоль воды; пересекая речку, большая дорога сворачивает от озера, огибает холм и село и потом снова приближается к озерной глади; в три другие стороны — невысокие длинные холмы (из Семигорья видны шесть холмов — отсюда, наверное, название и всей волости, и села, ведь оно стоит на седьмом холме). По склонам — поля, крыши деревень, леса, ленты дорог, русла ручьев и речушек, обозначенные зеленым кружевом береговых кустов.

К 1941 году Семигорье — центр Семигорского сельсовета, центральная усадьба колхоза «Сталинский ударник»; в нем еще пять окрестных деревень. Тут же и контора кружевной артели, ведь почти все женщины в округе — от пятилетней девчонки до столетней старухи — кружевницы.

В бывшей Покровской церкви теперь пожарка: колокольня — готовая пожарная каланча; внизу, в самом помещении храма, нелепые в огромном пространстве, телега с бочкой и шлангом, кой-какой пожарный инструмент — ведра, лопаты, топоры, багры; в отдельной выгородке — сено для мерина. Сам же мерин Соколик, исключенный по старости из колхоза, тихо живет в отдельном сарайчике рядом с церковью, летом гуляет на длинной привязи там, где определит ему конюх.

* Журнальный вариант.

Постоянных пожарных двое — однурукий дед Попов, которому предписано наблюдение с колокольни-каланчи за округой и немедленная подача сигнала в случае замеченного пожара, и Оська-поляк — пожарный-конюх.

Такие строгие противопожарные меры приняты совместным решением колхоза и сельсовета после прошлогоднего пожара. Осенью во время сушки зерна загорелся овин. Огонь едва на крайние бани не перекинулся, тогда бы уж и селу несдобровать. Село-то отстояли, а вот несколько тонн зерна, в снопах и уже вымолоченного, напрочь сгорело. Злого умысла в том, конечно, не было: караульщик, Васька Косой, поддерживавший огонь, просто-напросто уснул, ладно хоть сам не сгорел.

Бригадир, отвечавший за сушку, Степан Бугаев, первым к горящему овину прибежал. Васька, ошалевший от страха, сидел, обхватив голову, под дымящейся стеной. Степан за ворот его схватил, оттащил, пинка под зад дал. Прибежали еще люди. Пытались тушить. Не спасли зерно.

Когда из района следователь приехал, Степан вдруг и скажи, что это он в ту ночь дежурил. «А вот председатель говорит, что дежурил Василий Ляпин», — следователь ему. «Нет. Я его подменил. Ваське надо было картошку копать, он же один у матери-то, вот я и подменил». Так ведь и взял вину на себя — отчаянная голова. Пять лет дали. «Ты зачем это сделал-то?» — его спрашивали. «А чего мне? Васька — он убогий, инвалид. Куда ему. А я хоть мир погляжу», — небрежно вроде бы говорил Степан.

Отправляясь в городскую тюрьму, оставлял он одних престарелых родителей. Сестра Мария — замужем в городе.

Вот после того пожара и пожарку устроили.

Сейчас на звоннице колокольни и сидят Николай Иванович Попов — старый моряк, участник Цусимы (вместо левой руки у него культия до локтя); Осип Поляков, внук ссыльного поляка — длинный, худой, с вытянутым унылым лицом, кадыкастый парень (пора бы уже и мужиком быть, да все жениться не может); и присоединившийся к ним любитель умной беседы и коллективного газетного чтения очкастый ветеринар Готов. Он умеет строить смешные рожи или же напускать на себя важность, так что, бывает, и не поймешь, всерьез говорит или шутит. Однако же — человек уважаемый, в городе ученный.

Читают, кажется, «Известия».

— Да не части ты, Сано! — ругнул дед Попов ветеринара. — Помедленнее, внятно читай, а то шамкаешь.

— Сам ты, Николай Иванович, шамкаешь, — огрызнулся Готов, но читать стал медленнее. Попов довольно кивнул и стал особо внимательно слушать «про япошек».

— «Севернее Самшуя, — Готов успел тут вставить «ух ты!» и подмигнуть Полякову, — продолжаются бои около Лубао. В этих боях японцы потеряли двести человек. К юго-востоку от Кантона японский отряд в четыреста человек атаковал китайские позиции в окрестностях Шэньчуня, — и опять «ух ты» вставил и подмигнул. Оська усмехнулся в ответ,

а старик ничего не заметил. — После боя, длившегося всю ночь, атакующие вынуждены были отступить».

— Ишь ты, огрызаются китайцы-то. А нам дак наваляли япошки, — заговорил снова Попов. — Обидно: мы по ним палим, не достаем, а они каждый раз — точное попаданье.

— Завел опять. — Готов прекратил чтение. — Скажи еще, что рис невкусный.

Николай Иванович Попов, два года после Цусимского сражения пробывший в японском плену, часто вспоминал то время, ругал морское командование и «японскую крупу», то есть рис.

— А тебя бы два года той крупой кормили! — ругнулся он на Глотову. — Оська, там не пора ли склянки-то бить? — Полякова спросил. Это председатель колхоза Коновалов ввел — в шесть утра, потом в девять, в полдень — и далее через три часа до девяти вечера «бить часы», чтобы дисциплинировать труженников колхоза.

Осип достал из кармана штанов часы с откидной крышкой (говорят, что часы еще его дедом из Польши привезены), неторопливо нажал рычажок сбоку; не сразу, будто подчиняясь неторопливости владельца, часы откинули крышку.

— Нет, не пора, пятнадцать минут еще.

И продолжилась политическая беседа:

— Вот мы с немцами договорились, мировую подписали, а японцы с китайцами — никак. Не хотят мира япошки! — говорит старик Попов, щелкая при этом пальцем по газете.

— Гитлер — хитрый лис, обведет Сталина, — говорит многозначительно Готов, будто знает что-то такое, чего не знают другие.

— Ты это брось, — недовольно бросает Попов. — Хитер Гитлер, да ведь и Сталин не глуп!

— Дай-ка, Александр Петрович, твоих-то покурить, — смущенно просит Оська Поляков у ветеринара, который вчера вернулся из города с районного совещания и привез «Казбек».

— Тут и Александр Петрович, а то все — Сано, Сано, — недовольно бормочет Готов, напуская на себя смешную обиженность, перебирая губами, будто бормоча что-то еще. Достает портсигар, неторопливо раскрывает.

Оська двумя плоскими пальцами с желтыми от курава ногтями достает папиросу, прикуривает, опять смотрит время, берется за веревку, привязанную к языку маленького колокола.

— Только что говорил — пятнадцать минут, — удивляется Готов.

Оська только отмахивается, не выпуская папиросу изо рта, дергает веревку. Дребезжащий звук скачет по селу, по ближним полям, будто вязнет в кустах у леса и у озера.

— Вот кто велел большой-то колокол скидывать? Мешал он им, — недовольно кричит дед Попов. — Это ж недоразумение, будто чугунок треснувший брякочет, — говорит еще о звоне маленького колокола. И, отмахиваясь от табачного дыма: — Нашли место дымить! Церковь ведь тут.

— Нету больше церкви, — твердо и даже вроде бы зло ответил Глов. — Пожарка тут у нас, — с видимой даже издевкой добавил.

Разоренная церковь — боль старика Попова, да тут и он не волен что-то сделать. Хоть алтарь запер, хоть иконы по добрым рукам раздал.

А большой колокол скинули сельсоветчики и комсомольцы еще лет десять назад — в тот же год закрыли церковь, был арестован и выслан, как говорили, куда-то на Печору, священник отец Анатолий и образован колхоз. На колоколе была медаль с изображением императора Александра — тем, видно, и не угодил. При падении колокол раскололся. Осколки и мелкие колокола-подголоски куда-то увезли. Говорили, что из колокольного металла делают тракторы, но никто до сей поры в Семигорье тракторов не видывал. Оставили вот этот один маленький колокол — «для сигнализации».

Шесть дребезжаще-звонящих ударов. Шесть часов вечера.

Все трое смотрят на округу. Озеро все в золотистых солнечных чешуйках. Безветрие. Ласточки высоко стригут воздух острыми крыльшками. Возвращаются с работ колхозники. Одна бригада припозднилась — дометывает стог за Косминским лесом. Без понукания тянется от дальней выгороды по прогону колхозное стадо, и пастух Кукушкин во всепогодном плаще дремлет, покачиваясь на вислобрюхой лошадке. Из-за ближнего леса мальчишка-пастушок гонит овец и коз. В палисадах и у могилки вокруг церкви цветет сирень, сладкий дух ее к вечеру становится еще ощутимее.

— Пойду стадо принимать, — говорит ветеринар.

— Пойду мерина заставить, — говорит Оська-поляк.

И оба уходят. Николай Иванович Попов остается. Он вспоминает годы, когда, как и все мальчишки, за счастье считал побывать на этой колокольне, дернуть за веревку, привязанную к языку большого колокола, оглохнуть от праздничного перезвона. Да, другая жизнь, совсем другая пришла. Будто и не было детства, молодости, будто уже и не он служил на военном корабле, был в далекой Японии, видел, возвращаясь из плена, Китай, Сибирь, Урал, Москву.

Вечер сегодня тихий. Завтра, в воскресенье, «на обещанный» — шумно будет, вся округа соберется. Престольный-то у них — Покров. А «обещанный» — Всех Святых праздник.

«Церкви нет, а праздник остался... Вот как! — удивился в себе старик. — А без церкви дак чего — фулиганство одно!..»

Дед Попов еще долго сидел на колокольне один. Смотрел и ничего не видел — вспоминал, думал.

Это теперь лучше не упоминать, а раньше не скрывали — все знали, да и сегодня помнят — в семье Поповых в каждом поколении монахи были. Или кто-либо из братьев, или дочь в монастырь уйдет. Были и иеромонахи среди них (оттого, может, и фамилия Поповы пошла). И у него брат был монахом — умер уже. Вот и сам он — не монах, а все ж, как инвалидом в Семигорье вернулся, все при церкви. Раньше сторожем, теперь вот так получилось. Да что ж делать-то... Его и батюшка-страдалец отец Анатолий, перед тем как забрали его и церковь закрыли,

благословил, просил, чтобы он при церкви оставался, хранил от осквернения алтарь. И дед Попов никого в алтарь не пустил, запер на замок, да и все — кладовка, мол, там. Иконы, какие смог, тоже прибрал, многие из них разобрали по домам бывшие прихожане.

Старик отбил девятичасовые склянки, постоял еще, посмотрел на розовеющее в закатном солнце озеро, на зарождающийся туман, тонкие пряди которого начинали свиваться над водой, на всю эту округу, поля которой исходил он с косой и плугом еще до призыва на морскую службу, тропки которой в детстве уминал босыми пятками. Спустился с колокольни, привычно управляясь одной рукой, запер низкую деревянную дверь большим навесным замком. Пошел вокруг церкви, мимо и между могил.

В кустах возня и смех. Ясно: парни сирень рвут. Николай Иванович особо не ругался, лишь бы не баловали, могилы не трогали. Но сейчас увидел на примогильной скамейке парня и девушку. Как положено — его пиджак у нее на плечах и рука его тоже на ее плечах, и что-то шепчет ей в ухо, а она его веточкой сиреневой по губам.

Услышав шаги старика, девушка сорвалась с места.

— Да подожди! — Парень ее удерживал за руку. — Чего тебе, дед? — к старику обернулся.

— Да мне-то ничего. Это вы другого места не нашли. Ты вроде не наш. С Космова, что ли?

— Не твое дело, дед, — огрызнулся парень и побежал за вырвавшейся все-таки девушкой.

— Я вот тебе дам — не твое дело! Вот парням-то скажу — наваляют. Ишь ты... — недовольно бурчал старик, короткими шажками подвигаясь по тропке между могил.

«А девка-то — Валька, что ли, Костромина? Похоже, что Валька. Ох, быстро растут — давно ли соплюшка тоже была. С дедом-то ее, с Андреем, смеялись, что вот бы Ванька-то взял бы Вальку — породнились бы. А она с каким-то уж жметесь. Да это вроде Митька — бухгалтер кружевной артели. А Ванька так о девках и не думает, а ведь... Сколько же ему получается-то?.. Иван, отец его, в конце семнадцатого приходил. Значит... этот-то Ванька — с восемнадцатого. Сколько это получается-то?.. Пора. Пора уж жениться-то ему. Да ведь и я такой же был. Все мы, Поповы, такие. Да...»

Вот и могила дружка его Андрея Костромина, с деревянным темным крестом. Пятнадцать лет в могиле Андрей, годоводок его. «А я вот зажился. А и хочется пожить-то. Помирать пора, а хочется...»

«А вот и Александра Харитоновна моя. Вот и ты...» — к могиле жены подошел, постоял, прошептал что-то, кивнул. Дальше пошел.

2.

Озеро нынче спокойное. А бывает — подует дольник-ветер вдоль озера (оно вытянуто, как щука, с юга на север), разгонит волну — страшно.

Иван Попов спускается по загородной тропке к озеру. Вечереет. И долго еще и после зорьки будет витать миражный, забеленный туманом свет. Потом на краткий миг стемнеет — и снова заря, уже утренняя.

Роста Иван небольшого, но плечистый, ладный, волосы светло-русые, глаза серые — летом до голубизны выгорают. Мать его, Катерина, глянет нечаянно, ахнет — отец же вылитый! На деда своего, Николая Ивановича, тоже похож.

Семилетку Иван не окончил (семилетняя школа помещается в том же доме, неподалеку от храма, где раньше была церковно-приходская). Из-за ерунды вроде и получилось-то, а — наотрез: не пойду больше, и все тут!

Учился Иван не очень хорошо, но школу любил, старался. В одном с ним классе учился Митька Дойников. Тот вроде и не старался, а отличник был, на лету все схватывал. В любых делах — Митька заводила. А насмешник такой, что не дай бог на язык ему попасться. Ванька попался.

В пятый класс он пошел в пиджаке, перешитом матерью из старого отцовского. Радовался — настоящий пиджак, как у взрослого!.. И чего Митька смешного нашел — давай смеяться, пальцем тыкать: «Батькин пиджак, батькин пиджак!» А Ваньке особенно обидно оттого, что отца-то своего он в глаза не видывал. Смеется Дойников, да еще такие рожи корчит, что и весь класс — впокатушку. Ванька и сорвался, убежал. И с тех пор в школу — ни ногой. Хоть мать и силком заставить пыталась, и со слезами: «Не позорь меня перед людьми. Скажут — безотцовщина, дак и не выучился...» Даже директор школы Антон Сергеевич приходил, с матерью и с ним разговаривал. Нет, не стал больше Ванька учиться. В колхоз работать пошел. С тех пор все работы прошел. Сначала отправили его со старшим огород пахать (на колхозном огороде сажали картошку, морковь, огурцы, капусту). Гряды пахать — это не как поле под жито, надо лошадь левее плуга держать. Вот он, Ванька, и направлял ее, а старшой плуг вел.

Потом уже Иван сам и боронил, и поле пахал. Прочел председатель его тягу к механизмам — на конную молотилку поставил. Тут уже двое парнишек лошадей подгоняют, а он за старшего — снопы на барабан подкладывает, когда нужно — механизм смазывает, настраивает. Так вот уже несколько лет у него и идет работа в колхозе — весной пашет, летом косит траву на конной косилке, потом зерновые, ячмень, рожь, овес, потом, осенью, он же и молотит на конной молотилке — часть зерна в колхозе сушили и молотили по старинке, в овинах, цепами. Зимой — вывозил в поле навоз, возил сено, дрова. Все у него хорошо получалось, все ему нравилось в этой работе, не жалел Иван, что из школы ушел.

С девушками он и правда не гулял. Как в школе еще в Вальку Костромину влюбился, так ведь на других и не смотрел, а и ей-то сказать не мог. Не то что сказать — выдать себя хоть чем-то боялся. А она в последнее время с Митькой Дойниковым гуляет.

Года два назад, весной, Ванька, да и все, кто не поленился, хорошо рыбы взял. Сети прямо на водополе, заливаемом в половодье луге, ста-

вили, рыба в считанные минуты сети забивала, успевай освобождать и снова забрасывать.

И поехали удачливые рыбаки-семигоры в город, на базар, рыбу продавать. Иван тоже. Хорошо заработал. Там, в городе, и купил гармошку. Почти что все деньги на нее и извел.

Мать узнала — только руки развела, хотела хлестнуть его мокрой тряпкой, да махнула, отвернулась, ушла. Отец-то его, муж ее, тоже играл; продала она гармонь, когда одна с дочерью и сыном осталась.

Иван быстро на гармонии играть выучился. Может, для того больше и выучился, чтоб с пляской не приставали: не умел он плясать, стеснялся.

Но что бы причиной ни было, а играть любит. Ах, как гармошка ему нравится! Розовые меха, перламутровые кнопки, кожаные ремни, податливый его пальцам голос. Всю душу его гармошка выпеть может. И ведь никто не учил. Сам на слух любую мелодию, не только под пляску, но и песни подобрать может.

Тропа петляет среди ивовых кустов и зарослей осоки. Взлетел из травы голенастый, с длинным кривым клювом, кулик. Слышны пронзительные крики чаек впереди, на озере. Стрекозы перелетают со стебля на стебель, зависают в воздухе, их так много, что кажется, это они своими слюдяными, синеватыми, взблескивающими на солнце крылышками и делают легкий ветерок.

Иван вышел на берег, столкнул на воду лежавшую в траве плоскодонку, влез, вставил весла в уключины, погреб. И еще долго шуршали весла и борта о хвощи и осоку, пока лодка не вышла на чистую воду.

Солнце садится в заозерный лес. Вода — лазоревая, розовая, сиреневая.

Сеть поставлена от прибрежной мелкоты, от того места, где заканчивалась озерная трава, вглубь озера, к середине, натянута между двумя крепко вбитыми в глинистое дно батогами. По верхнему краю сетки — берестяные поплавки, по нижнему — грузила, две тяжелые ржавые гайки от какого-то механизма, старинные, из обожженной глины, с камнем внутри.

Сетку Иван не снимал — только проверял, склонившись, поднимал кусок сети, вынимал рыбу. Все больше лещ, но вот и щука, вот и хищные горбатые окуни, вот и царь-рыба — нельма...

Так бывает на озере: туман сгущается вдруг, внезапно, такой, что не видишь пальцев собственной вытянутой руки. Да где же берег-то? Уж какой бы ни был туман, а в своем-то озере не заблудится ведь семигор. Но не шуршат весла осокой — будто не к берегу, а дальше в озеро плывет Иван.

И вдруг лодка уперлась в берег. Он потыкал веслом, раздвигая туман, вылез, поддернул лодку за носовую цепь. Звуки будто вязли в набухшем воздухе: не слышен ни плеск воды, ни звон цепи.

Еле виднелись вблизи кусты, деревья. Иван не узнавал место.

И тишина. Тишина такая — будто мхом уши заложило.

Но что это?.. Звук — сперва далекий, потом ближе, ближе... Голоса... Поют, что ли? Молятся?.. Церковь. Ворота в нее открыты, а там огоньки свечей и негромкое, торжественное пение. Да что же это за церковь-то? Такой и не видывал. Иван поднялся от воды, приблизился к храму, но дальше, за порог, не может и шага сделать. И к нему вышел монах, старый, весь в черном... и кресты белые на одежде, а за ним еще шестеро в монашеской одежде стоят, опустив очи долу.

— Опять враг на Русь пришел. Будем молиться. А ты иди и не бойся. Иди! Бог с тобой, Иван. Вернешься — вместе помолимся, — молвил старец.

И снова все стало расплываться, гложуть, исчезать, затягиваться туманом.

Говорят сказки, мол, был остров посередь озера — с монастырем на нем. Пришли в смутные времена воровские люди в их места — деревни, села, храмы божьи грабили, узнали и про монастырь на острове. Решили, что уж там-то, в защищенном водами озера монастыре, богатства неметные хранятся. Собрали все лодки в прибрежных деревнях, поплыли к острову.

И узнали монахи о приближающихся врагах. А было монахов тех семеро вместе с игуменом. И молились они. И когда вступили враги на остров, вдруг не стало ни острова, ни монастыря, ни монахов, ни воровских тех людей. И лишь на великие церковные праздники или же перед великой бедой открывается тот остров чистому душой человеку.

Иван вернулся к лодке, столкнул на воду, поплыл. Туман расступился. Да вон и берег, вон и село!

Вернулся домой. А все не в себе был, все понять не мог — виделось ли ему или же на самом деле все было.

— Где ж ты столько времени был-то? — мать заругалась. — Я уж хотела мужиков поднимать.

Иван на часы-ходики глянул: было пять минут пятого уже нового дня — 22 июня 1941 года.

— На озере, сеть проверял.

— Да где же рыба-то? — мать все успокоиться не могла. — Где ты был-то, Ванька?..

— На озере, — повторил он. — Рыбу-то я оставил в лодке. Я сейчас!

— Да сиди уж.

Но он уже выскочил из избы.

3.

На рассвете 22 июня, в день Всех святых, в земле Российской просиявших, армии Германии и ее союзников перешли границу СССР. Авиация немцев бомбила советские города...

Над озером, над заозерным глухим лесом, над Семигорьем, над миром вставало солнце, разгоняло ошметки тумана.

Иван спустился по росяной тропке к воде. Всмотрелся в озерную даль, хоть и знал, что не увидит там ничего особенного: зеленый шелк осоки, вода, чайки и утки на легких волнах, темная полоса дальнего берега. Взял мешок с рыбой, пошел домой. Но по пути свернул к церкви, к деду Николаю. Дед в сторожке при церкви и кладбище живет. Толстые липы и березы над могилами затемяют кладбище, сирень опьяняет запахом.

Иван не хотел будить деда, положил две рыбины на крыльцо и пошел прочь. Но сообразил, что рыб могут утащить вороны, которые во множестве сидят на макушках старых деревьев, или вон та черная, с рыжими подпалинами, собака, неизвестно чья и откуда тут взявшаяся.

Он вернулся к сторожке, дернул дверь. Она подалась, сразу пропускающая в единственную комнату: окошко напротив двери, под ним топчан с раскинутым старым тулупом, стол сбоку. В углу над столом икона. Дед на коленях. Молится.

Поднялся тяжело.

— Чего ты? — Глянул на ходики, подумал сразу — не пропустил ли время для первых «склянок». Не пропустил.

— Вот, дед. Рыба. — И, помолчав, добавил: — Дед, а я ведь, кажись, на острове был сегодня.

— На каком? Зачем?

В озере было несколько небольших пустынных островков, на которых разве только захваченные непогодой рыбаки иногда ждали спокойной воды.

— На том. На тайном.

Старик посмотрел на него, недоуменно сперва. Потом нахмурился, бороду почесал.

— И чего же видел там?

— Святых видел. Сказали, война будет.

— Ну... не знаю. Давай рыбу-то, спасибо. Много взял, молодец, — похвалил, кивнув на мешок.

А когда ушел внук, пал на колени, зашептал молитву истово — ведь и сын Иван этих монахов видел. Перед тем как ушел из дома насовсем.

Сын его, тоже Иван, отец Ивана, ушел еще на германскую (только по весне женился, а в августе забрали); жена дочку первую уж без него, но в положенный срок родила. В семнадцатом Иван вернулся. На две недели только и приехал. На гармошке поиграл, дочь на руках подержал, посенокосить успел и снова ушел. Когда уж прощались, тоже сказал тихонько вдруг: «Батя, я на острове был. Молятся там». И ушел. Через полгода письмо: «Погиб за рабоче-крестьянскую власть». А еще через три месяца родила Катерина сына, которого тоже Иваном назвали.

Глава вторая

1.

Красное солнце встало над миром.

С колокольни разнеслись, будто подскакивая, раскатились по округе шесть ударов в колокол.

Иван запряг жеребца в косилку. Поехал на указанный бригадиром лужок. Хоть и воскресный день — да ведь трава-то не ждет. Перестойт — силу потеряет.

От бессонной ночи и монотонной тряски на косилке разморило его. К речке сбежал, умылся. А когда поднялся — снова услышал дребезжащий звон от села, с колокольни. Нет, не часы дед отбивает. Пожар, что ли?..

Иван заоглядывался тревожно. Не видно дыма нигде. Поехал в село.

У сельсовета уже толпа.

На крыльце: председатель сельсовета Ячин — щуплый пожилой человек в пиджаке поверх старой гимнастерки, в фуражке без кокарды; председатель колхоза Коновалов — высокий, худой, сутуловатый (пиджак на нем висит, будто с чужого плеча), со щеткой усов и зачесанными назад волосами; представитель райкома партии, выходец из Семигорья, потому всем известный Круглов — круглый и белесый, с неизменным портфелем под мышкой; незнакомый молодой человек в военной форме.

— Это-то что за *офцер*? Баской-ти?.. — старуха, видно, еще не понявшая, о чем речь, у товарки спрашивает.

— С района, говорят, приехал.

— Тихо вы, тарактелки! — ругается стоящий рядом ветеринар Глов, но сам еще добавляет поучительным тоном: — Офицеры-то при царе были — теперь командиры.

С крыльца доносятся фразы, по мере их понимания мрачнеют лица людей:

— Товарищи, фашисты напали на нашу Родину!.. Дадим отпор фашистам... Слава нашей советской Родине, слава партии большевиков, слава товарищу Сталину!.. Все как один!..

— Да что случилось-то?

— Война, немцы напали. Говорят, Молотов по радио выступал.

— Ну, дадим немчуре.

— Как бы тебе не дали...

— Что за разговоры!

— Тихо там!

— Товарищи, теснее сплотимся вокруг нашей партии!..

«Опять враг на Русь пришел. Будем молиться. А ты иди и не бойся. Иди! Бог с тобой», — снова прозвучали внутри Ивана Попова слова монаха.

К вечеру стали собираться на праздник. Война войной, а праздник — он всегда был.

Те, кто из дальних-то деревенок шли, еще и не знали ничего. Так что, как новая партия парней и девок в село заходила, начиналось:

— Слыхали?

— Чего?

— Война!

— Какая еще война?!

— С немцами! Молотов, говорят, выступал!..

Начальство — Ячин, Коновалов, Круглов, лейтенант Ершов — сидели в сельсовете у раскрытого окна, курили.

— Надо еще собрание сделать. Люди подходят. Надо выступить, разъяснить ситуацию. А гулянка бы сегодня и вовсе ни к чему, — представитель райкома Круглов сказал.

— Нет. Это, Савелий Ферапонтович, никак нельзя. Гулянку не останавливать. Пусть, — председатель колхоза Коновалов свое мнение выдал.

Ершов с председателем согласился. И Ячин поддакнул:

— Пусть гуляют. Приказа ведь о мобилизации еще нет.

— Еще нет, — подтвердил Ершов. Знал, что завтра приказ будет, потому он и здесь. Завтра, после того как по телефону в сельсовет передадут приказ, он и начнет работу по мобилизации.

А гулянка зачиналась без спросу и разрешения.

Пиликает гармонь, по улице парни идут.

Как в деревенку заходим —
 Телеграмму подаем:
 «Убирайте, бабы, девок,
 Нет — так замуж уведем!»

— Это косминские, что ли? — райкомовец спросил.

— Нет. Это, кажись, бариновские, — председатель сельсовета сказал с усмешкой.

А с улицы несло:

По деревенке пройдем
 Да девяносто один раз.
 Все окошечки завешены —
 Не видно, девки, вас.

Тут и девки откликнулись:

Мы девчата боевые,
 В девках не останемся.
 Ох, и горе же тому,
 Которому достанемся!

— Да, девки у нас боевые! Точно — не засидятся, — снова председатель сельсовета Ячин сказал и улыбнулся.

— Да женихов-то сколько уйдет. Вернулись бы, — покачал головой председатель колхоза.

Словно в подтверждение его слов кто-то выдал (наверное, поколение за поколением семигорских парней сочиняли эту частушку):

Завтра в армию забреют,
 Завтра в армию возьмут!
 Завтра слезоньки у девушек
 Из глазок потекут!

— Ну... дадут фашисту по зубам и вернутся! — бодро Круглов сказал.

— Не говори «гоп»... — Коновалов начал, да сам себя и оборвал.

Стали по домам расходиться. Круглов — к старикам родителям, которые уж заждались его, первым, пожав всем руки, ушел, будто укатился, плотно зажимая под мышкой свой портфель. Коновалов гостеприимно пригласил лейтенанта переночевать у него (жил-то в неважной бобыльской избушке, родительский его дом одряхлел без присмотра, давно уже разобранный на дрова). Ячин тоже позвал. Но Ершов попросился ночевать в сельсовете.

— Так и ладно, кабинет-то я запрю, а вот тут, на диванчике — пожалуйста. А то — ко мне все-таки? — Полуэкт Сергеевич Ячин приговаривал, запирая дверь в кабинет.

— Нет. Я, знаете, поздно ложусь, — лейтенант Ершов говорил, поглядывая на стоявшие тут старые напольные часы, тикавшие громко и как-то вразнобой. — Прогуляться еще хочется. — И вдруг спросил: — А это откуда тут такие? — кивнул на часы.

— А, это-то... Часы-то... — Ячин замешкался, а Коновалов сказал:

— Это от старого хозяина, поповский дом-то, выслали его.

Ершов кивнул.

— Ну, ваше дело молодое, — Ячин сказал, протянул руку лейтенанту.

Ершов, оставшись один, закурил снова. Запоздало подумал, что надо было хотя бы поужинать у председателя. Вынул из планшетки (кожа ее темно-коричневая, без единой еще царапины) кусок пирога, завернутый в газету, налил в стакан стоялой воды из графина. Гармонная игра, частушки, голоса долетали с улицы, беспокоили, звали.

Олег Ершов — городской. Закончил десять классов и военное училище. Выпустили их из училища досрочно (и доучиться-то месяц оставалось) — 14 мая. Направили на западную границу. В такой ситуации о скорой войне догадался бы и полный дурак. Так что о том, что очень скоро (не через год-два, а в ближайшие месяцы) придется вступить в бой с фашистами — все военные, от наркома обороны до курсанта-первокурсника, знали.

Угораздило же его накануне выпуска, 13 мая, в госпиталь попасть с воспалением легких. Через месяц дали недельный отпуск, а затем — в распоряжение райвоенкомата, направлявшего когда-то в училище. Что ж, теперь он точно знал, что в тылу не засидится, скоро на фронт, может, вот с теми, кто сейчас гуляет на улице.

Ершов курил, стряхивая пепел за окно. На столе лежала пачка газет. Взял для интереса верхнюю, прочитал: «Колхозное знамя». Орган райкома ВКП(б). На первой же странице сводка показателей работы колхозов и совхозов района. И по всем показателям «Сталинский ударник» впереди. «Ну еще бы! Отстающему колхозу такое бы название не дали», — подумал Олег. И заглянул в конец сводки — последним был колхоз под названием «Смычка».

Пробежал и заметку под мутной фотографией: натужно улыбающаяся (от ретуши похожая на пожилую цыганку) женщина в платке и халате держала в обеих руках по поросенку.

«Не по дням, а по часам.»

Работая свиначкой на ферме колхоза «Вожатый», Августа Мефодиевна Дробова во время опороса в течение трех недель проводила дни и ночи на ферме, там и спала. Ни одного случая падежа!

Под ее внимательным уходом поросята росли не по дням, а по часам. В недельном возрасте они весили пять-шесть килограммов и прибавляли от 600 до 1000 граммов в сутки.

«Всем бы свиначкам перенять опыт Августы Дробовой!»

И подпись: «Колкор Корин».

Это кто ж такой — колкор?.. Ершов озадачился. А-а, наверное, колхозный корреспондент. И еще подумал — этому бы Корину на ферме поспать, как той свиначке.

Еще одну заметку прочитал, уже только потому, что тем же Коринным подписана была.

«Беда рекордистки Вероники.»

Доярка колхоза им. Кирова Нина Петровна Зубова обнаружила, что у коровы-рекордистки Вероники болит сосок. Нина Петровна всполошилась, побежала в контору колхоза, из глаз ее текли слезы.

Через некоторое время о больном соске Вероники узнали в колхозе все. Партбюро колхоза ставит этот вопрос на своем срочном заседании. Секретарь партийной организации тов. Позгалец на этом заседании с тревогой говорит:

— Представляете ли вы, товарищи, что значит сосок Вероники? Это честь нашего колхоза. Это мировой рекорд от коров остфризской породы. В капиталистических странах больше 10 тысяч литров молока от таких коров не получали, а мы хотим взять от Вероники 11 тысяч литров. Надо сейчас же принять самые решительные меры к тому, чтобы сосок Вероники был в ближайшее время вылечен! За работу, товарищи!»

Олег представил, как прочитал бы про сосок Вероники в своей группе в училище. Губы в улыбку потянулись. И тут же понял, вспомнил, что большинство ребят из его группы уже воют. Аккуратно вырвал лист с заметкой о рекордистке Веронике, свернул, сунул во внутренний карман гимнастерки.

Он будто специально себя все сдерживал, не бежал на голос гармошки и девичий смех. Неторопливо, будто еще накапливая солидность в себе, поправил португую, одернул гимнастерку, вышел на крыльцо сель-

совета, запер, как наказал председатель, дверь, ключ под порог сунул. Вышел на улицу.

Играли Ванька Попов и гармонист из Космина, ближайшей деревни. Они как будто соревновались, а может, наоборот, передых друг другу давали. Плясали тоже вперемежку — семигорские девчата, косминские парни, из других деревень...

— О! Товарищ командир, к нам давайте! — Первой увидела Ершова невысокая крепкая девушка в платье, по-городскому сшитом, в блестящих даже сейчас, в сумерках, ботиночках.

Ершов подошел. Опять портупеею поправил, достал пачку «Казбека». Самый бойкий — видно, из местных — стрельнул тут же у него папироску.

— Как думаете — долго воевать будем? — парень спросил, прикурив от спички, тоже протянутой Ершовым. Был это Митька Дойников.

— Не думаю, что очень долго, но и легкой эта война не будет. Все-рвез будем воевать, товарищи.

— Ишь какой сурьезный! — опять та девушка голос подала; подружки ее захихикали. И, не глядя на Ершова, будто и нет тут его, выскочила в круг, гармонисту махнула, выдала:

Полюбила лейтенанта —
 И ремень через плечо.
 Получает тыщу двести
 И целует горячо!

— Ну... Верка дает! — сказал кто-то. И осуждение, и зависть в голосе.

Ершов папиросу замял, вышел в круг тоже. Частушек он не знал, да и плясал не очень. Но тут пошел, пошел — топнет, ладонью по голенищу хлопнет.

Иван Попов играет на гармошке. Две девчоночки обмахивают гармониста веточками, комаров отгоняют.

Ершов старательно пляшет, каблуками крепко землю мнет.

— Сноп бы под ноги — вымолотил бы, — кто-то из парней говорит со смешком.

А Митька Дойников Валю Костромину на глазах у всех лапает.

— Да отстань ты! — она на него ругается и ближе к Ивану отходит.

— Что — отстань! Война же, заберут вот завтра! — тянет ее за руку от круга Митька.

— Вань, ну скажи ты ему! — Валя просит.

— Отстань от нее.

— Чего?!

Гармошка замолчала. Все на них смотрят, видят, что дело нешуточное.

— Чего отстань-то? — это уже Ивану Митька говорит. — Я вот тебе отстану! — в плечо толкнул. Иван ремень гармони с правого плеча уже скинул.

Если б не Ершов, добром бы не кончилось.

— Нам завтра, ребята, может, в бой идти вместе. А вы? Думайте хоть! Все, шутки кончились. Война! — И будто самого себя убедил, серьезный стал, в пляску уж не пошел больше, пошагал, да так твердо, уверенно — будто и по делу какому, будто и знал куда. Остановился, развернулся, к сельсовету пошел.

— Товарищ военный, — женский голос позвал. «Вот оно, — внутри заняло сладко. — Вот оно». Две девушки у соседнего дома стояли. Одна — та, что частушку про лейтенанта пела. — А вы бы нас не проводили?.. Вот надо ей в соседнюю деревню, а поздновато уж, темно.

— Провожу, конечно.

Туда втроем шли по ночному проселку, девушки запевали частушки, смеялись, спрашивали о чем-то лейтенанта, тот отвечал. На околице одна из подружек простилась, к своему дому побежала.

Шли обратно. Все дышало кругом. Дергал в поле дергач; соловьи, будто парни-гармонисты, сменяли друг друга в любовном свисте; казалось, кто-то перешептывался и вздыхал в кустах; туман, живой, шевелился над озером. Пахло травой, влагой, землей, жизнью.

И вела, влекла лейтенанта Верка Сапунова, отчаянная девка, к стожку за леском, вчера сметанному...

А в Семигорье еще догуливают.

— Смотри-ка, директор-то... Ничего себе, пьяный же в доску... — Один парень другого локтем в бок тычет, на директора школы Антона Сергеевича Сняtkова, ведомого женой, кивает.

— Эх вы, дурачки, он же жалеет вас, не на праздник же вам идти-то, — говорит жена, рукой обхватившая мужа, плечо подставившая, тащившая его на себе домой.

А парни-то и не смеялись — поражены были, впервые директора школы в таком состоянии видели.

2.

В Семигорье собирались партии мобилизованных из ближних и дальних деревень. С мужиками и парнями шли матери, сестры, жены, дети.

Ночевать устраивались в здании сельсовета, в конторе колхоза, у родни.

Из дальней деревни Степановки пришли трое подлежащих мобилизации. Среди них и Егор Другов. Его провожала жена Настя — дочь Катерины Поповой, Ванькина родная сестра, внучка деда Николая. Пришли и две их девчоночки пяти да четырех лет — Даша и Глаша.

— Бабушка, а ты нас научишь кружево плести? — девочки к бабушке Кате ластятся.

— Да мама-то вас разве ж не учит?

— Не учит! — хором и радостно кричат сестренки.

— Есть мне когда учить-то... Скажете же... — смущается, краснеет даже, Настя.

— Ну давайте... — соглашается бабушка. Подвигает пальцы с подушкой для кружева. Втыкает булавки. Помогает им заплести косички из ниток, объясняет. Да вдруг и забудет говорить-то, и пальцы, сухие и твердые, похожие на коклюшки, замрут.

— Бабушка, а дальше?

А у бабушки слезы по щекам бегут.

Мужики за столом, бутылочка на столе. Выпили по стопке. Дед Николай Иванович, пытаюсь бравость свою показать, на Катерину с Анастасией прикрикнул:

— Нечего слезы лить! Вернутся скоро! Победят Гитлера!..

— Да молчи уж, дед. — Настя рукой махнула и, не скрываясь, к Егору своему прижалась, за руку его двумя руками ухватилась.

— Ладно, пойду я на дежурство — никто не отменял, — сказал дед и, натянув картуз с мятым матерчатым козырьком, ушел в свою сторожку.

Иван все работой себя старался занять — на дворе что-то потюкал топориком, за водой ходил. У колодца встретился с Валеёй Костроминой. Что-то сказал ей, что-то ответила она.

В этот вечер, 24 июня, уже никаких гулянок и пьянок не допустили. В магазине запретили продажу водки. Всё же пьяные были... Двоих даже Ершов «арестовал» с помощью председателя сельсовета Ячина. Заперли на ночь в какой-то кладовке.

Днем почтальон привез газеты от 23-го. Одну из них, «Правду» или «Известия», ветеринар Готов прихватил в конторе и сейчас спешил на излюбленное место чтения — колокольню.

Между прочим, случилась сегодня история: Оська-поляк не явился на призывной пункт, устроенный в сельсовете. Сперва думали — мало ли, припозднится, придет. Не приходил. На рабочем месте, в пожарке, Оськи не было. Домой к нему парнишку отправили. Мать его, глухая старуха Марья Полякова, сказала, что ушел еще рано утром.

«Может, уже объявился Оська», — думал Готов, подходя к пожарной-церкви.

Сам Готов призыву на военную службу не подлежал, чему и были подтверждением его очки с толстыми стеклами и металлическими дужками. Но и он уже задание и даже приказ получил. Круглову позвонили из райкома партии, а он, переговорив с Ячиным и Коноваловым, вызвал Глотова, назначил ответственным по Семигорскому сельсовету за мобилизацию лошадей. Должность немаленькая — не только ведь в своем колхозе, во всей округе лошадей осмотреть, годных для войны отобрать. Завтра вот он уже в дальний колхоз поедет (в своем-то колхозе от жеребенка, вчера родившегося, до пожарного мерина — всех знал). Ветеринар полнился значимостью, но и побаивался ответственности. Чаще обычного поправлял очки на носу.

Нет, Оська-поляк не объявился. Но был другой приятель деда Попова — пожилой колхозник Авдей Бугаев, отец осужденного за прошлогодний пожар бригадира.

— Ну давай читай, Сано, — попросил Попов ветеринара, когда тот газету из-за пазухи достал.

Готов, поправив очки, торжественно начал:

— «Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел Молотова. Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года...»

— Это еще позавчера он по радиову говорил? — перебил Попов.

— Да, — недовольно ответил ветеринар и продолжил, но уже не так торжественно, как начал: — «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории... Ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта...»

— Вот как! Сами напали, теперь на нас и сваливают! — не выдержал дед Попов. Бугаев молча покивал.

Готов ничего не сказал, только недовольно глянул на старика. Продолжал:

— «Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

— Вот как, значит. Так, значит... — снова первым подал голос Николай Иванович Попов.

— В конце-то как там? — спросил Авдей Бугаев. — «Наше дело правое...»

— «Враг будет разбит, победа будет за нами», — Готов еще раз прочитал.

— Дай бог, дай бог, — негромко сказал дед Попов.

А Авдей вдруг спросил, неизвестно и кого:

— Так почто не Сталин-то, а Молотов выступает?

— Ну... Сталин... — не нашелся, что сказать, Готов.

— У Сталина делов щас... — Николай Иванович Попов добавил.

Прочитал Готов и указ о мобилизации, по которому призывались военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. И сводку за 22 июня.

3.

Поутру 25-го застучали двери, заскрипели калитки. С котомками за плечами выходили мобилизованные. Лейтенант Ершов, с глазами узкими и красными от бессонных ночей (как из райвоенкомата сюда выехал, почти и не спал), но подтянутый и бодрый, ждет на крыльце сельсовета.

Вера тут же стоит, неподалеку, в своем городском платье, платочек в руке мнет. Лейтенант строго поглядывает на нее, но пока молчит.

Подходят мужики: на руках младший ребенок, жена ухватилась за локоть, ребятишки постарше к ногам жмутся. Парней матери и сестры провожают.

Прошли по главной улице, вышли к большаку, к мосту через речку. Дальше никогда провожать не ходили. Прощаться стали. Бабы завыли. Тут Верка больше не сдерживалась, к лейтенанту бросилась. Ершов коротко, сильно прижал ее и отстранил, отвернулся, платочек, что она в руку вложила, в карман галифе сунул.

Поначалу невесело шагали, потом Ванька Попов гармошку развернул, еще кто-то. Все заговорили, запокуривали на ходу.

Шли по старой Сухтинской дороге вдоль озера в райцентр — озеро узкое, но почти на сто верст вытянутое. На дороге местами еще булыжное мощение осталось, по большей же части уже обычный проселок, умятый телегами: машин и тракторов тут еще и не видывали.

Сколько веков этой дороге?.. Шли по ней когда-то кандальники под охраной конвоя; тянулись купеческие обозы на городские ярмарки; проезжали по ней великие князья и цари — на молебны в северные обители; уходили из века в век рекруты; ковыляли калики перехожие; а по большей части — тряслись на тележонках да уминали лаптями крестьяне, жители сел да деревень, что, как бусы на нитку, на эту старинную дорогу нанизаны.

К вечеру партия мобилизованных из Семигорского сельсовета в количестве пятидесяти человек, пройдя за день около сорока километров, остановилась в стенах бывшего монастыря, в селе Крутицы. И монастырь назывался Богородице-Рождественский Крутицкий. Впрочем, и тут уже не монастырь, а то, что осталось от него. В сестринском корпусе — закрытая по летнему времени школа. Какие-то розовые развалины в зарослях иван-чая. В Богородицком храме был теперь клуб, и в тот вечер показывали фильм.

Почти все пошли на фильм: до их краев кино редко доезжало. Смотрели на незнакомую шахтерскую жизнь. Переживали, когда вредители устроили обвал в шахте, смеялись шуткам героя фильма Вани Курского. А уже после фильма устраивались на ночлег — прямо во дворе, на траве, ночь была теплая. Кто-то напевал песню из фильма: «Спят курганы темные, солнцем опаленные». Тут же на гармошке пытались подобрать мелодию, слова вспоминали.

У костров, домашними запасами подкрепляясь, негромко переговаривались.

— Тут монашки жили, я еще помню, — рассказывал немолодой серьезный мужик (весь день он молчал, а тут, видно, от воспоминаний расчувствовался). — С мамкой ходили сюда, у ней тут сестра была, тетка моя, значит, божатка. Добрая была тетка-то... Да и остальные-то монашки — добрые. Говорят, среди них и дворянки были, так у тех в кельях и сахарок водился. Вот и даст, бывает, какая сахарку-то.

— А правда, что господ из города за деньги принимали? — спросил, нагло ухмыляясь, дюжий парняга, развалившийся у костра, ковырявший травинкой в зубах.

До мужика не сразу дошел смысл, а когда понял — аж побелел от обиды:

— Чего мелешь-то? Дурак! — прикрикнул.

— А чего им — ни семьи, ничего... — тот же парень сквозь зубы цедил.

— Да разве ж для того люди в монастыри уходили?! В миру-то грешить сподручнее. А здесь — молились да работали.

— Ты пропаганду-то религиозную не разводи, дядя. — Парень уже явно издевался над мужиком; приятели его, трое парнишек, ради выпендрежа перед которыми он и старался, хихикали.

Прекратил это куражение неожиданно Митька Дойников.

— Замолчи-ка ты, дружок! С тобой, видать, девки-то не гуляли — беспокойный такой на это дело.

— Чего? — Верзила поднялся.

Дойников тоже не мал ростом, но на голову этого ниже. Да тот и в плечах широк. Только это Митьку, одного из лучших кулачных бойцов семигорской округи, не смутило — без замаха, снизу локоть под дых здоровяку воткнул. Тот и согнулся сразу.

— Ну-ка, ну-ка... Хватит там! Разошлись!..

Обоих под руки друзья-земляки прихватили, развели.

— Ты молодец, — сказал Иван Попов Дмитрию Дойникову и руку протянул; тот небрежно ладонь сунул, но рукопожатие было крепкое. Оба ведь и свою недавнюю стычку помнили.

— Ничего, ерунда все. Надо таких на место ставить, — сказал Митька.

— Он вон какой здоровый, а ты его сразу... — уважительно Иван сказал.

— Да ну... — отмахнулся Митька. — Большие шкафы громко падают, — весело добавил.

Оба присели у костерка.

И тут две неожиданные фигуры в монастырских воротах показались. Странники по этой дороге (да и по другим — от деревни к деревне, от монастыря к монастырю) и раньше ходили, и нынче ходят. А эти, как не сразу поняли мобилизованные, — один слепой, другой глухонемой. Слепой — довольно высокий, с седой клочкастой бородой — одной рукой опирался на посох, другой — на плечо своего поводыря. Поводырь — ростиком пониже, костью пошире, лицо круглое и борода округлая.

Сам показал руками, мол, не говорю, не слышу. Одеты были оба чисто, опрятно, да уж больно как-то... даже для тех, кто из дальних деревень, необычно — так, может, лет тридцать назад одевались, а может, и сто. В армяках, кушаками подпоясанных, в войлочных круглых шапках, в портках, в лаптях с онучами. Лапотки, однако, новые, беленькие.

— О, давайте к нам, божьи люди, — сразу к костру их позвали, зная, что странники либо сказку расскажут, либо песню споют. Дали им место на бревнышке у костра, дали и котелок на двоих, и хлеба. Не топили, ждали, пока странники поедят, а и они терпения не испытывали, быстро управились.

— Благодарствую, служивые, — слепой сказал, котелок с ложками отдавая.

— А ты откуда знаешь, что мы служивые-то, а? Да мы еще и не служивые. Это тебе немой, что ли, нашептал? — опять тот здоровый парень засекаться начал, он сейчас тасовал колоду карт, раскидывал на себя и своих приятелей.

— Все мы служивые, — слепец ответил.

А немой, закончив жевать, перекрестился и достал вдруг из котомки лыко, крючок-кочедык, да и принялся лапоть плести.

— Ишь как ловко-то у глухого-то получается. Ну а ты-то что умеешь? — слепого спросили.

— Да какие наши умения...

— Расскажи-ка, дедушка, сказку, — кто-то попросил.

— Сказку... Ну что ж... Сказку — можно! Про солдата и расскажу, — с достоинством ответил странник. Сидел он прямо и глядел мутными слепыми глазами прямо — чуть мимо костра, в сгущающиеся сумерки.

Тут потеснее к ним садиться стали, кто-то толкнул кого-то, ругнулись, кто-то закурил, другому прикурить дал. Странник дождался, когда все успокоятся, и начал:

— Чур, мою сказку не перебивать, а кто ее перебьет, тот трех дней не переживет, — заговорил мягким, одновременно и пугающим, и насмешливым вроде голосом. — Вышел один солдат со службы, идет и думает: служил я царю двадцать пять годов, а не выслужил и двадцати пяти реп, никакой на рукаве нашивки нет! Видит: идет ему навстречу старик. Поравнялись, старик и спрашивает: «О чем, служивый, думаешь?» — «Думаю, — говорит, — о том, что служил царю двадцать пять лет, а не выслужил и двадцати пяти реп и никакой на рукаве нашивки нет!» — «Так чего же тебе надо?» — старик спрашивает. «А хоть бы научиться в карты всех обыгрывать, да никто бы меня не обидел». — Призывники-картежники при этих словах переглянулись, заусмехались. — «Хорошо, я дам тебе карты и сумочку — тебя никто не обыграет и не обидит». Взял солдат от старика карты и сумочку и пошел. Приходит он в деревню и просится ночевать. Ему и говорят: «Здесь у нас тесно, а вон в том новом доме, если не побоишься — ночуй». — «Чего же мне бояться?» — «Да так...» Купил солдат свечку да полуштоф водки, пошел в тот дом и уселся. Сидит, карты перебирает; рюмочку выпьет и карточку положит.

В самую полночь вдруг двери отворились, бесенок за бесенком полезли в комнату; набралось их пропасть — и стали плясать. Солдат смотрит и дивится. Но вот один бесенок подскочил к солдату и хлестнул его хвостом по щеке. Встал солдат и спрашивает: «Ты что это — в шутку или вправду?» — «Какие шутки!» — отвечает бесенок. Тогда солдат и крикнул: «В сумку!» — как встречный дед научил. И все черти полезли в сумку, ни одного не осталось. Наутро солдат видит: хозяева дома несут гроб. Вошли в комнату, хозяин и говорит: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» — «Аминь!» — ответил солдат. — «Да ты разве жив?» — спрашивают его. — «Как видите!»... Солдат так полюбился хозяевам, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажил солдат богато и с женой согласно. Через год родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нет: никто к солдату нейдет. Вышел он на большую дорогу и думает: какая женщина встретится первая, та пусть и будет крестною матерью. Только что успел он это подумать, видит, идет древняя старуха — худая-прехудая, кости да кожа, и коса на плече. Солдат и говорит ей: «Бабушка, у меня дочь родилась, а крестить никто не идет». — «Так что же, — отвечает, — я окрещу, идите в церковь, я сейчас приду». Принес солдат младенца в церковь, и кума пришла, сняла с плеча косу, положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдат и говорит ей: «Кума, зайди поздравить крестницу!» — «Хорошо, — та говорит, — вы идите и приготовляйтесь, а я сейчас приду». Пришел солдат домой, приготовил все, скоро пришла и кума. Опять сняла с плеча косу, положила у порога и села за стол. Когда отпировали, она встала и говорит: «Кум, проводи меня!» Солдат оделся и пошел провожать куму. Вышли они в сени, она и говорит: «Кум, хочешь ли научиться ворожить?» — «Как бы не хотеть!» — «А ты знаешь ли, кто я? Я ведь смерть. Если тебя позовут к больному, и ты увидишь, что я стою у него в головах, не берись лечить, а когда буду стоять в ногах, то берись; спрысни больного раз холодной водой, он и выздоровеет. Прощай!» В этот год в той деревне сделалось столько больных разными болезнями, что солдат едва успевал переходить из одной избы в другую. И всех вылечивал: в ногах кума-то стояла. Случилось, что заболел царь, а слух о солдате, что он хорошо лечит, разнесся уже по всему государству. Вот его и призывают к царю. Входит солдат к царю, поглядел и видит: кума стоит в головах. Плохо дело, солдат думает. Однако велел принести скамейку и положил на нее царя. Когда это сделали, солдат и давай вертеть скамейку с царем, кума же его стала бегать кругом, стараясь быть в головах у царя, и до того добежала, что устала и остановилась. Тогда солдат повернул к ней царя ногами, вспрыснул его водой, и царь сделался здоров... «Ох, кум, кум! Я тебе сказала, что когда стою в головах, то не берись лечить, а ты по-своему делаешь, ну я тебе за это припомню!» — «Ты это, кума, в шутку или вправду говоришь?» — «Какие тут шутки!» — «Так в сумку!» — крикнул солдат, и смерть залезла в сумку. Пришел солдат домой и бросил сумку на полати... Через год времени приходит к солдату Микола Милостивый и говорит: «Служивый, отпусти смерть! Народу старого на

земле много, он просит смерти, а смерти нет». — «Пусть пролежит еще два года, тогда и отпущу», — сказал солдат... Прошло два года. Солдат выпустил смерть из сумки и говорит: «Каково, кума, в сумке?» — «Ну, кум, будешь ты просить смерти, я не приду к тебе». — «Обо мне, кума, не беспокойся, я и сам на тот свет приду!»

Тут слушатели заулыбались, задвигались. Но это еще не был конец сказки. Слепец продолжал; напарник его все так же невозмутимо орудовал кочедыком, уже заплетая головку лаптя.

— Вот солдат живет да поживает, в карточки играет да водочку попивает; жена и дочь у него уж умерли, а он все жив. Однажды играл в одном доме в карты, да и услышал, что скоро придет антихрист и станет людей мучить. Солдат испугался и отправился на тот свет. Шел, шел, шел... приходит к лестнице, которая тянулась до неба, и сел отдохнуть; потом, собравшись с силами, полез по лестнице. Лез, лез, лез — и прилез к самому раю. А у дверей рая стоят апостолы Пётр и Павел. Солдат и говорит им: «Святые апостолы Пётр и Павел, пустите меня в рай!» — «А ты кто такой?» — спрашивают его. «Я — солдат». — «Нет, тебя не пустим, иди туда, вон тебе рай!» — и указали ему на ад. Солдат пошел к аду, у ада стоят два бесенка. Солдат и говорит: «Святые апостолы Пётр и Павел в рай меня не пускают; пустите ли вы меня в ад?» — «Иди», — говорят ему бесенки — и пропустили его в ад. Приходит солдат в ад; отвели ему там особую комнату. Он и лег отдыхать. Отдохнувши, насбирал толстых палок и понаделал из них ружей, наловил чертей, составил их в роту и начал их обучать военному искусству. Если который из чертей заленится, то ему и палкой надаёт. И всех чертей в аду замучил. Узнал сатана, что солдат, который должен быть в раю, живет у него в аду, и захотел его душою завладеть. Приходит к солдату и говорит: давай играть в карты! Только с таким условием: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебе отдам грешную душу. Солдат согласился, и они уселись играть. Играют, играют — и все солдат выигрывает. «Нет, — говорит сатана, — больше играть с тобой не буду, ты, пожалуй, у меня все души выиграешь». Узнали и бесы, что это тот самый солдат, у которого они сидели в сумке, и решились его выгнать из ада. Наговорили на него сатане, что он мучит чертей и никому покою не даёт своим солдатским ученьем, и сатана дал приказание по аду, чтобы выгнали тотчас же солдата. Окружили черти солдата и объявили ему приказ сатаны. Делать нечего — взял солдат свою амуницию и две выигранные у сатаны души, жены и дочери, и пошел. Только вышел он из своей комнаты, видит, все черти выстроились в ряд, заиграла музыка и запалили из ружей. «Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошел!..» И всех их выругал. Приходит он опять к раю и говорит: «Святые апостолы Пётр и Павел, пустите меня в рай!» — «Да ведь ты отказался от рая, — говорят ему, — ступай в ад». — «Да я там был!» — «Так еще сходи». — «Да пропустите вот хоть эти две грешные души». — «Ну, пусть они идут», — сказали апостолы и отворили ворота. Солдат поставил впереди душу жены, сам встал за нею, а позади себя поставил душу дочери. Так все трое и вошли в рай.

И до сих пор живут они да поживают в раю, ни нужды ни горя не знают. Вот какие нечаянные случаи встречаются на пути жизни! А все Бог и Его святое провидение правят делами и намерениями нашими.

Кто посмеялся, кто сказал:

— Вот бы нашу смерть кто-нибудь в сумку спрятал.

Кто-то уже спал, кто-то стал укладываться после сказки. Странники куда-то в темноту ушли, тоже легли вроде. И Дмитрий Дойников и Иван Попов растянулись, положив под головы котомки.

Млечный Путь лежал над ними дорогой из вечности в вечность.

Не спал в эту ночь Николай Иванович Попов — молился за внука. Не спала Катерина — молилась за сына и зятя. Не спала ее дочь Анастасия — утирала слезы, думая о муже, вспоминала молитву, да не вспомнила — как могла Бога и Матерь Его за мужа и брата просила.

В каждом доме села, в каждой избе ближних и дальних деревенек шептались молитвы, проливались и утирались слезы.

И восстал из вод озера монастырь. И горели свечи в храме Спаса Всемилостивого, и молились иноки, и подпевали молившимся за Россию инокам монахини в Богородицком храме Крутицкого монастыря, и сливались их голоса с ангельскими гласами...

Глава третья

1.

К вечеру следующего дня мобилизованные семигоры пришли в город. Шли по мощенной булыжником улице. По бокам ее — фонари, тротуары — деревянные мостки, пружинящие под ногами редких прохожих. И хочется парням по этим мосткам пройтись...

Вдоль дороги двухэтажные деревянные, на несколько квартир, дома, обнесенные дощатыми заборами, за которыми просматривались дворы с сарайками, веревками с бельем, с поленницами дров, огородиками. Видно, как колышутся занавески на окнах. Желтый жилой свет там — в квартирах.

В канаве стоит коза, будто задумалась, перестала даже жевать, наверное, от шума, производимого пятьюдесятью парами топающих, шаркающих, стучащих по мостовой ног.

Но вот ступили на центральную улицу — черную, гладкую.

— Асфальт! — сказал кто-то.

Тут уже и каменные дома были, хотя деревянные все же преобладали.

Вышли на центральную площадь с высоко поставленным памятником Ленину посредине и чахлыми кустиками акации вокруг него. Подошли к двухэтажному каменному дому, выкрашенному серой и белой краской, обнесенному решетчатым забором. Табличка со звездой и золотыми буквами подтверждала, что это и есть райвоенкомат.

Ершов командовал устало-равнодушно:

— Становись! Смирно! Вольно! — Его команды уже привыкли выполнять и построились по росту быстро и вопросов не задавали. — Подождите тут, — просто сказал лейтенант и шагнул на крыльцо. Но перед высокой дверью короткими привычными движениями поправил портупею и согнал назад складки гимнастерки под ремнем. Из двери ему на встречу сунулась голова в фуражке:

— О, здравия желаю!..

— Привет!

Дверь за лейтенантом захлопнулась.

Строй, конечно, сразу нарушился, кто на скамейку присел, кто к забору прислонился, закурили некоторые.

Минут через пять на крыльцо вышел не Ершов, к которому уже привыкли, которого уже «наш лейтенант» называли, другой командир — так же туго перетянутый портупеей, в сапогах с гладкими блестящими голенищами.

Вышел он на крыльцо, постоял, поглядел на вольницу. Да как рывкнет:

— Становись!

И когда не все и не сразу выполнили команду, крикнул:

— Разойдись! — И через секунду: — Становись! Равняйся! Смирно!

— Вот это дак начальник, сразу видать!..

— Кончилась вольница...

— А лейтенант-то наш — все, видно, сдал нас с рук на руки...

— Меня зовут майор Сухотин! Поступаете под мою команду! Выходи со двора! В колонну по два... становись!

И уже к ночи прибыли в казарму, размещавшуюся, как говорили знающие, бывавшие в городе мужики, на льнострое — незаконченной стройке комбината по переработке льна.

Здесь уже по-армейски, из полевой кухни накормили. Спать, правда, на голых, грубо сколоченных нарах пришлось.

Весь следующий день для мобилизованных в суете прошел: Сухотин и его помощник старшина Козлов делили команду новобранцев на отделения, назначали командиров этих отделений, назначали дневальных, объясняли обязанности дневальных. Суета.

— Долго нас тут держать-то будут? — спросил Дойников у старшины. Тот — ростом под два метра, левая сторона лица шрамом пропахана. Усмехнулся:

— А ты торопишься? Я вот на финской бывал. — И он вдруг резко наклонил голову, и на лопатистую ладонь левый глаз выкатился. Стекло-новый.

Кто рядом стоял — сначала не по себе тем стало, потом засмеялись. А потом Козлов рывкнул: «Отставить смех!» И глаз на место вставил.

На другой день строевые занятия начались, сборка-разборка винтовки, проводили их «старики»-срочники из гарнизона. Пришел и лейтенант-политрук.

Появились в казарме газеты. Вечером политрук читку организовал.

— Товарищ старшина, — опять у Козлова спрашивали, — а финны, они как солдаты — как?..

— Ничего, воевать умеют, — сразу понял невнятный вроде бы вопрос старшина. Глаз стеклянный больше не показывал.

В той же газете на задней странице было помещено объявление: «Цирк “Союз”, дрессированные животные, клоуны, акробаты...»

2.

Уже больше недели находились семигоры и мобилизованные из других районов на сборном пункте.

Неожиданно к Ивану тот здоровяк, с которым Митька Дойников в монастыре сталкивался, подошел:

— Слушай, земляк, Иван, да, тебя зовут-то?..

Иван знал его отдаленно, где-то раньше видывал — из их сельсовета, но из другого колхоза парень. Да уже по дороге и в казарме немножко познакомились. Парень-то добродушный.

— Иван.

— А меня — Фёдор, Фёдька.

— Да я знаю уже.

— Слушай, а пошли в цирк!

— Чего? В какой цирк?

— Ну вот... — Фёдька сунул в руки ему газету. — Пошли, а?.. Хочется. Никогда не были ведь, а и будем ли, если не сходим. Эти уперлись, боятся, — кивнул на свою компанию в углу казармы.

— Дак когда...

Фёдька услышал колебание в его голосе, прилип как репей:

— А вот с десяти утра! Мы на утренней поверке скажемся, позавтракаем и смотаемся. Да чего ты — в самоходы вон ходят.

— В какие еще самоходы?

— Да на рынок бегали наши, без спроса. На рынок можно, а в цирк нет?..

Дойников, войдя в казарму, глянул в их сторону подозрительно:

— Вы чего там?

— Да нет, ничего. — Иван знал, что Митьку сейчас звать бесполезно, командиром отделения его назначили, он вдруг такой весь правильный стал, серьезный. А в цирк Ваньке захотелось, очень захотелось. — Ну давай! — Фёдьке шепнул.

Как решили, так и сделали. На утреннее представление пошли.

Шатер цирковой неподалеку от рынка и стоял. Будто и нет войны никакой: идут дети. И взрослые идут. Билеты в кабинке кассы покупают. На яркой афише у входа — черноволосая красавица в платье с широким, но коротким подолом, с какой-то вичкой в руке, а перед ней на тумбочке на задних лапках собачка кудреватая, похожая на овцу.

— Слушай, Фёдька, денег-то нет у меня.

— Так и у меня нет.

Стали бродить близ шатра. С одной стороны там за шатром временный забор стоял, автомобили с ярко раскрашенными фургонами. Кого-то ругали там, женский голос кричал:

— Опять напился? Я буду таскать мешки? Артисты будут таскать? Все, будем ставить вопрос об увольнении.

Прижались к забору парни, одна доска сдвинулась. Пьяный мужичонка в черном рабочем халате стоял, болтаясь из стороны в сторону, перед высокой строгой женщиной. Стоял тут же автомобиль с фургоном, задняя дверь приоткрыта, видны мешки.

— А давайте мы поможем... — вмиг оценил ситуацию Федька.

Женщина на него обернулась.

— Сколько вас? — раздраженно спросила.

— Двое!

— Давайте, ребята, вот эти мешки вон туда перетащить, — уже радостно заговорила женщина. — В другие фургоны не суйтесь, — предупредила, — там животные. Места на представление нужны? — спросила просто.

— Да, — одновременно выдохнули парни.

— Я вас посажу. Так, полчаса до начала. Успеете?..

Иван и Федор даже быстрее, чем за полчаса, разгрузили машину. В мешках, как поняли они, корм животным, зерно. Слышно было, как за закрытыми дверями фургонов кто-то мягко по-кошачьи ходит, рычит; собаки взирают.

— Все, ребята, заканчиваем, заканчиваем, пойдемте — я проведу вас, — появилась та женщина. И по какому-то темному закулисью она вывела их в зал, посадила в первом ряду.

Грянула музыка, прожекторы осветили арену, вышел красавец с пышными усами, в сверкающей одежде. Набрав в выпяченную грудь воздуха, он крикнул: «Представление начинается!»

Они оказались в сказке. По команде дрессировщицы Исидоры Быстрицкой собачки бегали на задних лапах, медведь танцевал, а тигр прыгал в огненный обруч. Воздушные гимнасты летали под куполом. Куплетисты распевали, наяривая на крошечных гармошках (Иван удивлялся — как они на кнопки-то попадают?): «Будем бить фашистов стаю мы и в хвост и в гриву!..» Рыжий клоун падал, поднимался и снова падал, и слезы из его глаз вдруг брызгали параллельными земле струйками. А потом клоун обметал метелочкой пыль с ушей зрителей. От счастья, от волнения Иван Попов забыл себя, забыл, где он, когда клоун и его своей волшебной метелочкой коснулся.

Когда из цирка шли, сначала молчали, так поражены были представлением. Потом Фёдор сказал:

— Вот... Теперь и на войну можно. — И добавил раздумчиво: — А я бы, наверно, на этой Исидоре женился.

— Она б тебя быстро наддрессировала, — сразу ответил Иван и сам засмеялся своей такой удачной шутке.

А на площади, с памятником Ленину посредине, под репродуктором стояла толпа и спокойный, простой голос Сталина говорил:

«Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты? Конечно нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало...»

И грянула песня «Вставай, страна огромная!», от которой, казалось, зашевелились волосы, сердце похолодело, а потом будто вспыхнуло, и захотелось тут же идти и бить врага, и если нужно — умереть за то, о чем говорил Сталин.

3.

На следующий день уходила уже на фронт первая партия из их призывной команды. Пятнадцать человек, среди них и Митька Дойников. За эти дни Иван сдружился с ним. Странно: учились вместе, все детство, хоть Митька из Космина был, рядом прошло — не было дружбы. А потом и вовсе — из-за него же, из-за Митьки, Иван из школы-то ушел. Да еще и к Валентине Митька подкатывал. А вот же, сдружился за эти десять дней так, будто братьями стали. А даже с родственником, мужем сестры Насти, Егором Друговым, особой дружбы не сложилось.

— Ну, Иван, не поминай лихом, прощай, пиши. Я свой адрес, как известен будет, тебе через дом перешлю. За Вальку зла не держи. Ничего не было у нас. А тебе, если глянется, не теряйся. Она вон как бросилась: «Ваня, скажи ему», — припомнил Дойников последнюю гулянку в Семигорье, усмехнулся.

— Да ну... — Ванька почувствовал, как щеки и уши краской залились. Никто не видел, а ведь вечером-то, перед отправкой, когда он за водой на колодезь ходил, повстречались. И он, понимая, что сейчас должен сказать, пересилил себя, сказал: «Валя, ты дождись». — «Зачем?» — «Вернусь — посватаюсь». — «Вернись». А провожать не вышла. Ни ему, ни Митьке, никому другому платочек не подарила.

Поезд увозил Дмитрия Дойникова и его товарищей в учебную часть. Это уже на другой день пути им сказали, когда уже и сами по названиям станций поняли, что везут их в противоположную от всех фронтов сторону. Вагоны были товарные, со сколоченными внутри нарами. Митька лежал, подложив руки под голову. Поспать бы — не спалось, вспоминался дом в деревне Космино, родные, друзья...

Три сестры у него — две старшие и младшая. Братик еще был младший — умер младенцем. Отец, когда Митьке десять лет было, в двадцать восьмом, с другими мужиками в Ленинград на заработки уехал. Вековой отхожий промысел у косминских мужиков был — в Питер, плотниками. И город-то вроде каменный, а по плотницкой части хватало работы. К севу мужики вернулись домой, а Алфей Дойников, отец Митькин, там остался. Мать сперва мужиков пытала, потом отстала: сказали ей точно, что не вернется. Сам Митька, когда постарше стал, из неясных разговоров старших сестер понял, что у отца там, в Ленинграде-то, семья другая заимелась. И никак он понять не мог (и до сих пор не понял, хотя

вроде как умом, не душой, принял) — как же смог отец от жены и детей уйти? Мать молчала. Как отрезало — ни слова не говорила об отце. В тридцатом она первой в Космине в колхоз вступила. «Безмужней — в коллектив прямая дорожка», — в шутку или всерьез, не поймешь, сказала. Так в колхозе с утра до ночи и работала, отдыха не зная, а по ночам кружева плела. К кружевам-то и всех дочерей приучила. Плели, в контору кружевной артели сдавали. Да ведь и Митьку после школы-то, семь классов он закончил, в артель эту пристроила, к старичку бухгалтеру в помощники, а уже от артели его и в город отправили на бухгалтерские курсы. А после курсов уже сам бухгалтером стал. Работа, конечно, почетная, но и ответственная: почти пятьсот кружевниц в семигорской округе. Работу каждой обчисли да рассчитай. Мать-то больно уж гордится им. Да как не гордиться-то — одна поднимала. Старших сестер уже замуж выдала в соседние деревни, младшая еще с ней живет.

Стучат колеса, в приоткрытую дверь вагона видно, как проносится там стена леса. И уже кажется, что вагон стоит, а это лес, поле, река, лес, деревенька и снова лес — несутся, улетают куда-то, подхваченные ветром.

На второй день поезд прибыл в тихий старинный городок со множеством двухэтажных (первый этаж кирпичный, второй — деревянный) купеческих домов, с деревянными мостовыми. И здесь в бывший Крестовоздвиженский монастырь поместили. Пехотное училище.

И будто колокольный гул разливался над Крестовоздвиженским монастырем: над кельями, превратившимися в казармы и учебные классы, над пустым собором и обесколоколенной звонницей. И с гулом колоколов сливалось стройное молитвенное пение. И в небе все сливалось в единую вневременную молитву.

Глава четвертая

1.

Только первую партию проводили, Козлов в казарму вошел, несколько фамилий выкрикнул, Ивана тоже.

— На выход!

Тревожно, и радостно, и тягостно стало на душе. «Вот и наша очередь пришла. На фронт!»

А во дворе ждал их майор Сухотин.

— Сегодня же отправляетесь в свои колхозы, — коротко и будто бы безразлично сказал он. Козырнул непонятно кому и скрылся опять в своей канцелярии.

— Это что же такое? Почему? — недоуменные голоса слышались.

— Указ вышел: тем, кто на уборочной задействован, отсрочка. Так что быстро собираемся, — старшина Козлов поторопил. — За сухим пайком на кухню зайдите.

Эти последние его слова понравились парням. В первую очередь на кухню и пошли, сухари получили. Федька Самохвалов, тот, с которым Иван в цирк ходил, нагло вато ухмыляясь, спросил у повара:

— А тушенки-то хоть пару банок на всех?..

— А морда не треснет? — доброжелательно ответил румяный повар. — Вон отожрался-то на казенных харчах.

— Ладно, — добродушно махнул здоровяк Федька.

Наскоро попрощались с друзьями-приятелями (Егор, муж сестры, успел письмецо Насе написать, так с Иваном и передал) и отправились семеро семигоров обратно в родные деревни.

Из самого Семигорья был один Иван Попов, еще двое — из других деревень колхоза «Сталинский ударник», четверо — из соседнего колхоза.

Им повезло: до Крутиц попутный грузовик подкинул. Не доезжая до монастыря, в котором ночевали по пути в город, увидели стоявших на обочине странников: слепца и его немного поводыря.

Когда проезжали мимо, Федька крикнул:

— Как дела, убогие?

Немой даже поклонился машине. И что-то ответил слепой — и рукой махнул, будто перекрестил.

И когда уже проехали, видели, как пошли странники — поводырь впереди, а слепой сзади — одна рука на плече немого, во второй посох. Тощие дорожные сумки на ремнях, перекинутых наискось, белые лапотки. Куда опять идут? Зачем?..

В селе с шофером, молчаливым угрюмым мужиком, попрощались — дальше пешком двинулись, сорок верст предстояло опять пройти.

Вдоль оканавленной дороги ива да ольха. По леву руку — поля и пастбища. Свежесметанные стога. А вон там еще косят, а там метают сено в стог. Кучи камней, вывезенных с поля. А встречаются и отдельные огромные валуны у самой дороги. Покрыты они зеленым и желтым лишаем, похожи на древних животных. Из года в год, век за веком убирают местные крестьяне валуны с полей, складывают их в кучи вдоль дорог, мостят ими те же дороги, используют на фундаменты домов, кладут в печи-каменки бань. И нет конца этим камням, оставленным отступавшим ледником.

А справа от дороги, за неширокой полосой заболоченных лугов (сено там берут только уж в совсем неурожайные на траву годы: осока — плохой корм скоту) — озеро, тоже след отступавшего ледника, будто умирающий Змей Горыныч когтем процарапал. Видно, как над озером собирается черная туча, как закипает пеной вода. А в сотне метров, на дороге, по которой парни идут, никаких признаков грозы. Все местные знают, что озеро грозы притягивает... Так и есть — разрывается молниями черная туча, и вода небесная рушится в воду озерную. После же грозы клочки тучи разнесутся ветром по берегам, и они истают легкими дождиками.

Совсем рядом с дорогой торопливо стогуют. На стогу ловко принимает и утаптывает сено немолодой колхозник в рубашке, на все пуговицы застегнутой, и в кепке. Женщины и девушки подают.

Федька Самохвалов не выдержал, поддел частушкой:

Уж над озером собралось,
 А и сено на валах!
 Закрутились колхознички
 На жиденьких ногах!

— Так помогли бы!.. — одна девка крикнула.

— Топаё давай, сочинитель!.. — мужик со стога гаркнул, но не зло и не отвлекаясь от своего дела.

Помогать там уже нечего было, вершили стог. Да и хотелось уж, раз так вышло, домой поскорее попасть. Двинули парни дальше своей дорогой.

Вскоре над озером отгремело и отсверкало, и по берегу прошуршал быстрый и легкий, будто сквозь сито просеянный дождик, осадил дорожную пыль.

В Семигорье пришли ночью. Иван предлагал устроить ребят на ночлег, но все отказались: кому пять, кому десять километров до родного дома оставалось.

А Ванькин дом — в своем ряду стоит, невелик, да и не мал. Уже не новый, но еще крепкий. Дед Николай его ставил, еще когда при двух руках был, до морской службы.

Идет Иван к дому — не знает, что и сказать, как объяснить возвращение свое. Даже стыдно ему, кажется, что из каждого окна на него глядят, хотя окна все темные, спит деревня.

Мать сперва обняла, потом испугалась, потом обрадовалась и снова обняла — будто и правда с фронта сын пришел.

— Письмеца-то даже не написал, — укоризненно сказала.

— Да, мама, чего писать-то было, куда еще не отправляли, — оправдывался Ванька, а самому неловко за то, что за две почти недели не написал матери.

Пока он умывался с дороги, мать за дедом Николаем сбегала. Тот, переступив порог, сдержанно спросил:

— Значится, отсрочку дали?

— Да.

— Там, — он указал твердым, похожим на сучок пальцем единственной руки вверх, — виднее.

Сели за стол. В печке с вечера чугунок с остатками щей стоял, а хлеб Катерина день назад пекла. Иван, словно год домашнего не едал, все смел. Все вместе уж и чаю попили.

Утром пошел в контору колхоза. Над окнами по передней стене дома белыми буквами на кумаче: «Перестроим всю свою работу на новый, военный лад! И. Сталин».

Вскоре все Семигорье знало, что Иван Попов вернулся. Женщины без конца спрашивали — как там мой? — будто бы Ванька действительно с войны пришел. Но быстро эти расспросы и кончились.

Увидев Валью Костромину (он шел из конторы домой, она со своей бригадой на сено: еще дальние сенокосы не трогали), Иван рванулся к ней, сердце его бешено колотилось. Но она так посмотрела на него, так поздоровалась... Будто и не было между ними никаких слов. Но ведь были! Иван уж и не понимал — всерьез ли слова-то говорились. Может, шутила она...

Сел Иван в тот же день на конную косилку, будто сам впрягся.

Когда закончился сенокос, стал рожь, ячмень убирать. Работал на своем любимом Орлике, тот бойко лобогрейку таскал. Лобогреем с ним совсем парнишку поставили — лет тринадцати, Костю Рогозина. Посмотрел Иван: едва успевает парень жатку освободить, не то что лоб, даже рубаха от пота сырая, а виду не показывает.

— Коська, попробуй-ка Орликом править, а я разомнусь хоть.

Поменялись. Орлик почувствовал нехозяйскую руку, заерзал. Но привык постепенно. Так и стал Иван меняться с Костей местами. А что делать — и двенадцатилетние работают.

Лобогрейка ездил по полю кругами, постепенно сужая их от краев к середине. Семеро девушек, бригада, разделили круг на примерно равные участки, и каждая на своем месте, с охапкой «поясков» из ржаных стеблей, стоит ждет: пояски вечером или в обед делали. Иван с Костей проезжают, скашивают, девка бежит — сноп вяжет. На следующем отрезке — другая вяжет. Пока парни жеребца поят и кормят — девки снопы в суслоны складывают. Потом уже Костя один поил-кормил Орлика, а Иван еще и девкам помогал. Тут и Валентина была. Иван работает, а уж как случайно ее руки коснется — в краску так и кидает его.

— Да ты что краснеешь-то? Али жарко? — она еще подначивает.

— Жарко, — Иван ответил и бросил помогать, пошел к пруду, где Костя Орлика поил.

Костя повел жеребца в поле. Иван приотстал. Увидел идущую от села по дороге старую почтальоншу: высокая худая фигура в темной одежде и пыльных сапогах, черная сумка на ремне через плечо, почтальонша прижимает сумку, чтоб не болталась, а кажется, будто бережно, чуть ли не с почтением придерживает ее.

Почту привозят в Семигорье раз в неделю, а Серафима уж разносит по сельсовету. Почему-то все, даже дети называют ее без отчества — Серафима.

Она тоже Ивана увидела, махнула ему рукой и с дороги свернула. И он в ее сторону пошел.

— Иван, Вань... Ты Настасье вашей отдай, не могу я.

Так пришла в семигорскую округу первая похоронка.

И не верилось — ведь меньше месяца назад расстался с Егором Друговым, мужем сестры Насти, в городе на льнострое.

Закончилась уборочная. Та же почтальонка Серафима принесла Ивану повестку — явиться в райвоенкомат в такое-то время. Последние денечки догуливал он.

Накануне девки и бабы упросили председателя отпустить их за груздями. Ерунду всякую, то, что сразу в похлебку можно, обабки да подосиновики, близ деревни ребята рвали. А за груздем после всех полевых работ на телегах с бочками и солью ездили, на веками известные места.

Подумал Коновалов, прикинул — да и отпустил. Пару телег выделил: на одной Авдей Бугаев, отец севшего в тюрьму бригадира, за коновода, пожарного мерина Соколика ему выделили — старый одер, да ведь и не на скачки. Иван вызвался второй телегой править. Орлика запряг рано утром, вывел с колхозной конюшни.

На телеги в каждом дворе, из которого собирались в лес, бочонок, с вечера подготовленный, ставили, соль клали. Короба и корзины тоже на телеги. Так и двинулась партия человек в десять.

Стояли благодатные, будто выстекленные — до того воздух прозрачен, а небо сине, — дни бабьего лета. Лес желтел березками, румянился осинками, только елки, как монашки, в темных одеждах. Летучие паутины просверкивали над лугом.

Ступили в лес.

Было видно, что жеребец и мерин в хорошем настроении: не донимают их мухи да оводы. И людям хорошо: никаких-то комаров нет.

Примерно через час пути по лесной дороге остановились на лужайке — кругом лес еловый, дремучий, но места-то знакомые — каждый год сюда ездили.

А грибов!.. В две руки бери — все не оберешь. И только груздя брали, на другие-то и не смотрели. Корзину наломал, к телеге вернулся — в свою бочку высыпал, солью пересыпал. А пока потом ехать будут, грибы-то в бочке уже сок дадут, солиться начнут. Когда такой способ засолки в их местах сложился — уж и не помнили. Всегда так было.

Иван с полной корзиной вышел к телеге. А там Валентина, тоже грибы из корзины в бочку ссыпает. И никого больше.

— Вань, да не молчи ты, не бойся меня. Все я помню.

— Я и не молчу, — глупо Иван сказал. Корзину поставил и сам стоял, опустив руки.

И она взяла его за правую руку, повела с полянки; и пошел сперва, как теленок на веревочке. Потом вдруг встал, взял обеими руками за предплечья ее, приподнял и губами в лицо ей сунулся. Она уж сама губы подставила, за шею обвила. Потом отстранилась, в грудь руками ему уперлась:

— Ну ты и... Медведко.

— Да я... Ты... Мне повестка пришла, завтра уйду. Ждать будешь?

— Ой, идет кто-то... — Не успела ответить.

К телегам выходили бабы и девки.

— Гли-ко, сколь гриба-то нынче, хошь косою коси!

— Хватит уж, накопилось!

— Ну тогда граблями гребь! — Все смеются. Но кто-то оборвал смех, сказал со вздохом:

— А для кого и запасы делаем? Ушли мужички-то наши!..

Обратно шли — вечерело уже. Но разглядели на мягкой дорожке след сапога в сторону деревни. Сапоги-то на всех тут. И не заметили бы этот след, если бы он в сторону болота был, а тут — к деревне.

— Это кто же, а?.. Кто тут ходил-то?.. — удивлялись.

След то появлялся, то пропадал. У Ивана сразу мысль мелькнула — не Оська ли? А когда у села, бабы и девки не заметили, следы свернули в сторону, за огороды, к баням, он был уже почти уверен.

В селе развезли бочки по дворам. Орлика с телегой к колхозной конюшне Иван повел.

Навстречу председатель. Иван и высказал ему свои предположения.

— Ну что ж, пошли проверим, — согласился Григорий Петрович Коновалов.

Хотел Иван к Валькиному дому бежать, как-то бы ее вызвать, а пришлось с председателем к поляковской избе идти. С краю одного из рядов она стояла, избенка-то. Не ражая: хозяин давно уж умер, мать старуха, а Оська так хозяином и не стал.

— Пойдем-ка сразу к бане, — Коновалов сказал.

И не ошибся. Там и были они: мать на приступке сидела, а Оська на лавке. Сидел, пирог за обе щеки уплетал.

— Ну, здрасьте! — Коновалов сказал. — Пошли, Оська, в контору, хватит бегать.

— Ты, что ли, выследил, попенок? — Степанида, мать Оськина, на Ивана бросилась.

— Успокойся, Петровна. Иван все верно сделал, — остановил ее председатель.

Оська молча поднялся, шагнул к двери. Мать его взвыла, в ноги Коновалову повалилась.

— Ты это брось. Приходи тоже в контору, поговорим, — жестко председатель сказал. — Иван, ты тоже давай со мной — свидетелем будешь.

— Да мне бы...

— Знаю, что последний денек дома, скоро отпущу.

Мать Оськина будто без чувств в бане осталась, а они пошли.

Пришли в контору колхоза; сельсовет — напротив. Это просторный, высокий, но уже чуть осевший на правый передний угол дом, с раскатанным давно на бревна двором, тоже после раскулачивания освободившийся. Бывший хозяин, Матвей Кулаков (повезло с фамилией!), с семьей был переселен в какую-то лачугу в дальнюю лесную деревеньку.

Уже темно было, и никто вроде бы их и не видел. Коновалов подумал — да и отправил Ивана за Полуэктом Сергеевичем Ячиным, председателем сельсовета. В таком деле свидетель не лишним будет. Он еще сам не решил, как быть с Оськой, да и он всего лишь председатель колхоза, а Ячин — советская власть, как он сам себя называл, а за ним уже все остальные.

Ячин быстро вместе с Иваном явился, жил он неподалеку от сельсовета и колхозной конторы, как Оську увидел, будто бы и обрадовался:

— О! Ты откуда же у нас? Чудо лесное. От советской власти не скроешься!

Иван молчком сидел в углу комнаты-кабинета.

А тут и мать Оськина влетела. И опять в ноги обоим председателям — колхоза и сельсовета — кинулась.

— Не погубите, не погубите!..

Оська сидит на скамейке у печки, которая одним боком в председательский кабинет выходит. Губы кривит, на мать глядя.

— Да что ж мы можем-то?.. Встань, Петровна. Посмотри, паразит, до чего мать довел. — Коновалов даже замахнулся на Осипа.

А Ячин встал, шагнул к парню и пощечину отвесил.

Тот только головой мотнул, глаза в пол опустил, зубами скрипнул.

— Не бей! — мать крикнула.

— Прекрати! — Коновалов твердо сказал.

Ячин сел, и мать замолчала. Про Ваньку будто забыли все.

— Вот что... Не явился-то ведь он — потому что болел, — сказал вдруг председатель колхоза.

— Подожди-ка, подожди, Григорий Петрович, — поняв, куда колхозный председатель клонит, перебил его Ячин. — Пошли-ка выйдем.

Коновалов посмотрел на Ячина холодно, хотел что-то сказать, но смолчал, встал, кивнул. Они вышли из кабинета.

— Ты что делаешь, Григорий? — Ячин на него кинулся. — Ты дезертира выгораживаешь!

— Я, Полуэкт, солдата нашей армии возвращаю. И ты — не мешай.

— Ты забыл, что я тут советскую власть устанавливал в восемнадцатом?..

— А я в том же восемнадцатом советскую власть защищал. Если человек оступился — надо ему дать возможность выправиться. Свой же он — с детства у нас перед глазами, непутевый.

— Ладно. Не хочу и слушать тебя. — И, не сказав больше ничего, Ячин вышел из конторы.

А Коновалов вернулся в кабинет, продолжил, как ни в чем не бывало:

— Болел ты, Осип, теперь выздоровел, и справка о том у тебя есть. Завтра с Иваном, — кивнул на Попова, — с утра пораньше в город поедете. Сперва лошадей сдадите на станции, потом — в военкомат. Напишешь, Осип, заявление в военкомате, что, мол, добровольцем. Понял?

Тот кивнул, а мать его стояла рядом с сыном, обхватив ладошками маленькое морщинистое лицо.

Неизвестно, что говорил Коновалов местной фельдшерице (врача у них не было), но справку Оське она написала.

2.

Иван наконец-то из конторы вырвался, домой побежал.

— Да ты где есть-то, Ваня? — мать вскинулась.

А Ванька опять из избы, к дому Костроминых. И вышла Валентина к нему — ждала у окна. Что уж она матери сказала — их дело.

Только на рассвете Иван домой пришел. Вскоре же у своей калитки с родными простился, на Орлике верхом за деревню поехал. У выезда на

большак неожиданно председатель Коновалов из-за старого ничейного амбара вышел.

— Здравствуйте, Григорий Петрович, — растерянно Иван сказал, натягивая поводья, придерживая Орлика.

— Здорово, Ваня, здорово. И до свидания. Я вот помню, с отцом твоим уходил на Гражданскую... Да... Он вот такой же и был, как ты сейчас, и я... — и оборвал неуместные сейчас воспоминания.

Иван только сейчас понял, что надо бы спешиться, невежливо так-то. Но Коновалов остановил его:

— Все-все, давайте, с богом. И ты, Орлик, прощай, — хлопнул не- сильно жеребца.

— До свидания, — еще раз Ванька сказал, отъезжая.

— Оська-поляк у моста ждет, — вслед еще председатель сказал.

У моста, в прикрытии придорожных кустов, откуда-то сбоку выехал и Оська на лошади, работавшей до недавнего времени в поле.

Не только людей, но и лошадей прибирала война, наматывала, как снопы на барабан молотилки. Орлик другом для Ивана стал. Будто он, конь, понимал не только слово, жест, но и мысль своего хозяина. Они и работали заодно, вместе, так, будто бы Орлик хотел, как и Иван, быть хорошим работником. Выпахивали на подъеме зяби до гектара пятнадцати соток за день. А в реку вместе войти, плыть, держась за гриву, сливаясь в единое будто существо, общими мышцами раздвигая воду, а потом, когда из воды выйдут — рассекая воздух, хватая всей грудью ветер, лететь.

И вот надо было расставаться с Орликом.

С Оськой-поляком почти не разговаривали по дороге. В тот же день к вечеру были в городе. Лошадей принимали на площадке перед товарной станцией. Вся эта площадь была запружена лошадьми. Перед станцией уже военные принимали документы — отмечали откуда, заводили лошадей по сходням в вагоны.

Оська сразу свою кобылу передал Ивану, ждал в сторонке. Иван сперва растерялся в этой толкотне людей и животных.

— Вон к тому капитану иди, — сказал кто-то, увидев растерянность парня.

Капитан взял у Ивана бумагу, просмотрел, кивнул, что-то отметил в своей тетрадке. Лошади по сходням не идут, их тащат, бьют. Лошади ржут, люди орут. Иван кобылу кому-то отдал, а Орлика сам повел. Конь доверчиво шел за ним даже в этом бедламе, по шатким сходням.

В вагоне же какой-то краснорожий старшина выхватил уздечку из рук Ивана. Орлик голову вскинул, заржал. А старшина ловко-привычно — кулаком ему в живот, ногой. У Ивана в глазах потемнело, он уже думал, что бьет этого старшину, уже летел кулак в красную розу. Но откуда-то Осип взялся, обхватил, прижал руки к туловищу.

— Уведи его! — рявкнул старшина. — Следующий!.. — орал кому-то, уже не глядя на Ивана и толкавшего его на сходни длинного Осипа.

Пришли они в военкомат. И тут в коридоре, где и еще несколько призывников время до утра коротали, Ивана знакомый голос окликнул:

— Ванька, Попов! Давай сюда! — Иван увидел Федьку Самохвалова.

Разместились в уголке.

— Вы из дома, харчишками-то поделитесь, — попросту просил Фёдка Ивана и Осипа.

— Сам-то давно ли из дома, — недовольно Осип буркнул, но пироги-подорожники, как и Иван, на газетку развернутую выложил.

— А вторые сутки здесь, — весело Фёдка отвечает. — Говорят, завтра. Может, вместе попадем. А где гармошка-то, Вань?

— Да... — отмахнулся Иван. — Оставил.

— Жаль.

Гармошку Иван напарнику по уборочной, Косте Рогозину, отдал. «Учись, Коська, девок весели», — сказал.

— Жаль — не взял гармошку-то, — повторил Фёдка. — Мы бы щас дали!.. «Будем бить фашистов стаю мы и в хвост и в гриву!» — вспомнил песенку цирковых куплетистов.

— Потихе там! — прикрикнул на призывников дежурный по военкомату, дремавший за столом у входной двери.

Устраивались спать кто на скамьях, кто на полу.

— Подъем! — утром команда подняла.

Заняли очередь к военкому.

Когда Осип от военкома выходил, к нему вдруг подскочил какой-то чернявый юркий человек:

— Вы доброволец? Можно вас на минутку. Для газеты... — Оттащил куда-то в сторону, что-то спрашивал.

Вскоре уже увозил Ивана и Фёдора (в одну команду попали) эшелон. Оська с другой группой на другой поезд ушел. Приблизилась и к ним плотную войну, никаких отсрочек больше не давала.

Не знали Иван Попов и Фёдор Самохвалов, не знали новобранцы в этом эшелоне, что в ночь накануне решилась их судьба: отправили их на север, под Архангельск, в запасной пехотный полк для подготовки. А сначала-то планировалось — под Москву.

А Осип Поляков, тоже в учебной части, только в Саратовской области, читал заметку в газете, которую вложила в письмо его мать: председатель Коновалов ей газету подал и велел сыну отправить.

«Доброволец.

Заявление с просьбой отправить его на фронт подал в районный военкомат комсомолец из колхоза “Сталинский ударник” Семигорского сельсовета Осип Поляков. Товарищ Поляков сказал:

— У меня нет слов, чтобы выразить свой гнев и свою ненависть к людоеду Гитлеру и его банде кровожадных убийц. Вот почему я обратился к военкому с просьбой направить меня на фронт в качестве добровольца. Даю клятву, что, не щадя своих сил, до последней капли крови буду защищать нашу страну. Оружие, которое мне вручит Родина, я использую для того, чтобы уничтожить врага.

Ни тени печали и уныния. Сознание долга, мужество, решимость на лице тов. Полякова».

И смазанное фото растерянного человека, похожего на Осипа. И подпись: «И. Корин».

3.

Спустя несколько дней после отъезда Ивана и Оськи-поляка по набухшей от дождей дороге от Крутиц к Семигорью едет телега, влекомая неторопливым меринком.

В телеге сидят двое. Один — местный милиционер, единственный представитель «органов» на всю округу, Куделин. Он часто спрыгивает с телеги, шагает рядом — невысокий, кривоногий, в старой, ставшей уже почему-то коричневой шинелке, в туго натянутой на бугристую голову фуражке. Куделин такой же старый, неторопливый и знающий свое дело, как и его мерин.

Второй — следователь районного управления НКВД Яковлев, тот самый, что когда-то арестовал Степана Бугаева. Поверх шинели он накрыт брезентовым плащом, сапоги блестят чистотой.

Моросит дождик. Природа вокруг унылая, дорога тяжелая.

— Что это за Осип Поляков? — спрашивает Яковлев Куделина.

— Ну... Пожарный наш. Тихий парень.

— Он что, болел во время работы призывной комиссии? — уже раздраженно — ему не понравился нечеткий ответ милиционера — спрашивает Яковлев.

— Я не врач, — заметив, но не обратив внимания на раздражение следователя, ответил Куделин, присаживаясь на передок.

Телега выехала на мощный булыжником участок дороги, заподпрыгивала, но поехала легче. Впрочем, мерин не пошел от этого быстрее, а хозяин его не подгонял.

— Ну а председатель колхоза? — не отстает Яковлев.

— Что — председатель?.. Председатель толковый, колхоз передовой по всем статьям.

Две фигуры двигались впереди них по краю дороги: первым — низенький, коренастый, за ним, положив руку на плечо проводника, высокий слепец. Оба с заплечными мешками, дорожными посохами.

Вскоре телега нагнала их. Путники остановились, повернулись к дороге, поклонились даже.

— Кто такие? — Яковлев спросил.

— Люди, как и ты, мил человек, — слепец ответил, а его поводырь привычно пояснил руками, что не слышит и не говорит.

— Документы! — потребовал следователь.

— Да какие у нас документы... — старик говорить начал.

— Странники они, блаженные, — перебивая слепого, сказал Куделин.

— Больные, что ли? — Яковлев пальцем у виска покрутил.

— Ох, не накликал бы ты беды, — сказал вдруг слепой, глядя мутными, незрячими глазами прямо на Яковлева, хлопнул по плечу своего проводника, и они, опять поклонившись, снова двинулись вдоль дороги.

Милиционер тронул вожжи, и мерин будто нехотя шагнул, дернул телегу. И в тот же миг переднее колесо ее провалилось в вымоину: здесь заканчивалась булыжная мостовая.

Куделин спрыгнул, глянул вниз и присвистнул.

— Ну, чего там? Ты хоть смотришь?.. — Яковлев выматерился, слезая тоже в дорожную грязь.

Пришлось вырубать в придорожных кустах длинные шесты, вываживать телегу.

Оба промокли. Яковлев посмотрел на свои сапоги и опять выругался.

— Для сугреву, товарищ следователь, — милиционер добродушно протянул, выудив откуда-то со дна телеги, из-под сена, бутылку Яковлеву. Еще и сухарик непромокший нашелся.

— Ну давай, а то простыну еще тут.

— Приедем, баньку можно организовать, — принимая от следователя бутылку и тоже прикладываясь, Куделин сказал.

— Работать надо, а не по банькам!.. Развел тут — блаженные, больные...

В Семигорье уже к ночи приехали.

Яковлев и в прошлый раз, в сороковом году (когда приезжал с пожаром разбираться), у председателя сельсовета Ячина останавливался, и сейчас Куделин его сразу к большому ячинскому дому подвез, в ворота стукнул.

Сам Куделин у Ячина ночевать не остался, попросился в сельсовет, на диван. А следователь был заботливо принят у Ячина.

— Знать бы, дак баньку-то бы сегодня сделали, — самолично сливая из рукомойника, говорил председатель сельсовета. — Ну, уж с утречка. А сейчас поужинаем.

Яковлев молча смел яишню, наскоро приготовленную женой Ячина. Потом на столе бутылка и стаканы появились, на закуску — картошка, капуста, грибы. Когда жена ушла из избы куда-то и Ячин сел тоже за стол, приговаривая: «Рыбки-то, рыбки, грибочки попробуйте», — тогда уж следователь сказал:

— Не суетись. Выпей.

Ячин выпил и торопливо закусил.

— А теперь... чтобы только никто особо так не видел — приведи мне этого ветеринара.

Ячин понятиливо кивнул и сказал:

— Его нет сегодня, в «Смычке», — назвал дальний колхоз, — молочное стадо там осматривает. Ну и лошадей, наверное. К завтраму обещаю.

— А!.. — Яковлев махнул. — Ну давай, — сдвинули стаканы, выпили. — Ты мне сразу его, как появится. Потом эту, фельдшерницу. Пояня?.. Душу вытрясу! — Сжал сухой кулак. — И мать этого тоже. Жаль, что не успели этого поляка вашего прихватить. Давай...

Яковлев быстро и тяжело пьянел. Ячин испуганно молчал, только кивал все время.

Куделин, взяв ключ, пошел (мерина распрягли и оставили на ячинском дворе) ночевать в сельсовет. Но по пути не мог не зайти к своему приятелю председателю колхоза Коновалову.

Они курили в сумерках, сидя под козырьком крыши коноваловской избы. Отсюда виден был свет в доме Ячиных; говорили негромко.

— Нет, вряд ли сам Ячин накатал бумагу, — раздумчиво Коновалов сказал. — Да какая разница... Тот самый, говоришь, что Степана арестовал?.. — Куделин кивнул. — Степана-то ведь выпустили, на фронте он, отец его говорил, письмо получил, даже, говорят, к сестре в городе забегал по пути на фронт... — поделился новостью о бывшем бригадире Коновалов. Куделин молча вздохнул, затынулся, встал.

— Пойду.

— Может, у меня все-таки?..

— Нет, пойду, — настоял милиционер и под непрекращающимся дождем пошел ночевать в сельсовет.

Председатель колхоза не удерживал его. Он думал, предупрежденный своим приятелем, думал... И не знал, что придумать. Ну предупредит сейчас фельдшерницу, мать Оськи. Но ведь то, что не было Полякова в селе три месяца с самого начала войны, все знали — и кто-нибудь проговорится. «Кто же написал-то? Ячин, что ли?.. Я ж сам его и велел позвать!.. — досадливо сморщился Коновалов и хлопнул себя по колену. — Ну а что было делать-то?.. Да нет, не Полуэкт это. Не настолько уж он...»

Письмо в «органы» написал ответственный по Семигорскому сельсовету за поставку в армию лошадей, а также главный ветеринарный врач теперь уже не только в колхозе «Сталинский ударник», но и всех колхозов и совхозов на территории сельсовета Готов. Осведомителем он еще до войны стал, во время поездок в город на совещания обязательно в районное управление НКВД захаживал с отчетом.

Как ни старался Коновалов Оську-поляка втихаря в армию спроводить, а — мать Оськи знала, Иван Попов тоже своим проговорился, кто-то видел... В общем, уже на следующий день всему селу было известно, что Оська нашелся и в армию вместе с Иваном Поповым ушел.

Сейчас ветеринар Готов спал в конторе колхоза «Смычка», в деревне Старая Горка, досадливо ворочался с боку на бок на деревянном диване. Думалось-то, что переспит мягко в постели начальницы здешней фермы Веры Ивановны, так уж улыбалась она ему днем, так уж угодить старалась, когда он ферму и стадо осматривал. А вечером пришел к ней, а она и дверь не открыла. Поскребся, потоптался на крыльце — да и ушел опять в контору, не будешь же шуметь. «Я ей еще устрою проверку!.. Проверю так, что надолго запомнит».

Утром верхом на выбракованном для армии, но вполне годном для его развозов коне ехал в Семигорье, дождь все накапывал, старый брезентовый плащ уже промок, очки запотели. Готов, удерживая уздечку левой рукой, правой снял очки, попытался протереть стекла об одежду. Конь что-то дернулся. «Пру-у!.. А!.. Черт!..» Он спрыгнул, стал искать очки в грязной жиже размытой дождем дороги. Сам же и наступил на них.

В Семигорье почти слепым приехал. А его уж у крыльца посыльный от Ячина, непутевый Васька Косой ждет.

— Ты, значит, тут за всех, да?.. — непонятно и зло спрашивал у трясущегося от страха полуслеплого Готова следователь. — Ты тут себя

богом возомнил, да?! Написал бумажку — и нет человека? Пей! — налил в стакан Готову.

— Я не пью.

— А-а, ты не пьешь! Ты пишешь. Пиши!.. Ячин, бумагу сюда и чернила.

Следователь Яковлев не смог утром остановиться на опохмелке, выпил лишка и уже опять был абсолютно пьян.

— Пиши!

— Я не вижу ничего, — дрожащим голосом ветеринар оправдывался.

— Что?! Расстреляю! — Яковлев вдруг выхватил из кобуры пистолет (портупей с кобурой висели на спинке стула), и сразу же грохнул выстрел.

Всех как вымело из дома — Готова, Ячина, его жену и взрослую незамужнюю дочь.

— Стоять! Расстреляю! — Опять выстрелы раздались.

Куделин как раз шел от сельсовета к дому Ячиных, когда стрельба началась. У него револьвер старенький тоже имелся, но всего два патрона в барабане, да и осечки часто давал этот револьвер. Он увидел, как выскочили со двора и бегут вдоль забора люди. Босой, в галифе и белой рубашке, выскочил на крыльцо следователь, в воздух пальнул.

Выглядывали боязливо из окон, из-за калиток.

Куделин сразу побежал к нему и успел вцепиться в правую руку, когда Яковлев со двора на улицу вываливался.

— Что? Назад!.. — Еще в воздух выстрелил. Но тут уже подбежал обратно и Ячин, обхватил за туловище, и председатель Коновалов уже был тут, кисть перехватил и выкрутил из руки наган.

Подбежал старший Бугаев, подросток Костя Рогозин тут же сунулся, бабы и девки столпились, бочкообразная жена Ячина принесла какие-то старые вожжи. Стали вязать разбушевавшегося энкаведэшника.

— Допился!

— А еще в форме!

— Наши мужики на фронте, а этот жрет до упоминания!

— Спокойно, товарищи, не толпимся, расходимся, — уже привычно командовал Полуэкт Сергеевич Ячин.

В тот же день позвонили в район. На ночь заперли следователя в чулане сельсовета, а следующим утром на той же телеге связанного Яковлева везли из Семигорья обратно. В сопровождающие милиционеру Куделину дали еще и старика Бугаева с охотничьим ружьем.

— Да развяжите вы меня, черти! — ругался протрезвевший Яковлев.

— Молчи, лежи смиренно, — коротко отвечал Куделин и не торопил мерина.

Не доезжая Крутиц, встретили на дороге странников. Те опять с поклоном посторонились, а когда Яковлев на них зло глянул — немой вроде бы усмехнулся в бороду, а слепец (как узнал?) укоризненно покачал головой.

Ходили слухи, что Яковлев был разжалован, осужден и отправлен на фронт в штрафную роту.

От Осипа Полякова приходили с фронта бравые письма с приветами и поклонами односельчанам. Ветеринар Готов притих, жил с оглядкой. Все в округе знали, что донос написал он.

Глава пятая

1.

Бывший бригадир колхоза «Сталинский ударник» Степан Бугаев отбывал наказание в одном из лагерей Калининской области. На торфозаготовке работал. Как толкового мужика, его отправили на краткосрочные шоферские курсы. Так что, отбыв год своего наказания, стал он водителем грузовичка — с карьера на станцию торф возил.

Он соответствовал своей фамилии — голова большая, бугристая, нос толстый, рот плотно сжат всегда, до желваков на скулах; ростом невелик, но и не мал, плечи буграми из-под любой одежды — по всему сразу видно, что мужик крепкий и суровый.

Примерно через месяц после начала войны, когда всем уже было ясно, что никакого быстрого разгрома врага не предвидится, а даже вовсе наоборот, заключенным было предложено «кровью искупить вину перед Родиной» — на фронт пойти. Не видел Степан, кто еще был с ним, а сам он шагнул — и вскоре ехал в эшелоне.

Думали, что сразу на фронт их и бросят. Но совсем в другую сторону везли. Где-то за Москвой, в шумном от прибывающих составов с войсками городке, их переформировали. И больше Степан никогда не встречал никого из солагерников.

И опять эшелон. По названию станций понимал, что едут в сторону дома. Дом не дом, а город, в котором бывал не раз: сестра там у него, Мария, замужем за железнодорожником. Возле вокзала и живут.

Прибыли на станцию ранним прозрачным утром. Командир взвода первым из вагона выпрыгнул. Еще некоторые вышли ноги размять, большинство продолжали спать.

— Гражданин начальник. Товарищ лейтенант, — обратился Бугаев к командиру взвода. — Сестра у меня тут. Вот и дом-то видно...

Лейтенант тоскливо поглядел на него. Посмотрел вперед, на головной вагон состава, где был штаб, на дом, который было видно за стоящим перед ними другим составом. Степан уж думал, что не разрешит.

— Десять минут тебе. Через двенадцать минут не будешь тут — станешь дезертиром. — И отвернулся, будто бы равнодушно.

Степан не стал больше ничего говорить, отошел назад вдоль состава, чтобы не видели ребята из его вагона, и нырнул под соседний состав.

Вот и дом их — барак многоквартирный, двухэтажный, деревянный, крашенный охристой краской.

Степан шел вдоль длинного, пахнущего кухней и уборной коридора, и думал, как бы дверь-то узнать. А сестра Маша сама и вышла. Сперва испугалась в потемках. Потом руками всплеснула, в комнатенку потащила.

— Леонид на станции, теперь сутками там дежурит. Бронь у него, — рассказывала. — А ты-то?.. Выпустили? Куда теперь?

Обсказал быстро свои дела и поднялся:

— Старикам будешь писать или вдруг кто наши деревенские тут будут, пусть передадут — жив-здоров я. Из лагеря вышел. На фронте, как все.

— Так сам-то напиши им, Стёпа.

— Напишу. Но и ты передай, Маша.

Мария кивала согласно. Что-то хотела съестное брату в руки сунуть.

— Ну что ты, нас же кормят.

Племянников двоих, что спали за зановесочкой, даже и не увидел. Побежал к эшелону.

— Успел, — кивнув, сказал лейтенант, откинул пустую гильзу выкуренной папиросы, поправил португую, фуражку и пошел к штабному вагону.

Полк сразу же в наступление кинули. Они не очень-то и понимали, где находятся — знали только, что в Карелии, что против них — финны. Что за оборону прорывали, куда — не знали, но прорвали. И оказались вскоре в окружении.

Неделю в болоте, в грязи, в холоде, под минометным обстрелом были. На твердый берег, к лесу, рыпнутся — из автоматов и пулеметов их финны встречают. Плотно обложили. Когда все-таки вырвались (в помощь окруженным снаружи вражеского кольца ударили партизаны, точнее — наш диверсионный отряд), от полка человек сто оставалось, от роты — с десятков, из штрафников — вроде бы двое. Но вину свою кровью Степан искупил (и этим был доволен): ранение было несерьезное, по левому крутому плечу осколок чиркнул. Хуже было с ногами — распухли в болотной жиже. Сапоги спарывать с ног пришлось.

Через две недели был Степан здоров. После переформирования попал в новый полк, в автомобильную роту. Пригодилась лагерная шоферская наука.

2.

Волховский фронт, 8-я армия.

Лейтенант Дойников прибыл в расположение полка, в сгоревшую наполовину деревеньку. И если стоять посреди улицы и не видеть еще при этом дорогу с вытоптаным до мерзлой земли снегом, с клочками сена, красную от крови и желтую от мочи, если не видеть все это, а глянуть направо — следы страшного пожара, головни и черные остовы печей; глянуть направо — благополучная деревня с крепкими избами и дворами, будто и нет здесь войны.

В одном из домов, самом большом и крепком, штаб полка.

— Товарищ полковник, лейтенант Дойников явился в ваше распоряжение! — браво доложил, когда адъютант разрешил пройти из прихожей в комнату.

Полковник, с выбритой наголо головой и аккуратной щеткой усов, кивнул и снова над картой склонился. Еще несколько офицеров взглянули на новичка и тоже склонились к карте.

Обсуждали, видимо, расположение подразделений после недавнего боя.

Только один старший лейтенант внимательно посмотрел на Дойникова, улыбнулся вдруг и кивнул, но, конечно, ничего не сказал.

Дойников сразу узнал Ершова и тоже обрадовался старому, пусть и недолгому знакомцу; и дом родной вспомнился, хоть Ершов и не земляк даже.

А когда командир полка выпрямился и сказал: «По местам, товарищи офицеры», — старший лейтенант Ершов подошел к Дойникову, руку протянул:

— Здорово.

— Вы, я гляжу, знакомы? — полковник сказал. — Вот и давай, лейтенант, к Ершову в роту, у него там командира взвода убило. Ты как, Ершов, берешь?

— Так точно, товарищ полковник!

— Свободны.

У крыльца их поджидали сани, бравый солдатик, с автоматом через плечо, с выпущенным из-под лихо заломленной шапки вихром, подскочил, сдвинулся в передок, давая место командирам.

Дмитрий Дойников не сразу в сани сел. Как увидел лошадь, почувствовал дух ее — совсем захлестнуло душу теплым воспоминанием о доме, о купании колхозных лошадей, о поездках на праздниках в сани. Обошел спереди лошадку, упряжь тронул.

— Все там на месте, товарищ лейтенант, — добродушно улыбувшись, показав при этом два ряда крепких зубов, сказал солдат, сразу почувствовав в лейтенанте своего, деревенского.

Дойников согласно кивнул и тоже улыбнулся.

Лейтенанты уселись, солдат тронул вожжи, лошадка споро повлекла санки за деревню, через поле, к лесочку.

— Видишь, у меня бойцы какие brave, отборные ребята — рота автоматчиков! — с гордостью Ершов сказал. И тут же спросил негромко, чтобы солдат не слышал: — Ты с автоматом-то как?..

— Ну... держал раз в руках, — Дойников ответил.

— Ничего, быстро освоишь. — И добавил с улыбкой: — Вот же — велик мир, война большая, а довелось встретиться. Да еще... ты вон и лейтенант уже, быстро вас теперь готовят, — тут уже некоторые и обида, и пренебрежение почувствовались в голосе.

— Ну... нас не спрашивают, дело военное, ты вон тоже уже старший, — добродушно Митька ответил. И добавил: — А мир хоть и велик, а тесен. — И напрямую спросил: — Ты Верке-то пишешь?

— Пишу, — просто Ершов ответил. — И она пишет.

— Ну... это хорошо, — кивнул Дойников.

— Чего-то ты все нукаешь, лейтенант? — шутливо-строго Ершов спросил. — Ты это бросай, если в учебке вас не отучили. Тут, брат, не колхоз, тут армия.

— Ну, пошевеливайся! — прикрикнул в этот момент боец, шевельнув вожжи. А лейтенанты засмеялись.

Вскоре приехали в расположение роты; солдаты рыли окопы и землянки, отогревая землю кострами.

— Ты иди к старшине, валенки получи, — сказал Ершов, поглядев на сапоги Дойникова. — Полушубок у него тоже найдется. Потом сюда вернешься, буду со взводом знакомить. — И окликнул ближайшего бойца, того самого, что вез их, курившего на краю свежеврытой траншеи: — Иванов, проводи товарища лейтенанта к старшине.

— Есть! — ответил румяный Иванов, окурочек не выбросил — аккуратно твердым пальцем затушил, за отворот шапки сунул. — Пойдемте, товарищ лейтенант, — кивнул Дойникову.

Они шли вдоль оврага, прикрытые кустами, туда, где тоже рыли землянки и траншеи, — другой взвод, видно, там работал.

Тут шипение, свист. «Ложись!» — Иванов Дойникову крикнул, а Дойников Иванову, и оба упали, в землю вжались. Мина хлопнулась в нескольких метрах от них. И еще, и еще, а из оврага вдруг показались серо-зеленые фигуры.

— Немцы! — солдат, не поднимаясь, перетянул автомат из-за спины и, когда первая фигура видна стала в полный рост, выстрелил.

— Без оружия... — Дойников досадливо сказал.

— Чево? — Иванов, не поворачивая головы, спросил.

— Оружия нет у меня!

Иванов уже не отвечал, стрелял снова. И по ним стреляли. Но уже с двух сторон, оттуда, где рыли траншеи, к ним бежала подмога.

Немцы, увидев это, стали, отстреливаясь, отходить в овраг.

Дмитрий Дойников не выдержал, рванулся вперед, с перекатом к убитому немцу приблизился, кое-как вытащил из-под него автомат (неожиданно это оказался не немецкий «шмайссер», а советский ППД) и тоже открыл огонь.

Немецкая разведка боем была отбита.

Лейтенант Дмитрий Дойников получил под команду взвод, двадцать храбрых автоматчиков. С людьми он и вообще-то легко сходился, а тут, в первый же день показав себя смелым воякой, сразу в коллектив влился.

В тот же вечер сначала офицеры, а потом и бойцы узнали о том, что под Москвой началось контрнаступление. Что немцы остановлены и отброшены от столицы. А вскоре в роту пришла дивизионная газета «Знамя Родины». Политрук читал в землянке свободному от наряда взводу:

«Славная победа в боях за Москву.

В тот момент, когда глупый и наглый враг уже тешил себя мыслью о близости московских окраин, ковался грозный советский меч, в нужный момент ударивший по врагу...

Родина гордится своими сынами — бойцами Красной Армии. Смерть немецким оккупантам!»

Фронт на их участке стабилизировался. Первая попытка прорыва блокады Ленинграда не удалась. Началась окопная война — с перестрелками и вылазками разведчиков с той и с другой стороны.

С момента прихода Дойникова в роту миновало недели две. Он отдыхал в своей землянке на лежанке, вырытой сбоку в стене, застланной еловым лапником и старой шинелью — дырка с левой стороны свидетельствовала о том, как стала эта шинель ничейной, — накрывшись своей шинелью. Не спал, а думал, мечтал о том, как, прорвав блокаду, они войдут в Ленинград и там он найдет отца. Знал, слышал где-то, что есть в городах такие *справочные*, где по имени могут назвать адрес человека. И вот он найдет отца, и они... Дальше он не мог представить, что бы они сделали, что бы он сказал отцу.

Дмитрий посмотрел на часы, поднялся, стараясь не шуметь и не разбудить своего заместителя, спавшего у противоположной стены, надел шинель, портупеею и пошел проверять посты на участке своего взвода.

Мороз покусывает щеки, за окопом белое в черной оспе воронок поле, голые черные кусты, овраг, за которым уже немцы. Небо усыпано колкими звездами. И тут дыхание перехватило, руки сначала прижали, потом крутить за спину начали, потянули наверх... Все-таки успел Дойников вскрикнуть. И с двух сторон — от блиндажа, где отдыхала свободная смена караула, и от ближайшего поста — ударили автоматные очереди. И, вскрикнув, немец отпустил Дмитрия. Еще одного Митька сам оттолкнул и упал, в тот же миг над ним автоматная очередь прошла. И кто-то, уже не живой, упал на него, а еще один, чуть в стороне, что-то прохрипел и затих, стал похож на сугроб в белом своем маскхалате.

— Ребята, я здесь, это я, — крикнул Дойников, сталкивая с себя мертвое тело.

Потом уже во взводном блиндаже, куда и командир роты Ершов пришел, обсуждали случившееся.

— Ведь как отвело от вас, товарищ лейтенант, — говорил рядовой Иванов, стоявший на ближнем к месту нападения посту и первым открывший огонь. — Ведь фрицев — троих наповал, а на вас ни царапины.

— Да, Дойников, в рубашке родился, — Ершов сказал.

— А ведь они знают, где наши посты, специально на переходе ждали, когда офицер пойдет, — Дойников вывод сделал. И досадливо добавил: — И главное, ловко как у них получилось-то. Я и рукой шевельнуть не успел, а я драться-то умею.

Ершов кивнул, вспомнив, как еще по пути в военкомат, на ночевке в каком-то монастыре, Митька одним тычком здорового парня успокоил. Все это — село Семигорье, дорога вдоль озера, новобранцы, идущие толпой, летняя ночь и древние монастырские стены — в один миг вспомнилось ему... и показалось, что все это было когда-то бесконечно давно. Сказал:

— Приказываю — на проверку постов по одному не ходить, один впереди, второй — метрах в пятнадцати сзади. — И уже только к Дойникову обращаясь: — Пойдем-ка, товарищ лейтенант, ко мне в землянку, сюрприз для тебя есть.

Когда лейтенанты уходили, уже светало, Иванов еще Дойникову сказал:

— Это, товарищ лейтенант, кто-то крепко молится о вас.

Дмитрий кивнул, подумал: «Мать!» И уже торопливо спрашивал у Ершова:

— Какой еще сюрприз, Олег? — Тот молчал. — Ну, Олег, ну...

— Опять занукал... Да вон он, сюрприз твой! — недовольно сказал друг Ершов, кивнув вперед.

Им навстречу двигалась по траншее несуразная фигура. В сбившейся набок шапке с распущенными ушами, в длинной шинели, в испачканных глиной сапогах. За ним автоматчик шел.

— Ну куда вы, товарищ корреспондент? Я же говорил вам — ждать в землянке... Знакомьтесь — лейтенант Дойников, родом из Семигорья, лейтенант Корин — корреспондент дивизионной газеты, а в недавнем прошлом — районной газеты «Колхозное знамя»!

Дойников все еще не понимал, в чем сюрприз.

— Да про сосок Вероники-то помнишь?! — хлопнул его по плечу Ершов. — Помнишь, показывал я тебе статью-то?..

— Ты! — ткнул пальцем в корреспондента Дойников. — Ты Корин? Ты в нашей газете писал? Ты — про Веронику?..

Корин все кивал растерянно. А Митька Дойников вспомнил еще, как в соседнем колхозе, том самом, где рекордистка Вероника и ее хозяйка (которая потом на люди долго показаться стыдилась) трудились, в клубе читали эту газету парни и девчата — ругались, смеялись, обещали при случае корреспонденту навалить. Доярку-то Верой звали, а после той статьи стали и Вероникой дразнить.

— Ну, брат, попадись ты мне не здесь... — строго Дойников говорит, а у самого губы до ушей растягиваются — и ладонь на плечо Корину опустил, так что того на один бок и перекосило.

Разговор в землянке у Ершова продолжили, еще политрук Емельяненко присоединился. Весь день Корин в расположении специальной роты автоматчиков пробыл, с солдатами поговорил, с офицерами, с коммунистами, с комсомольцами, с беспартийными.

— Смотри, мы теперь за твоим творчеством следить будем, — напутствовал Корина Ершов.

— Иметь своего читателя — это очень важно! — серьезно ответил корреспондент, садясь в прибывшую за ним редакционную машину.

Через неделю получили дивизионную газету: на самой первой странице, рядом с большой статьей, перепечатанной из «Правды», статья про автоматчиков и фотография со знакомыми лицами.

«Вырачиваем советских автоматчиков.

В ожесточенных боях против немецких поработителей наша доблестная Красная Армия приобрела огромный боевой опыт эффективного использования отечественного оружия. Наглым табунам вражеских автоматчиков мы противопоставляем несокрушимую стойкость, упорство и отвагу. Тактике немецкой гитлеровской армии мы противопоставляем свою — русскую, сталинскую тактику.

Во многих местах сейчас основной маневренной и ударной силой врага являются автоматчики. Им мы противопоставим своих советских автоматчиков, вооруженных чудесными автоматами ППД и ППШ.

Всеистребительный огонь наших автоматчиков должен господствовать на полях битв. Родина снабдила своих воинов быстродействующим оружием для того, чтобы как можно быстрее уложить на русскую землю проклятых фашистов. Как это сделали недавно лейтенант Дойников и рядовой Иванов, отбив атаку немецких автоматчиков и уложив на поле боя три десятка фашистов.

Товарищи автоматчики! Народ ждет от вас подвигов во имя Родины! Беспощадно бейте врагов из своих автоматов, истребляйте бандитскую свору!

Вперед, и только вперед! Смерть немецким оккупантам!»

И знакомая подпись: «И. Корин».

А на фото — Дмитрий Дойников и Алексей Иванов, хорошо вышли. Ершов, когда эту статейку прочитал, только затылок почесал; листок вырвал, в карман планшетки, туда, где все еще и заметка про рекордистку Веронику хранилась, сунул.

А Дойникова при встрече по плечу хлопнул:

— Силен, брат! Без году неделя в роте, а уже пресса о тебе пишет.

— Чего пишет? — не понял Дмитрий Дойников.

— В газете пишут.

— А, дак чего... ну... две недели-то! — вскинулся и широко улыбнулся лейтенант Дойников.

3.

Авторота, в которой служил Степан Бугаев, располагалась на одном из участков Карельского фронта.

Пришла зима. Возили по льду озера (озер тут очень много) к передовой боеприпасы, продукты. Авиация-то еще ничего — к озеру редко вражьи бомбардировщики прорывались, да и на суше — отбомбили и улетели. А вот артиллерия... До озера снаряды не дотягивали, но и от озера еще до передовой ехать да ехать по лесным дорогам. А у финнов каждая полянка простреливается.

Уже и не раз, понимал это Степан, смерть от него в нескольких метрах была: чуть быстрее бы или медленнее ехал — и попал бы снаряд в его машину.

Зимой еще метели — незнакомое белое пространство озера, вешки вдоль дороги заносит, если с пути собьешься, то уж дома не бывать. А вспоминалось невольно и родное Сухтинское озеро, на котором не заблудился бы он ни зимой ни летом даже с завязанными глазами.

Едет по накатанной дороге, сквозь метелицу фарами путь высвечивает. Что это там?.. Фигура... Человек... Притормаживать стал и винтовку за ремень подтягивать. Ездят они, шоферы, с винтовками в кабинах, с которыми быстро-то и не развернешься. Из-за этого Степан уже чуть не погиб: человек пять на лыжах и с автоматами на его дорожку вышли. Заметить-то заметил их, но винтовка застряла. А финны уж совсем рядом были, но не стреляли — может, в плен взять хотели. Хорошо, что позади машина шла, да не с продуктами, а взвод

автоматчиков-«смершевцев» в кузове сидел. Вряд ли кто из финнов тогда ушел...

Помня тот случай, Степан остановился метрах в пятидесяти от странной фигуры, винтовку прихватил поудобнее, приготовился вывалиться из машины и стрелять из-за колес. В желтом, забеленном снегопадом свете фар — фигура не двигалась. Сперва Степан подумал, что это кто-то, наш или финн, с автоматом на шее стоит. Но одежда черная, не белый маскалат. Да и нет, не автомат перед собой в руках держит. «Баба, что ли? С ребенком, что ли?..»

Подъехал ближе, встал.

— Возьмите, пожалуйста... — только и сказала укутанная по брови платком, в каком-то черном, с торчащими клочками ваты пальто, женщина — с младенцем, тоже укутанным в шерстяной платок, на руках.

— Да вы откуда ж такие? Залазь быстро! — Дверь приоткрыл. Женщина влезла, и дальше машину погнал Степан Бугаев.

Нет-нет да на женщину посмотрит. Она молчит, только склоняется к ребеночку своему. А тот совсем молчит.

Степану жутковато стало — живой ли ребенок-то?..

Закряхтел, засопел. Живой!

— Парень? — спросил Степан.

— Мальчик, — ответила женщина и платок с головы на плечи сдвинула.

Степан опять взглянул — вроде бы молодая, а седая прядь в волосах. Ребенок уж заплакал. Чувствует Бугаев, что женщина что-то сказать хочет, да боится или стесняется.

— Ну чего ты? — грубовато спросил.

— Мне покормить его надо.

— Ну так корми. Я глядеть не буду, — чуть ли не зло Бугаев ответил.

Ольга сначала с огромным трудом слова из себя выталкивала. А потом уже и торопливо, будто спешила, говорила. А потом — спокойно и подробно, как бы для себя самой, чтобы не забыть ничего, рассказывала.

Степан напряженно в снеговую мглу вглядывался, крепко баранку держал, слушал.

— Муж мой, Василий, командир был, старший лейтенант. Участвовал в финской. Их полк потом на новой границе и оставили, только севернее перевели. Разрешили и нам, женам, приехать. Городок был финский, чистый такой, аккуратный. Они, говорят, когда отступали — все сжигали за собой, а тут — нет, все целое: домики такие, тротуары, газоны, сосны... И так мы хорошо жили там, все семьи командирские. Дружили, все праздники вместе. Самодеятельный театр у нас был. В начале июня сорок первого они, мужья наши, с солдатами в учебные лагеря выехали. Потом, в середине июня, их уже к самой границе перевели. Девятнадцатого июня я родила. Вася приезжал к нам, но сразу опять уехал. От городка до границы пятнадцать километров было. Когда война началась — у нас еще все тихо было. Говорили даже, что Финляндия в войну не вступит. Никуда нас не увозили. А ночью двадцать пятого — загрохотало там, все небо осветилось. Мы сразу поняли, что началось. А потом оттуда

первая машина, грузовик с ранеными, приехала. Страшно было смотреть. Нам сказали, чтобы уходили скорее. До станции километров двадцать. Мы, жены, кто что взять успел, детей в охапку — на улицу. Пошли к станции. А над нами самолеты летят — и уже станцию, слышно, бомбят. А от границы, обгоняя нас, машины с солдатами. Многие ранены были, в крови все, в лохмотьях, голые почти — от взрывов, наверное. Нас догнало какое-то подразделение — пешком, но очень быстро шли. Я политрука Васиной роты узнала. Он ко мне подбежал. Погиб, сказал, у него на глазах. Закричал еще на нас, что мы медленно идем. Они, говорит, на танках и машинах наступают, там уже никто их не держит... На станцию пришли, а станции нет. И тут опять самолеты — и по нам стреляют, бомбят... И женщины, и дети падают и умирают. Я Коленьку держу на руках и бегу, бегу... все кажется, что это вот сейчас прямо на нас самолет пикирует... Три дня еще мы одни шли. Коленька закашлял у меня. Я понимаю, что, если не остановлюсь, не приведу себя и его в порядок — умрем. И попросилась в дом в деревне. Карелы там жили. Пустили. Обогрелись мы хоть там, в бане помылись. Скоро финны пришли. Ничего, не выдали меня, но все-таки потом уходить велели. Мы ушли. В русской деревне приютили нас. Потом стали русских выселять в лагерь какой-то, мы опять уйти успели. Шли долго. Люди помогали. Вот так и идем...

Дорога по озеру кончилась, утихла и метель, заснеженный черно-белый лес по сторонам тянулся, но вскоре уже въезжали в городок, где Степанова часть стояла. Рассвело уже. Степан тормознул у вокзала.

— Ты вот что, Ольга... Тут на вокзале можно вам, наверное, обогреться. А потом — в комендатуру, ты же офицера жена.

— Вдова, — она поправила.

— Ну вот... Документы его у тебя при себе? — Она кивнула почему-то. — Там помогут вам. А потом уезжайте. У тебя родня-то где есть?

Она покачала головой:

— Нету.

— Как же так-то?

— Вот так, детдомовка я.

Степан ненадолго задумался. Достал из кармана химический карандаш, обрывок газеты. Написал номер своей части, свое имя, фамилию. Подумал — и написал еще.

— Вот, поезжай до этой станции, там, по этому адресу, рядом с вокзалом сестра моя, Мария, живет, от нее в деревню добирайся, сестра подскажет. Я своим туда напишу, примут. Там хоть ребенка выкормишь. Не дадут пропасть. И школа у нас там есть — пойдешь учительницей.

Ольга кивнула. Сказала:

— Спасибо, Степан.

Ребенок захныкал, и она торопливо вылезла из машины и пошла в здание железнодорожного вокзала. Степан видел, как к ней сразу подошел военный патруль, но уже не стал вмешиваться, погнался в часть — и так опаздывал.

Ольга в комендатуру не пошла, не было у нее никаких мужних документов. Политрук, что видел его мертвым, должен был бы документы взять, да не до того было.

Стала она на проходящие поезда проситься. Никаких эшелонов с эвакуируемыми тут не было — только военные и санитарные. И ответ везде один: «Не положено».

Зашла опять в вокзал. Патрульные разрешили ей в уголку у печки кормить ребенка, но уже недовольно посматривали. Последняя сухая пеленка... Ольга, не обращая внимания ни на кого, разложила Коленьку на скамейке у печки, перепеленала. Отвернувшись к стене, дала грудь.

Видно было, что готовится к отправке санитарный эшелон, суета на перроне: ходячие раненые залезают в вагоны, санитары несут носилки.

Ольга выбежала, прижимая ребенка к груди, на перрон.

— Товарищ военврач, возьмите меня, санитаркой возьмите, — сунулась к высокому, в шинели, а не в полушубке, майору. Тот глянул на нее зло:

— С ума сошла!

Побежал к головному вагону.

Ольга шла вдоль состава. По команде румянощекоего старшины грузили в вагон какие-то мешки. Ольга к нему.

— Не положено, — привычно ответил.

— Я знаю, что не положено, — твердо она сказала.

— Ну так чего! — то ли ей, то ли замешкавшемуся с мешком на плече солдату рявкнул.

Ребенок заревел.

— Уйди отсюда, — опять старшина ей.

— Не уйду.

— Все, закрывай! — крикнул старшина, и двери вагона захлопнули.

Сам старшина в соседний вагон полез.

Загудел паровоз, зашипел пар под колесами.

Она ухватила старшину за полу белого полушубка.

Тот вроде бы и не глянул на золотые сережки, но ее вперед себя в вагон затолкнул, а в вагоне сразу в боковое тесное купе — и дверь запер снаружи.

Вагон, в который грузили мешки, был склад на колесах. Соседний — вагон взвода хозяйственной obsługi, командиром которого тот старшина и был. Ольгу он и чаем с хлебом напоил, и какую-то простыню на пеленки ребенку дал.

— Виктор Геннадьевич меня зовут, — сказал зачем-то.

Ночью он снова сунулся в купе к Ольге. Коленька спал на нижней полке, и она наконец-то прилегла рядом с ним.

— Виктор Геннадьевич, ложись и спи, — кивнула она на полку напротив. — Меня тронешь — начальнику эшелона скажу, под трибунал пойдешь, — сказала ему просто и зло.

Он отстал. Вышел.

Утром она спросила, когда будет город, где жила сестра того водителя. Оказалось, что скоро.

— Выходи, — буркнул ей старшина, открывая дверь вагона, и она с ребенком на руках ступила на перрон незнакомого города.

Дом, где жила Мария, Ольга не сразу нашла. Почему-то никто не мог подсказать, где этот Паровозный тупик. А и дом-то совсем рядом был. Какой-то пожилой железнодорожник показал ей дом.

Нашла комнату Марии, подала записку от Степана.

Ольга торопилась дальше, в деревню, куда ей еще-то... Но Мария придержала:

— Подожди, отдохнуть вам надо, в себя прийти.

Коленьку оставили ненадолго со старшими детьми — было воскресенье, и они не учились, — и Мария повела Ольгу в баню.

— Тут недалеко, быстро ходим.

Ольга боялась оставлять ребенка, но и вымыться было нужно.

— Мы посидим! — бойко сказала девочка лет семи, Маринка.

— Присмотрим, — серьезно сказал мальчик, десятилетний Генка.

Муж Марии, Леонид, и в воскресенье работал в депо.

А вечером и Коленьку в тазу искупали.

Леонид пришел почти ночью, немногословно познакомился с неожиданными гостями.

А утром Ольга уже и не могла подняться — горела вся в болезни, будто до этого месяцы лишений и борьбы за жизнь ребенка не давали понимать свою болезнь. А тут — тесемочки развязались. Ее в тот же день увезли в больницу.

Мария зла не держала на нежданную гостью, но боялась, конечно, не заразно ли. За детей боялась. Врач успокоил — не заразно.

Ребенка Мария у себя оставила на время Ольгиной болезни.

— Где двое — там и трое! — мужу сказала.

Тот, молчаливый и, кажется, абсолютно невозмутимый мужик, кивнул. И даже сказал:

— А как же. Мы уж теперь в ответе за него, — и подмигнул стоявшему на четвереньках на кровати и с любопытством глядевшему на него малышу.

Мария и Степану, брату, написала обо всем, что, мол, Ольга с ребенком у нее, что заболела Ольга-то.

Тот редко писал, но тут скоро письмом откликнулся: «Помогите ей. Жив буду — за все отплачу».

«Жена она ему, что ли?» — думала, прочитав такое, Мария; на Кольку, который уже всю ползал по комнате, смотрела — нет, не похож на Степана. А может, и похож... «Вот же Степка — на войне бабу нашел. А в Семигорье-то сколько девок сохло по нему... Вот приедет к родителям такая радость, — думала про своих стариков и усмехалась: — Ничего, будет им с внуком веселее. Только бы Ольга-то поправилась».

А Ольга долго поправлялась, только через месяц выписали ее. И вскоре на попутной машине Мария отправляла Ольгу с Колькой в Семигорье.

— Так кто ты хоть Степану-то? — спросила все же.

— А еще и не знаю... Спасибо вам, — Ольга ответила и обняла Марию, смущенно отворачивавшегося Генку, веснушчатую Маринку. — Спасибо вам, родные!

Машина довезла лишь до Крутиц. Дальше ехали на попутных санях с добродушным и немногословным, заросшим бородой возницей.

И когда ехали вдоль озера, Ольга вдруг увидела на ледяной еще глади остров, а на нем — белый храм и колокольня. И звон колокольный плывет над озером, над берегом, наполняет душу радостью. И сынок ее, Коленька, на руках у нее заулыбался...

Глава шестая

1.

Иван Попов и Фёдор Самохвалов в феврале 1942 года оказались на фронте, в одном полку, в одной роте, в одном взводе даже. Пехотинцы.

Располагался их взвод на острове в Ладожском озере. Островок маленький, но со стратегической точки зрения важный. Там была зенитная батарея, отгоняющая вражеские самолеты от дороги на Ленинград.

В тот вечер, когда их неожиданно атаковали, был сильный снегопад.

Все в белом, диверсанты-лыжники двигались стремительно. Часовые увидели их уже совсем близко, все же успели открыть огонь, но были тут же убиты.

Телефонная связь была нарушена. Бой уже у складов шел. Капитан Семёнов, под командой которого здесь находились зенитчики и пехотинцы, был убит одним из первых. Зенитчики и часть пехотинцев были окружены у батареи и склада боеприпасов. Другая группа, в ней и Иван с Фёдором, у продовольственного склада. Третья группа — у казармы и столовой.

На острове раньше монастырек какой-то был. Склад, который Иван с Фёдором обороняли, — церковь; казарма и столовая — в братском корпусе и в трапезной располагались. Батарея — на насыпном каменном волнорезе.

— Да сколько же их! — Фёдор выстрелил.

Он удивлялся сам себе — ничего не боялся, делал то, чему учили, — передергивал затвор, брал на мушку, нажимал на спусковой крючок, менял позицию, снова высматривал белую скользющую тень или стрелял по вспышке из автоматного ствола. А как там Ванька-то?..

— Иван! Ванька!..

Иван выстрелил, и тут же остро ударило в плечо...

Раненых переносили в склад-церковь, там клали на ворох какого-то старого тряпья. Старик-санитар перевязывал раны, давал воду. Остров и разоренный монастырь на нем в мирное время служили пристанищем рыбакам, а этот старик, последний монах, жил тут в избушке при храме, был оформлен в рыболовной артели смотрителем маяка, в туманы зажигал на колокольне фонарь и бил в колокол.

И видит Иван храм с открытыми воротами, и свечи в нем, и пение дивное. И выходит к нему старец в черной одежде с белыми крестами, тот самый, что уже являлся однажды ему на Сухтинском озере. И говорит старец:

— Не бойся, Иван, молись, и мы будем молиться. Вместе одолеем врага!

И звон колокола, монотонный и величественный, разливался над островом, над ледяным озером, заполнял собой небо...

На рассвете финны отошли, не добившись своей цели. Из сорока трех человек защитников острова в живых осталось двадцать два, десять из них — раненые.

Иван очнулся, нащупал рукой что-то, подтянул. Посмотрел — старинная какая-то книга, буквы крупные, но непонятные, хотя вроде и русские.

— Это, милый, ты ведь Евангелие нашел, ну и бери с богом, есть у меня еще... Как звать-то тебя, сынок? — Голос старика, мягкий и добрый.

— Иван...

— Вот и слава богу, Иван...

Фёдор подошел к нему:

— Вот тебя как, Иван... Жив... Хорошо. В госпиталь теперь. А меня не задело даже.

Иван улыбнулся и ничего Федьке не ответил.

Вскоре раненых увезли с острова.

Два месяца лежал Иван в госпитале. А Евангелие он сохранил. В книге еще лежала бумажка, на ней чернилами очень четким красивым почерком было написано:

*Ищите Бога,
 Ищите слезно,
 Ищите, люди,
 Пока не поздно...*

Иван с первого раза запомнил это стихотворение. Евангелие держал при себе, никому не показывал. Но иногда, когда все спали в палате, доставал и в свете уличного фонаря пробовал читать и уже что-то понимал.

2.

Стали в Семигорье похоронки приходить — то в одном конце села, то в другом баба заголосит. Во всей округе, в деревнях больших и малых, ожидание и страх по избам жили.

Был март.

— Вот что, Авдей Иванович, — сказал как-то утром старику Бугаеву председатель колхоза Коновалов. — Бери Зорьку, розвальни — и с Васькой Косым поезжайте-ка на дальние лужки, пора там сено брать.

Старик кивнул, переспросил недовольно:
— С Васькой?

Григорий Коновалов только сейчас и сообразил, что Авдею Бугаеву не больно-то с Васькой дело иметь хочется, из-за него же Степана-то посадили. Да кого еще-то отправить...

Запрягли неражную лошаденку Зорьку, кинули в розвальни вилы, веревку, топор. Поехали в сторону от озера по лесной дороге на самые дальние сенокосы колхоза «Сталинский ударник».

Старик держал вожжи, изредка понукал лошадь, с Васькой не разговаривал. Тот сам заговорил:

— Ты, Авдей Иванович, не сердись на меня, чего ты... Уснул я тогда. Я ж вину не отрицал. А Степан уперся — мол, он виноват...

— Да замолчи ты! Сам же знаю все! — ответил зло старик и не к месту подхлестнул вожжей Зорьку. Лошадь удивленно крутнула головой и не прибавила шагу. И Васька обиженно замолчал. Старик оглянулся на него. Васька сидел боком к нему, но будто бы и смотрел на старика, не поймешь, глаза-то вразбежку...

Самый дальний стог почали. Пока снег с него скинули да накидали сено на розвальни, прижали жердинами, связали веревкой, солнышко к вечеру покатилося.

Ехали обратно, жевали свои куски хлеба, Васька правил.

Авдей думал о сыне и о странной женщине Ольге, которая пришла к ним с месяц назад, о которой Степан писал в письме. Баба она ничего, хорошая, ученая, в школе теперь работает, парнишка хороший у нее. Только кто она Степке-то? Ничего не поймешь...

— Авдей Иванович, чего эта? — вдруг Васька голос подал. И Зорька всхрапнула и аж задрожала, побежала шибче без понуканий.

— Чего?

— Волки же!..

А Бугаев уже и сам их увидел.

— Гони! — Ваське крикнул, а сам встал в саях, широко расставив ноги, вилы в руки взял. — Гони, Васька!

Васька гнал, Зорька бежала. Скоро уж лес-то кончится, а там поле, село видно будет...

Пять их или шесть — не разберешь, то один, то другой вперед выскочит. Справа — здоровый, серый, большеголовый сани обходит, под брюхо лошади целит. Бугаев огрел его вилами по хребтине. И волк, щелкнув пастью, отвалился в сторону. Но уже слева обходит другой... Авдей ткнул в него, вонзил вилы в зверя, уже готового прыгнуть на лошадь. Волк, окровив снег, закрутился, пытаясь зубами вырвать впившуюся в него смерть. И вся стая будто споткнулась об него, закрутилась...

Запаленная Зорька шибко бежала; Васька не сдерживал ее. Старик Авдей Бугаев стоял на коленях в задке саней, держа в руках топор.

Так и выехали в поле. Темнело уже, видны были огоньки в окнах кое-где, вон у Сапруновых баба какая-то бежит к бане, еще кто-то там...

— Авдей Иванович! — уже успокоившийся Васька окликнул. — Глянь-ка, чего там у Сапруновых-то... Верку ведь в баню ведут. Рожает ведь, точно рожает!

Но старик не отзывался.

— Авдей Иванович! — Васька обернулся, бросил вожжи, обежал груженые сеном розвальни и увидел старика. Тот сидел, откинувшись на сено, топор был зажат в левой руке, а правая сунута за полу тулупа, к сердцу.

И в те же минуты, когда умирало старое сердце Авдея Бугаева, новая жизнь заявляла о себе громким криком. Вера Сапрунова родила на удивление быстро. А мать Верина, Анфиса, сказала с гордостью за дочь:

— А и я Верку так же родила! Только выскочила!

* * *

Перезимовал колхоз первую военную зиму. Лошадей почти не осталось, а надо ведь было пахать, боронить, сеять. Начали на быков да коров сбрую ладить.

Раньше Костя Рогозин лишь боронил, пахать еще не доводилось. И он очень волновался этой весной — справится ли, не опозорится ли... Пахал за речкой у Косминского леса. На соседнем от Кости поле, за овражком, пахал Васька Косой. До поля вместе дошлепали. Васька помог плуг опустить, подхлестнул старую лошадедку Зорьку.

— Сама пойдет, только плуг придерживай, — Косте сказал и своего быка на соседнее поле погнал.

Костя взялся за ручки плуга. Лошадь дернулась, плуг чуть приподнялся, и лошадедка пошла быстрее, легче.

— Не балуй! — ломким баском прикрикнул Костя, всем весом налег на рукояти и опустил плуг на нужную глубину.

Григорий Петрович Коновалов обходил поля. Он спустился с дороги в поле, не торопился, проверил глубину вспашки — не везде ровная была, но ничего.

— Костя, — окликнул парня.

Тот оглянулся, опустил плуг, лошадь покорно встала.

— Постой, — Коновалов пошел к нему. — Нормально, нормально... Молодец. — И руку по-взрослому протянул.

Костя плоско, дощечкой, в ответ протянул ладошку.

— Ты, Костя, люби ее, земельку-то, и она тебе тем же ответит, — сказал и сам смутился вроде бы, за кисетом в карман полез. — Батька-то пишет? — спросил.

— Пишет.

— Ну и слава богу... Продолжай. Скоро обед, отдохните с Васильем...

И пошел на соседнее поле к Ваське Косому.

Много забот у председателя. Да забот-то он не боится. От другого душа болит, мается: мужики на фронте, а он тут...

Шел июль 1942 года.

Прибыв из штаба полка, командир роты автоматчиков капитан Ершов вызвал в штабной блиндаж командиров взводов.

— Получена команда выдвинуться вот в этот район, — указал на карте. — Выходим через час, готовьте людей. К вечеру должны быть на месте, там получим следующую команду.

— Так средь бела дня и пойдём, товарищ капитан? — спросил своего друга Ершова старший лейтенант Дойников.

— Ну, погода нелетняя, — поняв его, Ершов кивнул. — Потом, дорога проселочная, в основном вдоль леса или через лес, так что в случае чего — укрыться есть где.

В назначенное время рота начала движение.

Шли по дороге между незасаженных полей, некошенных лугов, то и дело дорога ныряла в перелески. Погода была пасмурная, но без дождя.

Рота вышла на открытый участок, разнотравный луг, весь бело-зелёный от зонтичных цветков морковника. Виднелась слева железная дорога, справа — лес. Вдруг что-то зашумело позади и слева. И не сразу обратили внимание на проходивший состав. А состав короткий — всего из трех вагонов; остановился — и вдруг воздух наполнился шипением и свистом.

— Ложись!

Снаряды, выпускаемые орудиями немецкого бронепоезда, рвались, встряхивая землю, вскидывая черные фонтаны.

Дорога тут была оканавлена. Да еще ручей какой-то ее пересекал, а под дорогой была проложена труба. В канаву, в ручей и падали, вжимались в грязь.

Взрывы прекратились, поезд свистнул и, пятясь, уехал. Тихо стало. И в этой тишине огромный коричневый муравей, с круглыми немигающими глазами, с острыми усами, страшными лапами, ползет прямо на него, Митьку Дойникова, и нужно что-то делать, спастись...

— Старлей! Дойников! Трубу затыкай!

От этого крика он очнулся. И увидел травяной скат канавы, а прямо перед собой — отверстие трубы, проложенной под дорогой. Кинулся к дыре и закрыл, еще не понимая зачем. И тут же в него что-то упруго ударилось, он схватил — мягкое, живое, дергающееся...

Хохот и крики:

— Поймал!

— Заяц!

— В котел его!

Тут и сам Дойников увидел: зайца поймал он. Как и люди, бедолага от взрывов спрятался.

— Держи крепче! Щас вдарим! Прямо в нос надо, я знаю... — кричал Алёшка Иванов.

И пополнил бы рюкзак нескучный, но однообразный армейский рацион, но дернулся заяц, разжал руки Дойников — и заяц припустил через дорогу, по полю, в кусты.

И вдруг...

— Капитан!

— Товарищ командир роты!

— Олег! Ершов!

Дойников первым оказался рядом с лежавшим в канаве капитаном.

— Олег?.. Санитара сюда!

Рыжеусый санитар с краснокрестной, вымазанной в земле сумкой на боку быстро подбежал. Гимнастерку разорвали, а там и дырочка-то напротив сердца, как от иголки.

И опять шум от железной дороги.

— В лес, бегом! — яростно крикнул Дойников, и все безоговорочно подчинились его команде. Был Дойников заместителем командира роты, стал командиром.

Ершова на плащ-палатке вчетвером несли. Успели до леса добежать.

Долго шли лесом, потом снова на дорогу вышли.

— Здесь, — Дойников сказал. И, поглядев на часы, скомандовал: — Привал тридцать минут.

Сам рыл саперной лопаткой, другие помогали.

Дойников взял документы капитана Ершова, пилотку его взял, а свою хотел надеть ему на голову, но положил просто рядом со светловолосой головой, посмотрел последний раз на друга и закрыл полую плащ-палатки.

Вспомнилось Семигорье и бравый лейтенант, с которым шли потом на сборный пункт, все их разговоры... Верке надо писать. Сын ведь у них...

Опустили, зарыли. Над холмиком поставили наспех сделанный крест.

Неподалеку сутулилась деревенька, дорога через нее шла, и у ближнего дома Дойников свернул во двор, стукнул в окно. Кто-то торопливо выглянул, на крыльцо вышла пожилая женщина в черном платке.

— Мать, прошу тебя, вон там, за перелеском на бугре, похоронен советский командир, вот его данные. — На листке карандашом написал фамилию, имя, отчество, даты рождения и смерти. — Сделайте потом табличку хоть, за могилой присмотрите.

Женщина молча кивнула.

К назначенному времени рота прибыла в полуразбитое село. Тут же явился посыльный, передал приказ командиру роты явиться к командиру полка. Дойников пошел.

Узнав о гибели капитана Ершова, полковник Палкин вскинулся, но махнул рукой, только сморщился, а потом крепко сжал зубы, поднялся.

— Пошли к комдиву, — сказал.

Шло совещание. Роте Дойникова предстояло захватить и ни в коем случае не сдавать без команды одну из высот.

Уже темнело, когда лейтенант-разведчик вел через лес Дойникова и сержанта Иванова к высотке. Дождь начал накрапывать. Вон и высотку видно уже. Деревья вокруг с посеченными стволами, с обломанными ветками. А на земле, между деревьями — разорванное тело. И еще, еще...

— Обнаружили себя — и их минами накрыли, — лейтенант сказал, увидев, как дрогнуло лицо Дойникова. — Сейчас погода подходящая — не увидят вас, если шуметь не будете. Вон там уже их окопы.

Дойников положил лист на планшетку, накидывал карандашом план местности, думал, глядя то на схему, то на высоту.

— Все, пошли.

Перед выходом роты на штурм высоты явился командир полка. Приказал:

— Всем, всей роте сдать личные документы — красноармейские книжки, комсомольские и партийные билеты.

Через час рота подошла к высоте. Моросил дождь, тьма была непроглядной. Красная ракета взлетела и, неторопливо описав дугу, погасла, не достигнув земли. Справа и слева от высоты началась сильная стрельба... Через несколько секунд бой шел уже в траншее, и уже рвались автоматчики дальше, к плоской вершине холма, где был штабной блиндаж...

Короткая яростная атака закончилась минут через десять после начала. Рота, выполняя приказ, захватила и не сдавала высоту.

И даже командир дивизии не знал, что атака на этом участке фронта — отвлекающий маневр, что основной удар — в другом месте, но и тот удар, вскоре стало ясно, не принес ожидаемого результата. Попытка прорыва блокады не удалась.

Рассвело.

Дойников, политрук Емельяненко, Иванов — в штабном блиндаже были. Рванули первые бомбы, и на какое-то время все стихло.

— Погляжу, — сказал Иванов, поддернул на плече ремень автомата и полез вверх по земляным ступеням.

— Подожди, — окликнул его политрук, но Алёшка полез выше, сдвинул наверху дверь. Опять рвануло — и изуродованное тело упало вниз.

И тут страшно грохнуло, затрещало, взлетело и рухнуло: бомба попала прямо в блиндаж...

Митька ничего не понимал, он только понял, что умирает. А потом почувствовал дикую боль и услышал крики и стоны повсюду...

После этого удара авиации человек пятнадцать ходячих раненых унесли на шинелях и плащ-палатках четверых тяжелораненых и среди них — старшего лейтенанта Дойникова. Это были все, кто остались в живых.

Через двое суток остатки роты вышли в расположение частей Красной Армии.

(Окончание следует.)

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

ГОРСТЬ МОНЕТ

* * *

Когда смыкается печаль
над выщербленным суесловьем,
то переход к иным речам
природой ночи обусловлен.

Он обусловлен тишиной,
дождем, распластанным по крышам,
и очень внятной виной,
чей голос в гомоне чуть слышим.

Тогда являются слова
о том, что якобы забыто,
и — распрямляется трава
из-под глумливого копыта!

Разъятые на «я» и «ты»,
мы искренности не стыдимся —
так разведенные мосты
томит желание единства.

Мосты, естественно, сведут.
Сомкнется линия трамвая.
Загомонит веселый люд,
друг дружке медь передавая.

ИЗЪЯН ЗЕРКАЛ

Когда, омыт органной белизной,
парил над утром яблоневый цвет —
рождая звук отчетливо-стальной,
легли на стол заколка и браслет.

Чуть скрипнув, шкаф открылся платяной.
 О восковой сияющей паркет
 как будто дождь ударил проливной —
 так дробно раскатилась горсть монет.

За этот миг прошло немало лет.
 Изъян зеркал: за гладью ледяной
 вчерашних отражений нет как нет.

Но вмятен знобкий шелест за спиной
 наедине со звонкой тишиной,
 особенно когда погашен свет.

ДРУГОЙ ЯЗЫК

Проклюнулось окно
 белесой синевой...
 Что сказано давно,
 то сделалось молвой.

Создав другой язык,
 чей строй ни с чем не схож,
 страницы древних книг
 ты лишь переведешь.

Мечись, листай тома —
 отыщется к утру:
Я не сойду с ума
и даже не умру.

ФОНАРИКИ

Сколь поверхность ни правь,
 все влечет сердцевина.
 Трудно верить в ту явь,
 что насквозь очевидна.

Завтра — свойство семян,
 а реальности трюки —
 иллюзорный экран,
 наведенные глюки.

Словно Новый завет
 начертать на плакате —
 симпатический свет
 фонарей на закате.

ТОЧКА

Из тумана веревки свивая,
ветер кружит, отавой шурша.
Вторит ветру частица живая,
космос сжавшая в точку, — душа.

Точка ширится, точка безбрежна,
сразу всем плоскостям прилежа,
в то же время внимая прилежно
антуражу пути-миража.

Канет в нетях — назад не тяните:
своеволия не покорить.
Возвращается змеем на нити,
лишь поймет, что пора покурить.

МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ

Ткань вещей до того любезна,
что их чуждость не вдруг видна.
Укрошенная светом бездна
не достигнет глазного дна.

Смыслы смутные ловит слово,
но оно и привносит свет:
лишь расплещется луч — и снова
мрака подлинной тайны нет.

ГОРОД НАЛЬЧИК

Игорю Терехову

Хоть в мечеть обратился «Ударник»,
хоть реклама повсюду в чести,
хоть все больше фасадов шикарных, —
от тебя, слобода, не уйти.

Пусть три слоя гудрона налягут
здесь на землю подобьем оков,
но проступит и прежняя слякоть,
и булыжники прошлых веков.

Пусть малюет хоть кто не по-русски:
Pizza, Club, Vavilon ли, *Vivat*, —
на углах, как и раньше, старушки
сядут семечками торговать.

Даже если и буду сподоблен
Корбюзье изощренных затей,
не поверю в кончину колдобин,
закоулков, трущоб, пустырей.

Светляки до сих пор не потухли,
хоть, конечно, неону — мерси.
Нацепив итальяйские туфли,
самотечную грязь помеси.

Коль налипнет саманная глина,
захолустье винить не спеши:
не провинция в этом повинна,
а особое зренье души.

Мир обманной завесой окутан,
но черты его сквозь ширпотреб
прозревает художник Колкутин —
и все прочие, кто не ослеп.

ВЕСЕЛЫЙ ЛИНГВИСТ

Лингвист веселый вдруг во мне проснулся
и заявил: «Во сне мне объяснили:
“весна” и “осень” потому созвучны,
что в них один и тот же корень — “сон”.

“О” — значит “возле”, “около”, “у края”,
а “ве” на самом деле лишь приставка
с добавленной для благозвучья гласной
и значит то же, что и в слове “взлет”».

«По-моему, ты бредишь, — я заметил. —
Скажи еще, что корень “сон” и в “снеге”!»
«Но так и есть! Под снег прекрасно спится!» —
сказал лингвист веселый и уснул.

Александр АСТРАХАНЦЕВ

ГЕРОЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(Беседы с предпринимателем)

Документальная повесть*

1. Книга

Рассказ о моем герое я хотел бы начать с книги, с которой однажды познакомился. Пожалуй, едва ли не у каждого наступает в жизни тот критический возраст, когда он начинает усиленно интересоваться вопросами здоровья, старения и долголетия и ищет ответы на эти вопросы. Вот и я, грешный, не избежал этого. А где искать ответы человеку, умеющему не только читать, но и размышлять над прочитанным? В книгах, конечно же. В серьезных книгах, написанных профессионалами. Но книга книге рознь. Человек приходит в книжный магазин, добирается до полок с литературой на обозначенные выше темы, и перед ним открывается море разлитое ядовито-ярких обложек и кричащих названий. А на проверку авторы этих книг — «ведуны», «экстрасенсы», «специалисты по восточным культурам», а также прощелыги-журналисты, стряпающие со многими ошибками компиляции из чужих текстов, и прочая орава шарлатанов, которых нынче развелось великое множество. Серьезную книгу на тему здоровья, написанную квалифицированным врачом или биологом, среди этогохлама отыскать трудно: издаются такие книги крохотными тиражами, в сереньких обложках, и если они тотчас же не раскупаются, продавцы задвигают их в такие магазинные закоулки, что и найти невозможно.

И все-таки, приложив некоторые усилия, я на серьезные книги иногда натываюсь. С одной такой мне бы и хотелось начать, она этого заслуживает.

Книга эта имеет многозначительное название, оно звучит как вызов — «Жить можно сотни лет!» (именно так, с восклицательным знаком). Издана она была в Красноярске, автор — некий Сергей Васильевич Погожев. Доверие к книге вызывал совершенно некоммерческий ее вид: текст на серой газетной бумаге, одноцветная синяя обложка. Прочитав же ее, я был удивлен смелыми выводами автора: он, как значилось в

* Журнальный вариант.

аннотации к книге, врач-гигиенист и кандидат медицинских наук, на протяжении четырехсот с лишним страниц, привлекая аппарат современных научных данных из областей биологии, биохимии, биофизики и прочих наук, доказывает, что человек и в самом деле может жить вдвое-втрое больше, причем для этого ему не нужны ни дорогостоящие лекарства, ни препараты и диеты, ни какие-то особенные режимы — все до обыденного просто, так что любой человек, от богача до полуничего пенсионера, может легко воспользоваться советами автора.

Автор рассказывает о том, как при соблюдении определенных правил человек может не только остановить собственное старение и даже омолодить уже состарившийся организм, но и, не прибегая к дорогим лекарствам, хирургии, радио- и химиотерапии, вылечить многие болезни, в том числе и самую грозную — рак. И не только вылечить, но и предупредить. Попутно автор не без сарказма развенчивает все ранее известные теории неизбежного, якобы генетически заложенного в живых организмах процесса старения и неизбежной смерти. Согласно современным научным данным, на которые он ссылается, живые клетки, из которых состоит любой организм, при правильном управлении обменными процессами могут жить бесконечно долго. При этом страшно подумать о перспективах, ведь каждый из нас и все мы вместе можем стать бессмертными!

Читая книгу, я все больше восхищался дерзостью автора: что же будет на свете, если все станут здоровыми и бессмертными, чем заниматься тогда мировой фармацевтической промышленности с ее миллиардными доходами, а также необозримым армиям врачей, аптекарей, ученых, разрабатывающих и ежедневно выбрасывающих на рынок тысячи новых лекарств? Не появится ли у генералов этих армий соблазн сделать все, чтобы эта книга не дошла до читателя?..

Когда я дочитал книгу до конца, то, не скрою, у меня, во-первых, возникли некие сомнения в фантастически простом решении проблемы здоровья; во-вторых, появилось несколько вопросов к автору; в-третьих, захотелось просто взглянуть ему в глаза и понять, что он за человек, стоит ли ему доверять — не очередной ли это шарлатан, паразитирующий на людском невежестве и страхах.

В выходных данных был указан адрес и телефон типографии. Я позвонил туда, и бодрый мужской голос ответил, что я разговариваю с самим автором. Мы договорились о встрече, собеседник подробно рассказал, как разыскать типографию, и на завтра же я туда отправился.

Когда я нашел нужные мне покореженные железные ворота и открыл их — прямо передо мной открылась пасть бетонного наклонного канала, уходящего глубоко в черный мрак. Мне приходилось видеть подземелья и помрачнее этого, поэтому я смело пошел вперед, постепенно привыкая к мраку после дневного света. И когда в почти полной уже темноте наткнулся еще на одни железные ворота, то на всякий случай оглянулся: позади меня, где-то далеко и высоко, едва светилась щель от неплотно притворенных входных ворот. Казалось, я вхожу в Дантов ад — один, без провожатого...

2. Литературный портрет автора

Я вошел.

В довольно тесном помещении, не ахти как освещенном, прямо напротив меня сидел за письменным столом мужчина с загорелой, бронзовой лысиной и, низко склонившись, азартно ковырял отверткой какую-то деталь. Я поздоровался. Он встал, шагнул из-за стола мне навстречу; мы пожали руки и представились друг другу. Это и был Сергей Васильевич Погожев.

Я как-то сразу понял, что он — полновластный хозяин кабинета. Выглядел он лет на пятьдесят (хотя в краткой биографии, имевшейся в книге, значилось, что ему шестьдесят), был невысок, плотен и, чувствовалось, силен; на круглом загорелом лице — седующая профессорская бородка клинышком и темные внимательные глаза. С первых же энергично сказанных им фраз стало понятно, что это человек, уверенный в себе, открытый и легко идущий на контакт. Он усадил меня в кресло, и, пока возился со стоявшим тут же, в кабинете, автоматом экспресс-кофе, я огляделся.

Прямо напротив меня, за стулом хозяина, всю стену до потолка занимал громоздкий книжный стеллаж, до отказа забитый толстыми книгами. Слева, вдоль боковой стены, тоже стояли стеллажи, только металлические, набитые самыми разными слесарными инструментами; перед стеллажами — верстак, на нем — совершенно разнородные вещи: тиски, микроскоп, маска для электросварки. На полу, под верстаком, в окружении нескольких разнородных гантелей — солидная двухпудовая гиря. Вся правая стена увешана крупными цветными фотопортретами, половина их — портреты одного и того же светлого, миловидного женского лица, а другая половина фотографий — портреты девушек и детей. По обилию портретов, по тому, как они сняты в самых разнообразнейших ракурсах, было понятно, насколько эти лица дороги хозяину кабинета. Почему-то я сразу догадался, что миловидная женщина — это жена хозяина, девушки — дочери, а дети — его внуки. Так потом и оказалось.

Наконец я получил свой кофе, и мы начали беседу. Для начала я подарил ему одну из своих последних книг и объяснил, зачем пришел.

В тот день мы, буквально накинувшись друг на друга, проговорили взахлеб часа три, не меньше, на самые разные темы. За это время нас дважды прерывали: входили сначала мужчина, потом женщина, в рабочих спецовках, докладывали о каких-то неполадках. Хозяин кабинета, извиняясь передо мной, вставал, брал со стеллажа инструменты и стремительно убегал, затем через некоторое время возвращался, клал инструменты на место, садился — и мы продолжали разговор с прерванной фразы...

Вот какие выводы я сделал в ходе той первой беседы. Во-первых, хозяин кабинета — руководитель расположенного в этом подвале предприятия, управляющий им единолично и беспрекословно, словно дирижер

оркестром. Во-вторых, это высокообразованный человек. В-третьих, он, можно сказать, виртуозно владеет языком, точным, острым и образным; он вывалил на меня массу интереснейшей информации, не чураясь при этом поговорок, поговорок, а также крепких слов, выражений и житейских афоризмов, чем, сознаюсь, меня очаровал. В-четвертых же, им, видимо, владело страстное желание поговорить о наболевшем — столько накопилось в его душе пережитого и невысказанного... Одним словом, я нашел в том мрачном подвале интереснейшего в общении, симпатичного мне человека с широко открытой душой и очень скоро почувствовал к нему доверие. Встречное доверие, видимо, вызвал и я у него — он легко, даже весело выказал его мне: когда мы нащупали достаточно точек соприкосновения, он вдруг заявил:

— Мне нравится ваша дотошность и корректность, поэтому я приглашаю вас вступить в «Общество добропорядочных граждан» — я его президент!

Я поинтересовался: что это за общество такое, сколько в нем членов, есть ли устав, надо ли писать заявление и брать какие-то обязательства.

— Нет, — ответил он, — писать заявление не надо, достаточно моего приглашения и вашего устного согласия. Членов в обществе пока двое, вы — третий. Устав у нас устный, и в нем всего один пункт: надо быть добропорядочным гражданином и изо всех сил бороться с недобропорядочными. А поскольку нас, добропорядочных, мало, то мы, чтобы выстоять, просто обязаны объединяться и помогать друг другу.

Надо ли говорить, что я тут же согласился стать членом этого прекрасного общества...

Однако за те три часа, что мы общались, я не только не успел получить ответы на вопросы, которые хотел задать, — вопросов стало еще больше, поэтому мы договорились непременно продолжить общение; при этом я выговорил для себя возможность записывать наше дальнейшее общение на магнитофон, настолько речь его была яркой и образной — с тем, чтобы в дальнейшем, возможно, написать о наших встречах и беседах. И согласие я получил. Правда, не сразу: пришлось уговаривать, ссылаясь на то, что общение должно не только доставить удовольствие, но и, возможно, принести какую-то пользу.

С тех пор мы встречались не однажды, и многое из того, о чем говорили, было и в самом деле записано на магнитофон. При этом все, о чем рассказано дальше, в большей степени принадлежит Сергею Васильевичу; мои здесь только вопросы.

Мною было просмотрено также множество письменных документов, подтверждающих рассказы моего собеседника, и я убеждался, что вполне могу им доверять, хотя и допускаю искажение их собственным восприятием фактов и событий; и все-таки в главном, как мне кажется, он был искренен и честен. Одним словом, я Сергею Васильевичу верю. Очередь — за читателем.

3. Подвал

— Что вы делаете в этом подвале? — был первый вопрос моему визави.

— Я здесь работаю, я хозяин этого предприятия, — был его спокойный ответ.

— А что за предприятие?

— Типография.

— Но почему в подвале?

— Это не просто подвал, а бомбоубежище: над нами — бетонное перекрытие толщиной в метр, не всякая бомба пробьет. Вы спросите — почему бомбоубежище?.. Да чтобы враги не достали! Впрочем, шучу — причин много...

Я спрашивал, он отвечал, но понятней мне от этого не становился — наоборот, вопросы множились.

— Но ведь вы же врач... Почему тогда — типография?

— Типография кормит меня, мою семью и еще три десятка людей и помогает изучать интересующие меня медицинские проблемы.

— Интересно, как типография помогает решать медицинские проблемы?

— Видите ли, чтобы быть на острие проблем, надо хорошо знать обо всех последних мировых достижениях, так ведь? И не только в медицине, но и в биологии, биофизике, биохимии. Я покупаю и выписываю всю эту литературу, не только российскую, но и европейскую, американскую, японскую, австралийскую и так далее... примерно на двадцати мировых языках. Обходится мне эта литература в полмиллиона рублей в год.

— И вы читаете на всех двадцати языках? — недоверчиво усмехнулся я — вот тут-то он мне сейчас и приврет!

— Нет, только на русском, — спокойно ответил он. — С остальных языков заказываю переводы. Это еще полмиллиона. Правда, с переводчиками у нас проблемы, все время надо их искать. Зато другой такой библиотеки в городе нет, в том числе и в медуниверситете. Когда-нибудь я ее вам покажу.

— Ловлю на слове... А эти инструменты на стеллаже — вы что, сами ими работаете? — поинтересовался я.

— Конечно! — как будто даже с гордостью ответил он. — Оборудование старое, собрано с миру по нитке. Держать ремонтников невыгодно: любое копейное дело готовы затянуть на неделю, да еще сдерут втридорога и выполнят кое-как — проверять замучишься. Лучше самому все сделать — быстрее и дешевле...

Между тем, по мере развития диалога, он нравился мне все больше — люблю таких: инициативных, умелых, с золотыми руками, не брезгающих никакой самой грязной работой... И все же вопросов у меня не убавлялось.

- А почему вас интересуют именно проблемы старения и онкологии? — двинулись мы дальше.
- Это длинная история.
- Расскажите?
- Пожалуйста...

4. Истоки

— Может показаться странным, но я с детства интересовался проблемой старения, — начал он свой рассказ. — Именно тогда я стал задумываться над этой загадкой: живет-живет человек — и вдруг умирает. Все! Почему — все? И я, что ли, умру?.. Эта мысль однажды страшно меня поразила... Однако первым, кто навел меня на нее, был мой дед Борис Иванович, малограмотный донской казак и, между прочим, долгожитель; он не раз вдавливал в меня: «Вот вырастешь, Серёга, обязательно узнай, почему люди мрут, почему живут». С тех самых пор этот вопрос засел во мне, как гвоздь. Но пока я подобрался к нему всерьез — воды утекло много...

Родился я в 1952 году на берегу Дона, в станице Нижне-Гниловская, которая к тому времени уже стала пригородом Ростова-на-Дону. Район неблагополучный: кругом хулиганы, бандиты со сроками — и возле них крутимся мы, пацаны. Наши родители вкалывали по двенадцать часов в сутки, и эти бандиты брали наше воспитание в свои руки: драться учили, бить так, чтобы следов не осталось, копеечку на стекле крутить — координацию рук нам развивали, а сами присматривались — кого в «медвежатники», кого в «форточники», кого в карманники, — словом, готовили себе достойную смену.

Помню — лето, берег Дона, на песке опрокинутые лодки с замочками на цепях; и сидит на одной такой лодке авторитет по имени Кучум, весь в синих наколках, курит бычок, а мы расселись вокруг и глядим ему в рот: с нами говорит сам Кучум! В руке у него гнутый гвоздь, и он предлагает нам по очереди открыть им ближний замочек: кто первым откроет — тому в награду даст затынуться бычком. У меня получалось первым — так меня просто распирало от гордости, когда я на зависть пацанам затыгивался!

Прихожу однажды домой — отец унюхал запах, спрашивает, где это я так накурился... и я ему честно все рассказал. Он для порядка выдрал меня ремнем (надо сказать, воспитательная мера подействовала кардинально — с тех пор я ни разу не закурил); потом он пошел на берег, нашел Кучума среди оравы пацанов и спрашивает: «Это ты, что ли, учишь их чему не надо?» Тот встает и идет этак вразвалочку навстречу ему, а отец — хрясть его в пятак! Тот, естественно, с копылков долой. Тогда отец поворачивается к пацанам: «Чего вы перед ним уши развесили? Он даже удар не держит, слабак — всю жизнь в тюрьмах провел! Вам что, тоже это надо? А ну марш домой!..» И авторитет Кучума в наших глазах был навсегда подорван.

С тех пор отец сам решил взяться за мое воспитание. Между прочим, все, что я умею делать руками, вложил в меня он. И отношение к жизни — не пить, не курить, не лениться, не брать чужого — тоже вложил в меня он.

Работал отец станочником на заводе, и у меня летом была обязанность — принести ему на обед трехлитровую банку супа. Он съедал ее, а чтобы я дома не лодырничал — стал приучать меня после обеда работать рядом с ним. Сначала я просто уборку делал, потом, по договоренности с мастером, он показал, как работать на токарном станке, и я начал точить простые вещи — болты, гайки... Даже сверла научился затачивать — а это о-го-го какая работа!.. И потом вся мужская часть нашего класса пошла по тюрьмам, а я тюрьмы миновал!

Второй мой главный учитель — отставной генерал Каштанов Виктор Владимирович, интеллигентнейший человек. Выйдя в отставку, он купил дом рядом с нами, стал разводить виноград и готовить свое вино. У них с отцом на этой почве завязалась дружба: у кого больше, у кого лучше, у кого вкуснее... Так этот генерал пристрастил меня к чтению — подсовывал нужные книги, правильно ориентировал и при этом, помню, повторял: «Отращивай, Серёжа, интеллект, надо быть умным, ярким, неординарным...»

Когда я окончил школу, сомнений, где учиться дальше, не было — только в мединституте! А отец — в бешенстве: «Тебе что, всю жизнь потных баб щупать охота?» — он же правильный рабочий был, для него настоящая работа для грамотного мужика — только инженером! И у нас с ним началась пыль до потолка. Но нас опять же развел по-умному генерал Каштанов.

— Чего вы, мужики, спорите? — говорит. — В июле экзамены в строительный институт, а в августе — в медицинский. Пусть Сергей снимет копию с аттестата и подаст документы туда и туда — уж в один-то из них худо-бедно попадет.

Я так и сделал — и умудрился поступить в оба. В инженерно-строительном был недобор, меня приняли, можно сказать, автоматом на факультет отопления и вентиляции, причем поступал я на заочное отделение. А в августе поступил в Ростовский мединститут, на санитарно-гигиенический, только уже на дневное: мне показалось, что именно на этот факультет поступить легче всего — конкурсы в мединститут были сумасшедшие, и я боялся, что не пройду, — я ж не знал, что это самый бластной факультет, туда шли только детки директоров заводов и секретарей райкомов! — но я старался и конкурс выдержал.

За моей учебой в строительном институте отец следил: вовремя ли я отправляю курсовые работы, сдал ли зачеты; а про медицинский и не спрашивал.

В 1975 году я благополучно окончил оба института, причем одновременно: в мединституте учиться шесть лет, на заочном отделении строительного — тоже шесть. Получил я оба диплома; диплом инженера вручаю отцу и говорю: «Ты хотел, чтобы я стал инженером? Вот тебе мой

диплом инженера — повесь на стенку и любуйся им, а я поехал в Сибирь, подальше от тебя!»

Почему в Сибирь?.. Помните, как раз в то самое время изо всех репродукторов неслось: «Это песня звучит — БАМ! Это время зовет — БАМ!..» — что-то в этом роде... И везде, в газетах, в теляшке, на радио, без конца: БАМ, БАМ, БАМ! Вот и я решил поехать на БАМ, шагнуть в неизвестность, как писали тогда журналисты, и подышать ветром странствий.

При распределении добился я направления на БАМ, сел в самолет и полетел в Сибирь. А из Ростова-на-Дону в Сибирь самолеты летали только до Новосибирска. В Новосибирске я пересел на другой и с упрямством фаната полетел дальше, на восток, в Красноярск: в географии я разбирался слабовато и думал, что БАМ начинается именно там. Потом только выяснил, что отсюда до БАМа еще, оказывается, две тыщи верст!

Приземляюсь в четыре часа утра в Красноярске, еще в старом аэропорту. Лето, тепло, встает солнце. Внутри аэровокзала — фонтанчик. Попил из него. Вода ледяная — зубы ломит! — и вкусная. Только тут я понял: я же в Сибири! В Ростове летом водопроводная вода — теплая, пенистая; пить ее невозможно.

Троллейбусы еще не ходят. Пошел пешком — посмотреть на город... Вышел на проспект Мира. Светло, солнце взошло, и — пусто, будто город вымер. Смотрю, идет по центру пустого проспекта пьяный мужик с бутылками в сумке и орет во все горло: «Мне тридцать три года! Мне тридцать три года!» Из окна сверху высовывается другой мужик — и матом на него; тот, которому тридцать три, отвечает тоже матом. Это было второе мое открытие Сибири: тут, оказывается, все ругаются матом.

Узнал адрес крайздрави и ровно в девять являюсь к начальнику по фамилии Степанов. Глянул он в мой диплом и говорит удивленно:

— Ничего себе! Выпускник Ростовского мединститута? Да это же институт высшей категории! И как тебя сюда занесло?.. Но вот ты-то нам и нужен: промпредприятий у нас полно, профзаболеваемость дикая, а с санитарными врачами напряженка. Сейчас выпишу тебе направление в городскую санитарно-эпидемиологическую станцию...

— Нет, — говорю, — я на БАМ приехал. Пошлите меня на БАМ.

— Хорошо, — говорит Степанов, — я пошлю тебя в райцентр Тяхтет — там ты будешь один врач за всех: и роды принимать, и полостные операции делать...

— А там БАМ есть? — спрашиваю.

— О, там даже хуже БАМа! — отвечает.

— Как туда ехать?

— Шесть часов на поезде, потом часов девять на тракторе.

— Почему на тракторе? На автобусе, хотите сказать?

— Нет, я не оговорился — на тракторе, потому что никакой автобус туда не пройдет!.. Так что не дури — вот тебе направление в городскую СЭС. Найдешь там главного санитарного врача города Таисию Матвеевну Тароцину...

Что делать? Беру направление, иду искать.

А Степанов уже успел с Тароциной созвониться, и у них моментально созрел план под меня: собрать специалистов из всех городских районных СЭС и создать централизованное отделение гигиены труда, а меня назначить руководителем — чтобы мы курировали всю профзаболеваемость в городе.

И вот в двадцать три года я становлюсь руководителем большого промышленного отдела городской СЭС; в подчинении у меня, вместе с младшим медперсоналом, лаборантами и водителями мобильных лабораторий, тридцать человек, в том числе одиннадцать врачей-специалистов! То были выпускники сибирских вузов: из Омска, из Томска...

— А что, эти — хуже?

— Конечно же!.. Одним словом, отдел получился работоспособный и с большими возможностями. Сам я — молодой, холостой, энергию девать некуда — за работу взялся с жаром; так что если до создания отдела директорам предприятий выписывалось по четыре штрафа в год, то мы за первый же год выписали их триста восемьдесят! А если предписания не выполнялись, мы тотчас докладную в горком партии, а горкому только дай повод лишний раз вызвать директора на ковер и вздрючить. Директора возроптали, потянулись к Тароциной жаловаться на меня — и откуда у вас взялся такой ретивый? — а она мне: «Правильно, сынок, так их!..»

Были и смешные случаи. Завод медпрепаратов поставлял на экспорт пенициллин, и из-за рубежа пошли жалобы: поступает грязный препарат, заказчики отказываются от контрактов. А это же валюта! Скандал!.. Поехал я на завод с группой сотрудников, вместе с аппаратурой — разбираться.

Проверку вели несколько дней, облазили всю конвейерную цепочку от начала до конца. Нашли наконец источник загрязнения; надо активировать находку, докладывать исполнение... Свою группу с завода я уже отпустил, а сам задержался с формальностями часов до восьми вечера. Чтобы уехать, дают мне заводской «москвич», и водитель дорогой спрашивает: «Куда вас везти?» Я, естественно, отвечаю: «На работу». — Дело в том, что мы в отделе работали на полторы ставки. Потому что если на одну — нечего будет есть, а если на две — уже некогда будет есть, так что полторы было в самый раз.

«А с грузом что делать?» — спрашивает. «С каким грузом?» — не понял я. И тут выясняется: в багажнике стоят четыре двадцатилитровых канистры с медицинским спиртом, и спирт этот предназначен лично мне. «Как — что делать? Везти на работу», — мгновенно отвечаю.

Приезжаю, докладываю Таисии Матвеевне: так и так, мол, наградили четырьмя канистрами спирта, не знаю, что с ним делать. «Как что?» — отвечает она. — Заактивировать и оприходовать!»

Ладно, решено. Пока обсудили с ней другие вопросы, прошел еще примерно час. Возвращаюсь в лабораторию и слышу издали — несется оттуда: «Из-за острова на стрежень!..» Ничего себе, думаю, это что еще за песни в рабочее время... Вхожу чернее тучи, а там — сдвинутые столы,

разбавленный спирт стоит, винегреты, и все уже вполпьяна. Меня встречают бурно: «О, герой дня пришел! Наливай ему полную!..» Я, конечно, отказался — я ж не пью, — а в голове: «Мама родная! Его ж активировать надо, а они его дуют!..»

Именно там, на той работе, меня заинтересовал вопрос искусственной ионизации воздуха для снижения профзаболеваемости. Попробовал разработать и внедрить искусственную ионизацию воздуха для снижения содержания пыли на ткацком и на швейном производствах: там работали почти сплошь женщины и из-за тесного контакта с пыльными тканями часто болели. Зарегистрировал разработку как изобретение, авторское свидетельство на него получил.

По этой теме у меня уже накопилось много материала, и я подумал, чего он будет пропадать — решил писать диссертацию. Но диссертация — дело серьезное; пришлось перейти работать в мединститут. Читал лекции по санитарии и гигиене, а поскольку на зарплату ассистента недолго и ноги протянуть, подрабатывал репетиторством, и оно очень даже недурно меня подкармливало...

5. Итоги занятий

— Простите, Сергей Васильевич, — перебил я воспоминания о молодости, явно для него приятные. — Все это, я согласен, интересно, но меня все-таки больше интересует — как создавалась ваша книга «Жить можно сотни лет!»?»

— Так я к этому и веду! — с жаром воскликнул Сергей Васильевич. — Помните, я вам говорил, что, во-первых, мой дед Борис Иванович, дай бог ему здоровья, вдавливал в меня: узнай, почему люди живут и почему умирают. Во-вторых, я сам кроме медицины интересовался всегда пограничными с ней науками: физикой, химией, биологией. В-третьих, сама атмосфера в институте заставляла интересоваться многими вопросами. Так я набрел еще на одну интересную тему: разрушение живых клеток электротоками определенных параметров. Это не было темой моей диссертации, но оказалось интересным.

Дело в том, что каждый вид клеток в организме имеет свою частоту колебаний, и если воздействовать на клетку переменным током, то можно подобрать такую частоту, чтобы она совпала с частотой колебаний клетки — и клетка разрушается. Я провел много экспериментов в этом направлении и сам видел, как в переменном электрическом поле усиливается амплитуда колебаний клетки и при совпадении частот клетку просто разрывает на глазах! И у разных клеток в организме — разная частота колебаний. Зависит она от размеров клетки, от других параметров, так что всегда можно точно подобрать параметры поля, в котором любую клетку можно разрушить.

Выяснив это, я пошел дальше, предположив, что если таким способом получается разрушить здоровую клетку, то можно разрушить и раковую. Начал эксперименты в этом направлении. Разработал оборудование, которое может точно регулировать частоту поля, купил на базаре кроли-

ков, поселил их на даче в клетках и начал экспериментировать: втирать им в уши канцерогены и получать раковые опухоли. Надо сказать, что кроличье ухо — это идеальный орган для онкологических экспериментов: все видно невооруженным глазом.

Получив опухоли, я затем подбирал такие электромагнитные поля, которые разрушали их, оставляя целыми здоровые ткани. И главное при этом — кролики выживали! Я изучал закономерности, составлял таблицы, графики... То была пусть маленькая, но победа! С опухолями, оказывается, можно бороться без хирургии, без радиооблучения и химиотерапии, наносящих страшный вред здоровым тканям, без огромных затрат труда, без больших больничных площадей, без дорогого импортного оборудования!.. Я летаю на крыльях, я рад, что могу осчастливить человечество — освободить его от одной из самых страшных болезней, и готов немедленно сообщить об этом всему врачебному сообществу!..

В это время в мединституте проходила большая и представительная научно-практическая конференция по онкологии. Я попросился сделать сообщение и с большим трудом — я же всего лишь аспирант, да еще и не специалист по онкологии, а там такие светила! — пробился и выступил.

Недели две спустя иду по коридору, а навстречу мне — Борис Степанович Граков, ректор института. Останавливает меня:

— Это ты, что ли, Погожев?

— Да, — отвечаю, — я.

— Зайди-ка ко мне!

Захожу к нему в кабинет.

— Слушай, — говорит он, — что ты там, на конференции онкологов, такое напел, что все наши профессора всполошились и требуют, чтобы я тебя уволил?

Чтобы объяснить, я принес листы ватмана, на которых был изображен весь, от начала до конца, цикл моих экспериментов. Он просмотрел их и спрашивает:

— И что, результат получился?

— Да-а! — гордо отвечаю я.

— Стоп! А где ты кроликов украл? — У него сразу подозрение, что я их в институтском виварии краду.

— Я их не крал, — отвечаю. — Я купил их на базаре.

— А деньги где взял? — Он, конечно же, знает, что для полного цикла экспериментов десятком кроликов не обойдешься.

— Заработал, — говорю, — репетиторством.

— И много зарабатываешь?

— Да не меньше, чем у вас, получается.

— Ладно, — говорит, — иди, но имей в виду: ты крепко влип! Ты даже не представляешь себе, сколько у тебя стало врагов!..

Я вышел от него и чешу репу: на кой мне эти враги-онкологи, мне же еще защититься надо... и решил пока что завязать с онкологией.

Через две недели ректор вызывает меня снова:

— Ты что, продолжаешь эксперименты?

— Нет, — говорю, — завязал.

— А почему они на тебя зуб точат — заставляют, чтобы я тебя уволил?

— Откуда я знаю, — отвечаю.

— Знаешь что... — говорит он тогда. — Пиши заявление об увольнении по собственному желанию, они меня все равно достанут.

— Но мне же скоро на защиту выходить! — взмолился я. — Мне нужна характеристика, нужна предзащита!

— Я тебе и характеристику дам, и бумагу, что ты предзащиту прошел.

— Но если я напишу заявление, — продолжаю я упираться, — получается, я в чем-то виноват...

— Да ни в чем ты не виноват, но мне же надо успокоить профессоров!..

Вижу, что спорить с ректором — себе дороже, пишу заявление по собственному желанию и иду искать новую работу. Работы для врача в городе полно, а уж с моей специализацией — и подавно, но не тут-то было: как только я называю свою фамилию, все до одного медучреждения разводят руками: «Работы нет». Глухо! Звонок по медицинской мафии уже прошел.

Только тогда до меня, простофили, жаждущего помогать людям, дошло, как жестоко карают наши профессора за то, что вторгаюсь в их святая святых, где они священнодействуют! И кормятся заодно, не пуская к кормушке чужаков.

Но надо было чем-то кормиться самому. Пошел работать в далекий от медицины институт КАТЭКНИИУголь — только потому, что это была самая близкая от дома организация. Меня, отнюдь не горняка, директор института принял в одну из лабораторий лишь затем, чтобы я спиртом в институте заведовал, когда узнал, что я медик, медик непьющий, в то время как в институте угольщиков постоянно происходил перерасход спирта.

Уже работая в том институте, я сдал аспирантские экзамены и там же, на ученом совете, прошел предзащиту — и тема диссертации «Очистка воздуха путем ионизации» как-то соприкасалась с основной деятельностью института. А потом и защитился, уже в Московском институте гигиены труда и промсанитарии, причем защита прошла успешно — ведь на тему диссертации у меня уже было полно публикаций, рацпредложений, внедренных на двух красноярских предприятиях, в результате чего там резко снизилась заболеваемость, и еще было на руках зарегистрированное изобретение под названием «Устройство для стерилизации воздуха в операционных блоках».

Мне казалось, что, когда меня так невежливо выперли из института, с моими онкологическими идеями было покончено навсегда. Но не тут-то было!..

Вскоре после того, как я защитился, жизнь завертела меня: в это самое время уже пышным цветом цвела перестройка, и я от такой жизни

подался в предприниматели. А когда потом оказался под следствием и со дня на день ждал ареста, меня нашли три импозантных израильтянина с кейсами в руках и предложили продать им мои наработки по разрушению раковых клеток в резонансном поле и по стерилизации воздуха операционных блоков. Удивительно, но обо всех моих делах они были прекрасно информированы!.. Один из израильтян прекрасно говорил по-русски и был, что называется, в теме; второй говорил по-русски неважно, зато переводил на иврите третьему; а уж третий был настоящий, классический израильтянин: черное пальто, черная шляпа, черная борода по пояс — и ни бельмеса по-русски.

Они уже были осведомлены о том, что я под следствием, что мне в скором времени светит париться на нарах — и они приперли меня к стенке, предложили продать им мои изобретения на следующих условиях: во-первых, я должен дать им подробное описание и методики математических расчетов моих наработок; во-вторых, я должен отказаться от права собственности на свои наработки в их пользу, тогда деньги за мои изобретения во франках они положат на мое имя в одном из голландских банков. Я согласился. А что еще оставалось — я и в самом деле не был уверен, что останусь в живых. В лучшем случае законопатят лет на пятнадцать в тюрьму, потому что статья, которую мне шили, тянула никак не меньше чем на измену. Так пусть, думал я, мои изобретения дойдут до людей и служат им, хотя бы и таким образом...

Я передал все бумаги, и они мне сообщили шифр моего счета в Голландии. С тех пор прошло больше двадцати лет, а я так и не знаю, лежат ли там деньги на мое имя и сколько их — никак не могу добраться туда и проверить.

— Подождите, а почему вы были под следствием? — не преминул я спросить.

— О, это длинная история! Рассказывать — дня не хватит, — ответил он.

— Давайте вашу историю. Буду слушать и два, и три дня.

6. Смена деятельности

— Началась эта история так, — продолжил свой рассказ Сергей Васильевич. — Я, как уже сказал, защитился, стал кандидатом медицинских наук, а медицинская мафия по-прежнему и на выстрел не подпускала меня к науке. И тут подоспела перестройка. Помните то время? Эйфория, митинги; индивидуальную деятельность разрешили! И я поверил в нее. Потому, наверное, что было мне тогда всего тридцать три года, во мне еще всю кипела молодость и жажда деятельности. «Эх, — думаю, — где наша не пропадала — займусь-ка и я перестройкой!»

У меня был товарищ, прекрасный человек, Саша Грачев, кандидат физико-математических наук, мой напарник по байдарке и каное и, как и я, мастер спорта по гребле, кроме того, еще и мастер спорта по велосипе-

ду. У него, как и у меня, куча нереализованных изобретений. И решили мы с ним открыть товарищество под названием «Электробыттехника». Замысел был такой: продавать изобретения — свои и своих товарищей. Открыли, зарегистрировали, продали несколько изобретений — а дальше что?..

Решили наладить какое-нибудь производство. Но с чего начать?.. Помог случай: нам сообщили, что в подвале одного из райкомов комсомола лежит какой-то станок; просят забрать — бесплатно, чтобы только освободить место.

Приехали мы, глянули: лежит железяка, тяжелая-претяжелая, в тонну весом. Оказалось, что это станок для нанесения позолоты. Мы еще не знали, что будем с ним делать, но на всякий случай решили взять. Своими руками выволокли его оттуда — чувство собственности творит чудеса!.. Куда его теперь девать? Помещений в аренду частникам никто не сдает, хотя пустых площадей полно: на дворе был еще вполне советский 1986 год, — мы пока нищие, а к нам, частникам, уже всеобщая пролетарская ненависть.

Вышел я на тогдашнего управляющего городским коммунальным хозяйством, он мне говорит: «Могу сдать в аренду помещение площадью в сто квадратных метров, бывшую похоронную мастерскую. Только там надо навести порядок». Я тут же соглашаюсь, мчусь туда, окрыленный. Моим глазам предстает панельная пристройка к пятиэтажному дому: все витрины выбиты, двери украдены, внутри гуляет ветер, стоят диваны с помойки — там устроились бомжи, спят, там же жгут костры и там же гадят. Одним словом, перестройка в действии.

Бомжей мы выперли, дерьмо за ними вычистили, помещение застеклили и притащили туда свой станок. Затем объехали все городские помойки и собрали все, что могло пригодиться: с помойки ЦБК, например, привезли кучу обрезков бумаги, картона, фольги, с помойки издательства «Офсет» — какие-то флажки, столярный клей... И начали своими руками клеить пропуска, удостоверения, зачетные книжки. Наши жены и тещи обычными ножницами резали картон, склеивали, затем горячими утюгами теснили оттиски. А когда нарезали вручную сотню килограммов картона, склеили все это, сделали с помощью ручных утюгов оттиски — ладони от мозолей у всех больше походили на подошвы, а руки от утюгов были в незаживающих ожогах. Так нам давались наши первые рубли.

Затем мы с Сашей нашли пресс, купили печатный станок. Все — шрифты, краску для печати, клей — доставать было невероятно трудно, но мы доставали, причем самой надежной валютой была водка. Так складывался дикий рынок.

Шаг за шагом мы создали наше полиграфическое предприятие; через какое-то время на наших ста квадратах уже плотно стояли станки. Сырье и готовую продукцию сначала возили на велосипедах, потом купили «жигули». Постепенно приобретали авторитет у заказчиков, и объемы работ стали расти. Что касается заказов, их было выше крыши: делали все, что другие делать отказывались, причем делали быстро и качественно. К при-

меру, заводу «Красмаш» потребовалось однажды двадцать тысяч новых пропусков; никто такого заказа брать не хотел, а мы взялись и сделали.

Мы просто набрасывались на работу, как голодные на еду. Стали расширяться. Появилась сеть надомников; их численность выросла до шестисот человек! Чтобы развезти сырье и забирать у них готовый полуфабрикат, купили грузовики КамАЗ, ГАЗ-52, два ГАЗ-53.

Стали довольно крупным предприятием. Появилась большая прибыль... Мы чувствовали совершенно неведомое нам ощущение полета, свободы действий! Не жалели времени на работу — упивались ею. Хотелось расширять свое производство до бесконечности.

Налоги мы платили честно, на этот счет я был принципиален: никакого жульничества, все открыто, прозрачно. Всем работающим зарплата выплачивалась день в день, в то время как кругом месяцами, годами зарплату не платили. Причем каждый лишний рублик прибыли мы вкладывали в развитие: закупали станки, грузовые машины, запасы сырья. А что еще делать с прибылью? Куда ее девать? Может показаться странным, но в Красноярске тратить ее было негде! Тупо просаживать в ресторанах? Но это же занятия для бездельников, занятий тупее я просто не знаю. Купить два «мерседеса»?.. А зачем мне два?... Купить жене десять шуб? Так зачем ей десять?... Купить яхту на Средиземном море, коттедж на Кипре?... Зачем? Если ты все это купишь, то станешь заложником своих покупок — это же страшная обуза для тех, кто сам, своим умом и трудом создал предприятие и из года в год, с утра до вечера занят только тем, чтобы его детище работало и приносило прибыль!.. Вот такая пикантная ситуация: ты раскрутил дело — и уже не в силах его остановить: на тебя надеются заказчики, поставщики, твои работники — теперь ты каторжник, прикованный к тачке! В отпуск некогда сходить: ты точно знаешь, что, если уедешь на месяц, без тебя тут все рассыплется в прах...

А насчет прибыли — мы с напарником позволили себе лишь раз шикануть: купили по хорошей машине. Но ведь машина для предпринимателя — не предмет роскоши или престижа, а вид транспорта, который экономит дефицитное время, то есть, опять же, служит средством производства.

Как добропорядочные и цивилизованные граждане, мы с ним решили тратить прибыль на благотворительность: купили пассажирский теплоход «Латвия» — почему-то он оказался не нужен нашему родному Енисейскому пароходству — и начали на нем катать по Енисею детей, в том числе и детдомовских — такой вот был каприз нашей благотворительности. Купили вместе с обслугой, с рестораном... Очень уж трогательно было смотреть, с каким восторгом ребяшня плывет на огромном теплоходе, как робко оглядывается вокруг, когда входит в ресторан, садится за столы с белыми скатертями, с красивыми столовыми приборами...

Но, оказывается, за нашей деятельностью внимательно следили, и для тех, кто следил, покупка теплохода была последней каплей в их святом возмущении нашей «буржуазной» деятельностью.

7. Следствие вели знатоки

— Итак, — продолжил свой рассказ Сергей Васильевич, — 13 мая 1989 года мне звонят из городской прокуратуры и говорят: против вашего предприятия возбуждено уголовное дело, и вы привлекаетесь по этому делу в качестве свидетеля.

Заметьте, они с первого же шага нарушили Уголовно-процессуальный кодекс — согласно ему, уголовное дело может быть возбуждено только против личности, а не против предприятия. Это был такой изощренный пируэт советской юриспруденции: вести следствие против человека и в то же время привлекать его как свидетеля. Почему? Да потому что свидетелю адвокат не положен, поэтому защитить его некому. А я был юридически безграмотным, таких процессуальных тонкостей не понимал и попался на эту уловку.

Уже потом, через некоторое время, я установил, как стряпалось наше «дело»: краевой комитет госбезопасности обратился к прокурору города Нелли Николаевне Жуковой примерно со следующим текстом — по розыскным данным, в городе свила гнездо промышленная группа «теневиков». Возглавляет группу матерый преступник Погожев; вот установленный оперативной службой один из эпизодов его масштабной преступной деятельности: на днях группа купила пароход...

Нелли Николаевна, как только ей пришел сигнал о том, что у нее под носом свила гнездо преступная группа, мгновенно, по одной лишь наводке КГБ, возбудила уголовное дело, и дело обещало быть не менее резонансным, чем знаменитое в то время миллиардное «узбекское дело», раскрученное на весь СССР. В каждом регионе, как по мановению волшебника, было тогда заведено свое крупное дело. В те годы против крупных расхитителей еще действовала расстрельная статья, и под меня стали копать именно как под крупного расхитителя. Зато самим организаторам дело это, если раскрутить его по всем правилам жанра, сулило хорошие дивиденды в виде славы, наград, премий, очередных должностей и званий...

Красноярский КГБ предоставил для раскрутки дела двух следователей, городская прокуратура выделила следователя по особо важным делам, он возглавил оперативную группу; и начали они меня прессовать.

Первым делом пришли в мою полутораконатную квартиру делать обыск. Пришли и удивились: такие объемы работ, такие обороты средств в фирме — а я нищий!.. Описали домашнее имущество: мебельные деревянные, библиотеку... До смешного доходило: написали, например, в акте: «Найден кусочек картона... на котором написаны непонятные значки». Искали что-то особенное — а найти ничего не могут: обычная малогабаритная квартира советского интеллигента.

Вторым делом они остановили наше производство, а все оборудование и сырье вывезли на «ответственное хранение» — якобы для того, чтобы в рамках уголовного дела оплачивать судебные иски.

В-третьих, вызвали меня на допрос...

И началось: вызов за вызовом, допрос за допросом, арест за арестом...

Прошло три с половиной месяца предварительного следствия, а обвинение не вытанцовывается: я у государства ни копейки не брал, незарегистрированной деятельностью не занимался, взятки не давал, аренду, зарплату и налоги платил честно. Следствие продлевают еще на два месяца, чтобы хоть чего-нибудь на меня накопать. И эти два месяца прошли, а предъявлять снова нечего! Продлили еще, уже в краевой прокуратуре. Опять ничего. Продлили еще раз, в российской прокуратуре. И снова ничего! Затем продлили в прокуратуре СССР...

Прошло полтора года; я перенес тридцать семь допросов, семь арестов, и все — в роли свидетеля! Им надо было найти хоть какую-то зацепку, накопать хоть что-нибудь, чтобы меня засадить. Казалось бы, зачем им это? Да затем, во-первых, что страшнее страшного им было признаться, что полтора года они занимались только тем, что издевались над невинным. Во-вторых, предприятие мое они разорили дотла, а ведь могли за это понести ответственность. В-третьих, все оборудование, весь транспорт, все сырье, что забрали на хранение, они успели за это время присвоить или распродать и пропить. Поэтому им надо было во что бы то ни стало состряпать против меня обвинение.

Думаете, я не искал адвокатов, чтобы помогли мне? Еще как искал! Но как только узнавали, что имею дело с КГБ — наотрез отказывались: боже упаси с ними связываться!.. И все-таки я нашел человека, который взялся меня консультировать — правда, неофициально. Но он давал мне очень ценные подсказки, как защищаться. Это был некий Рувим Мейерович.

«Дело в том, — учил он меня, — что КГБ умеет нападать, но не умеет защищаться. Они привыкли к тому, что перед ними все дрожат и поднимают лапки, а их надо бить их же законами!.. Запомни, — говорил он мне, — у тебя как у свидетеля есть свои права, поэтому надо, как таблицу умножения, вы зубрить наизусть УК и УПК. Когда они пишут протоколы твоего допроса — в них полно нарушений; и по каждому нарушению ты должен сделать на имя прокурора отдельное письменное заявление. Не обо всех нарушениях скопом, а по каждому нарушению отдельно! И каждое твое заявление подшивается в дело под каждым протоколом допроса...»

Это была очень ценная подсказка.

Нарушений было много. Например, допрашивают меня втроем, пишут протокол допроса и лихо подписываются: следователь КГБ по Красноярскому краю капитан такой-то, следователь прокуратуры по особо важным делам такой-то и следователь такой-то, — и дают подписать мне. Я протокол не подписываю, а пишу к этому протоколу заявление на имя прокурора: «При данном допросе были грубо нарушены мои конституционные права свидетеля: допрос, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, должен вести один человек, а не трое, иначе я как свидетель чувствую психологическое давление. Поэтому прошу считать протокол допроса недействительным».

Следующий допрос ведет уже один. Старательно записывает мой рассказ в протокол, затем подписывается и дает подписать мне. Я опять не подписываю, а пишу заявление прокурору: «Протокол составлен неправильно, так как написан в виде моего рассказа, а это грубейшее нарушение, так как в протоколе должен быть записан отдельно каждый вопрос и каждый ответ».

При следующем допросе следователь, уже злой как черт, записал все вопросы и ответы отдельно и дает мне подписать протокол не без злорадства: дескать, теперь-то ты у меня никуда не денешься, подпишешь! А я опять не подписываю и пишу заявление прокурору: «Грубо нарушены мои права свидетеля, так как меня пригласили на допрос устно, без повестки. Я думал, что пригласили на устную беседу, потому пришел пьяным и не помню, о чем говорил. Поэтому прошу считать данный протокол допроса недействительным».

Теперь прислали повестку, заставили расписаться в ней. Иду к следователю на допрос и думаю: все равно ведь ты проколешься, не на том, так на другом, потому что ты не знаешь УПК, а я его знаю назубок!.. И опять — составил он протокол допроса, дает мне подписать, а я пишу новое заявление прокурору: «Прошу считать данный протокол недействительным, потому что следователь задавал мне наводящие вопросы, а это процессуальным кодексом строго запрещено». Дело в том, что в том протоколе наводящие вопросы были записаны прямым текстом.

Затем я пишу на имя следователя такое заявление: «По моим сведениям, все мое оборудование, машины и материалы, которые вывезены вами на ответственное хранение, проданы кооператорам за наличный расчет еще до суда, поэтому вы являетесь ворами и нарушителями закона», — и следователь печатает мне на машинке примерно следующий официальный ответ: «Все, что вы пишете в своем заявлении, — вранье, никто ничего не крал и не продавал; все изъятое у вас имущество лежит в полной сохранности...» — и так далее, целая страница текста. Я-то знаю, что моего имущества у них уже нет, что он мне нагло врет — но дело в другом: я забираю этот ответ, подписанный им, домой и начинаю красным карандашом исправлять в нем грамматические ошибки. Лист становится сплошь красным. Я снимаю с него копию и несу в прокуратуру с моим заявлением: «Уважаемый товарищ прокурор, информирую вас, что следователь по особо важным делам, допрашивающий меня, имеет подложные документы о юридическом образовании. Скорей всего, никакого образования он не имеет: из приложенной мною копии его письма видно, сколько грамматических ошибок на одной странице он допустил. Это значит, что сочинение на приемных экзаменах в юридический вуз он не писал, стало быть, не обучался там и имеет фальшивый диплом, потому следователем по особо важным делам быть не может...»

Много еще проколов было у моего следователя, и к каждому протоколу — мой протест. В общем, одних только моих протестных заявлений

на имя прокурора накопилось больше ста тридцати. А были еще и ответы на них, и сами бесчисленные протоколы допросов. Так что, когда следователи попытались передать все восемь томов дела в суд, судья ознакомился с ними и сказал: «Вы что, охренели? Здесь больше половины материалов в его, а не в вашу пользу!» — и отказался брать.

Между прочим, прокурор города Нелли Жукова, к моему великому удивлению, тоже оказалась честным человеком. Она пригласила меня в прокуратуру, остановила прямо в коридоре и в присутствии многих посетителей (как я понял, это было сделано специально — чтобы все слышали) громко, отчетливо сказала: «Уважаемый Сергей Васильевич! Должна довести до вашего сведения, чтобы вы были в курсе дела — я проверила вашу деятельность и убедилась, что вы честный человек, законов не нарушали, поэтому я приняла решение закрыть ваше уголовное дело. Однако краевая прокуратура забрала его у нас, теперь обвинять вас будут они. Но я к этому грязному делу уже не причастна, имейте это в виду! Понятно?» — причем произнесла последнее слово с нажимом, предупреждая меня об опасности.

Я тогда скромно кивнул головой — понятно, — но оценил мужество поступка, идущего вразрез с желанием ее начальства во что бы то ни стало со мной разделаться. Потом, уже через несколько лет, когда у меня появилась возможность, я сумел отблагодарить ее за это...

8. Продолжение «дела»

— И что? На этом ваши следственные мытарства закончились? — спросил я.

— О, если бы закончились! — эмоционально воскликнул Сергей Васильевич. — Они начались с новой силой! Дело в том, что, когда Жукова объявила о закрытии дела, я стал требовать возврата моего имущества: собрал в одну папку документы, заявление, пришел в суд к дежурному судье и объяснил суть дела. Судья послушал меня и спрашивает: «Кто ответчик?» — «КГБ». Тогда он мне прямым текстом: «Пшел вон отсюда!»

А краевая прокуратура, чтобы меня запугать, возбудила против меня новое дело. В рамках этого дела меня еще пару раз арестовывали.

На этот раз, видя свое бессилие ущучить по экономической линии, следователи решили ловить меня на нарушении законов. Первое обвинение, которое они выдвинули, — «использование государственной символики в целях личного обогащения». Когда я оформлял документы на открытие предприятия — пошел в милицию за разрешением на приобретение печати. Майор спрашивает меня: «Тебе какую, за три или за пять рублей?» — «А чем они отличаются?» — спрашиваю. «За пять — с гербом СССР, за три — без», — отвечает. «Давай, — говорю, — за пять. С гербом как-то солиднее». Печать изготовили, я пользовался ею несколько лет — и ничего, а тут они меня достали: столько протоколов было исписано! Хорошо, что документы с разрешением на печать я сохранил.

Показываю. А разрешение давало их же ведомство; поняли, что сами на себя обвинение клепают. Кое-как отбоярился.

Они следующее обвинение стряпают: пронюхали, что у меня валютный счет в Голландии. Следователь показывает мне подписанный президентом закон о том, что граждане СССР не имеют права на валютные счета за границей, и давит на меня, чтобы я написал письмо в голландский банк и потребовал перечислить деньги сюда, во Внешэкономбанк, на мое же имя, все остальное, мол, они сделают сами. Нет, думаю, не дождетесь вы от меня такого подарка, потому что если деньги там есть, то я смогу их когда-нибудь увидеть, а уж если попадут сюда, то точно никогда не увижу, потому что 90 % валюты забирают в виде налогов. Вместо письма пишу заявление следователю: этот счет я не открывал и денег никаких не видел, поэтому смысла писать письмо по поводу их не вижу.

А сам все думаю: как же мне вернуть мое арестованное имущество, ведь меня, в нарушение всяческих законов, мурыжили уже почти два года; ограбили меня, разорили дотла, я нищий, безработный и не могу ничем заниматься, потому что связан по рукам и ногам, а у меня ведь семья, дети...

— А вы не пробовали искать защиту у журналистов? — спрашиваю я. — Ведь главным лозунгом государства в те годы была гласность.

— Да как же не искал... Конечно же, искал, и они меня защищали: писали о моем процессе в газетах, организовывали передачи со мной на радио, на телевидении. Однажды я даже выступал на телевидении вместе с кэжэбистами: я один, а их несколько. Вел передачу журналист Машкарян, он задавал им много вопросов: почему они завели на меня дело, почему отобрали и не возвращают мое имущество, почему второй год терзают, — но четко ни на один вопрос они так и не ответили, лишь туманно намекали на то, что не имеют права сказать все — некая, мол, есть в моем деле тайна... В моей судьбе принял также большое участие журналист Борис Крохалев. Слыхали про такого?

— Да, конечно.

— Он основал свою газету и начал изобличать в ней официальные власти и защищать обиженных ею. И обо мне тоже писал, как меня преследуют и устраивают на меня охоту.

— Какую именно охоту?

— Самую настоящую: на меня несколько раз устраивались покушения. Но я стал осторожен, всегда начеку. Они устраивали слежку за мной, когда я перемещался по городу. Я вынужден был снимать квартиру, в которой прятался от них. Они поставили подслушку в машину, когда я сдавал ее в ремонт.

— Извините, — возразил я, — но мне как-то не очень верится, что они так грубо работают. Мы-то привыкли слышать, что это своего рода интеллигентны сыска. Может, у вас просто развилась мания преследования, оттого что вы так долго были под следствием?

— Какая мания, когда вокруг меня один за другим гибли люди, которые мне помогали! Помните, я рассказывал про Рувима Мейеровича?

Кстати, он предупреждал: поскольку за полтора года они ничего не смогли накопать, а все сроки следствия вышли — они могут меня просто убрать, уничтожить... Рувим Мейерович погиб по дороге в Енисейск — там у него были какие-то адвокатские дела; схема гибели стандартная: лобовое столкновение с тяжелой грузовой машиной.

— Но ведь столкновение могло быть случайным...

— Я уже рассказывал про своего напарника Сашу Грачева. Он по нашим делам был в Риге и собирался с несколькими людьми ехать в легковой машине в Таллин, но в последнюю минуту отказался, а остальные на дороге все до одного погибли. Причина — опять лобовое столкновение... Я упоминал журналиста Крохалева, который печатал в своей газете очерки в мою защиту. Тоже погиб при странных обстоятельствах. Понял, что его преследуют, и умотал в деревню, к родителям — отсидеться какое-то время. Так вот, сначала погибли его родители, которые якобы угорели насмерть при топке печи. И это было в июле, когда никто в деревне печей не топит. Но Крохалева в тот момент там не оказалось: он так испугался, что ушел в лес и стал прятаться в глухой сторожке. И там его нашли мертвым.

— Я помню эту историю с Крохалевым, — сказал я. — Ее тогда широко обсуждали журналисты. Пытались провести журналистское расследование, которое, по-моему, кончилось ничем.

— Совершенно верно: им просто не дали довести расследование до конца — тогда это было смертельно опасно, — ответил мне Сергей Васильевич. — Не слишком ли много случайных смертей вокруг меня?.. Почему-то считается, что в то время убивали друг друга только бандиты. Нет, власть вела тихую гражданскую войну со своим народом, бешено сопротивляясь переменам, а убитых списывала на бандитов...

— А вы пробовали искать защиты?

— Конечно! Я пытался использовать все возможности. До областного правительства, правда, добраться не мог, кто бы меня туда пустил, а вот с Вячеславом Новиковым, депутатским головой, встречался, жаловался, как меня изводят допросами, следят за каждым шагом. А он мне: «Да брось ты! Этого быть не может — у тебя просто шиза в голове!»

Я ему тогда: «Но ведь у тебя же есть возможность проверить!» — и называю номера машин, которые пасут меня и мою жену, фамилии и звания моих следяков.

Он, чтобы проверить, тут же звонит полковнику ГАИ: «Скажи мне, пожалуйста, кому принадлежат такие-то машины?» — и называет их номера. Через несколько минут полковник перезванивает ему и отвечает:

— Эти машины сейчас в КГБ на правах аренды.

Вячеслав тут же звонит по громкой связи генералу КГБ:

— Тут ко мне пришел предприниматель Погожев. Говорит, что вы за ним слежку устроили. Правда это? — и называет номера машин, фамилии и звания сотрудников.

— Да врет он все, этот Погожев! Гони его в шею, его дело давно закрыто! Такие машины в КГБ уже не работают, а тот майор и два ка-

питана, которых ты назвал, уволены, — говорит тот по громкой связи, а я сижу и слушаю. И Вячеслав безнадежно разводит руками: дескать, ничего больше сделать не могу...

Единственный человек, который мне помог и попытался разобраться с моим делом до конца — это Юрий Николаевич Москвич. Я не был с ним знаком; зашел к нему от отчаяния — просто больше уже не к кому было; представился ему, стал рассказывать о своем положении, а поскольку нервы мои были уже на пределе, я употребил крепкое слово. Он поднимается, надувается весь и с грозным видом вопрошает:

— Что вы тут себе позволяете? Вы разговариваете с представителем президента России!

А я ему:

— Вот так да-а... Если б ты сам был президентом — тогда бы я еще постеснялся.

Он тогда сел и говорит миролюбиво:

— Да ладно тебе, — и начинает внимательно меня слушать. Затем тоже звонит генералу — и тот слово в слово повторяет все, что говорил Новикову.

И я поверил тому, что говорит генерал — серьезный ведь человек! Слава богу, думаю, что все закончилось, дело закрыто, я свободен; выхожу от Москвича окрыленный. А на следующий день опять вижу: еще наглее меня преследуют те же самые два «жигуля».

Я боялся, что мне подложат радиомину, поэтому собрал своими руками очень чуткий микроамперметр, постоянно возил с собой и поглядывал на него. Однажды сел в машину, смотрю: стрелка моего амперметра зашевелилась. Сразу понял: в машину что-то подложили. Обшарил всю — ничего найти не могу! Затем нашел, наконец, на что он реагирует: аккуратно бритвочкой разрезана обивка на потолке салона над моей головой, за нее засунута крохотная радиопрослушка с крохотной же антенной, реагирующая на голос. Принес показать ее Москвичу. Он тогда написал два одинаковых письменных запроса по поводу меня, один в краевую прокуратуру, другой в КГБ, получив два совершенно разных ответа, сравнил их и говорит: «Шизофрения какая-то!..»

Он как раз уезжал в Москву и пообещал, что организует оттуда правительственные телеграммы о том, что у нас тут происходит: ловят ведьм, вместо того чтобы заниматься делом. И выполнил свое обещание: дело мое после этого в самом деле пошло на развал.

9. Новый период

— И что дальше? — спрашиваю я.

— А дальше надо было продолжать жить и зарабатывать деньги. Я же предприниматель в самом прямом смысле этого слова — не торговец, а производитель. Ведь предприниматель — это человек, которому уже не изменить себя, в какую бы передрыгу он ни попал. Пошли его на Луну — осмотрится вокруг и там откроет какое-нибудь дело. Потому что он тру-

доголик. Помню, однажды жена вытащила меня на море — позагорать, покупаться; так я там измучился от безделья и от мыслей, как там без меня мое предприятие. Пробыл неделю и сбежал. Это тому, у кого под задницей нефтяная труба, легко отдышать. Легко отдышать чиновнику, который присвоил предприятие, раздал площади в аренду и уехал на Канары... Короче, решил я создать новое предприятие. С нуля.

Со старой арендованной площади меня, разумеется, выперли. Стал искать новое помещение, где можно поставить хотя бы один печатный станок и организовать переплетное дело. Но мне нужно было такое помещение, чтобы на этот раз спрятаться как можно дальше от бдительных глаз.

Друзья подсказали: есть заброшенное бомбоубежище, только оно затоплено водой, света нет, вход обвалился. Вполне возможно, что там уже и трупы плавают... Взяли мы фонари, поехали, посмотрели, и я понял, что лучше этого помещения мне пока что не найти.

Откачали воду, осушили, вентиляцию запустили. Вот оно, это помещение — пожалуйста! Не подарок, доложу я вам: непрерывно надо его сушить, вентилировать, греть круглый год, нести громадные затраты на электроэнергию; а прекрати я это хоть ненадолго — сразу сырость появится, а где сырость — там плесень и споры, а надышишь спорами — астма на всю жизнь обеспечена... Все оборудование, все материалы и готовую продукцию приходится таскать вручную. Есть проблемы с перекачкой фекалий, с телефоном: попробуйте отсюда по сотовому позвонить — не получится... И вот мы здесь уже без малого четверть века. Да, здесь очень тяжело работать — а куда деваться? Мне нужно кормить себя, семью и всех, кто здесь работает, потому что они надеются только на меня, больше им надеяться не на кого.

— А кто хозяин помещения? — спрашиваю.

— А черт его знает! Двадцать с лишним лет назад я заключил на это помещение договор с райисполкомом и с тех пор гоню деньги на указанный ими счет. Договор этот со мной никто не расторгает — стало быть, он продолжает действовать, так ведь? Честно говоря, я тут на птичьих правах, но даже для самой лютой проверки у меня на руках договор и оплаченная аренда за все двадцать с лишним лет. А кто конкретно получает мои деньги за аренду — не знаю, да и знать не хочу...

Я бы, наверное, мог арендовать помещение получше. Но зачем? Я-то ведь уже битый: если арендую приличное помещение, то стану рабом арендодателя — он может без конца взвинчивать цену, и я вынужден буду платить, потому что переезжать на новое место равносильно гибели предприятия. Он может просто выставить меня на улицу, а помещение разделить на клетушки и сдать продавцам: хлопот меньше, а выгода — в разы больше.

Я бы даже мог построить себе новое помещение по всем техническим нормам — но я этого никогда не сделаю, потому что сейчас же явится орава бездельников, жаждущих это помещение у меня отнять.

Пока я здесь — этих охотников мало. Почему? Да потому что уже через неделю после того, как я уйду, оно будет затоплено водой и никому не нужно.

Я работаю на восстановленном оборудовании, собранном по винтикам, которое сам чиню ночами, чтобы оно утром крутилось. И если уж меня заставят отсюда убраться — я его просто брошу здесь, потому что перетаскивать его куда-то бессмысленно, а продать можно только на металлолом.

Я бы мог взять кредит, купить и поставить здесь импортное оборудование с электроникой, организовать двух-, даже трехсменную работу, получать в два-три раза больше прибыли — и, соответственно, платить государству в два-три раза больше налогов, но боже меня упаси это сделать! Как только на моем банковском счету заведутся деньги — сразу жди проверяющих, а у них на уме одна мысль: как эти деньги отнять. Самый ничтожный проверяльщик в любой момент может прийти и одним росчерком пера оштрафовать меня, затаскать по судам, остановить производство, закрыть предприятие, которое создавалось много лет усилиями всего коллектива. Для этого у проверяльщиков есть десятки способов и миллион поводов, и если он упрется рогом, тебя уже ничто не спасет — кроме взятки, разумеется. Поэтому я понимаю тех, кто откупается, хотя сам не даю из принципа: не хочу плодить тлю, и они это знают. И жаловаться на их беспредел некому: власть, полиция, закон, суд, арбитраж — всегда, в любом случае! — не на моей, а на их стороне. В защиту моих прав нет ни единого закона, ни единого человека во властном аппарате, которому я бы мог пожаловаться на беспредел! Я одинок и бессилен против своры этих жадных, безжалостных чиновных придурков на службе у государства, мнящих себя всемогущими владыками надо мной. В своей беспросветной тупости они даже не понимают, что рубят сук, на котором сидят, что они, как та свинья из басни, уничтожают дуб, который их кормит. Вот так воспитали коммунисты народ — во всеобщей ненависти к чужой собственности. И не только ненависть воспитали, а еще и желание непременно отобрать ее и присвоить. Поэтому, чтобы выжить, я просто обязан работать вполсилы, ни в коем случае не иметь на счету денег, закупать лишь минимум сырья, отказываться от многих заказов, не делать дорогих покупок — потому что для меня это смертельно опасно.

Так ответьте мне: почему я, желающий честно работать и приносить пользу обществу, я, платящий налоги в казну, умеющий организовать производство и прокормить не только себя и свою семью без всякой помощи государства, а еще и дать возможность заработать двадцати, тридцати, ста человекам, — почему я в своей стране никак не защищен и почему таким трудоголикам лучше бездельничать и имитировать деятельность, чем много и хорошо работать?.. Вот почему я сижу в этом подвале, закупоренный, как джинн в бутылке.

10. Отношения с преступным миром

— Это ваши отношения с чиновниками. А с настоящим преступным миром приходится сталкиваться? — продолжаю я расспросы.

— О, этого сколько угодно! — охотно отвечает Сергей Васильевич.

— Может, поделитесь?

— Вспоминать обо всех — скучно и противно. О наиболее памятных — пожалуйста, — продолжает он свой рассказ. — Вы обращали когда-нибудь внимание на спортзал, мимо которого ходите ко мне?.. Там с утра до вечера тренируется этот самый преступный мир: качают мышцы, купаются в бассейне. И через некоторое время после того, как я привел это помещение в порядок и поставил оборудование, разнюхали они, что у них под боком есть глубокий подвал, в котором можно пулять из автоматов, сколько душа запросит: никто никогда не услышит и не узнает. И за город ездить не надо. Заявляются они ко мне и говорят: «Уматывай отсюда, мы тут себе тир устроим!» Я заартачился, договор показываю, но у них разговор короткий: «Если ты ничего не понял — так мы тебя тут уроем навсегда!» Делаю вид, что все понял, но говорю им: «Дайте хоть неделю — станки вывезти». — «Даем», — великодушно разрешают они. А я тем временем звоню тогдашнему начальнику краевого УВД: так и так, мол, бандиты хотят меня из подвала выкинуть, чтобы устроить здесь тир для стрельбы из автоматов... А он мне: «Меня это не волнует!» Я тогда разозлился — на кону мое производство, моя судьба! — говорю ему: «Но ведь если они научатся метко стрелять, кто у них, интересно, будет первой мишенью, я или вы?» — «Верно, — говорит. — А кто приходил-то?» Я рассказал. «Хорошо, — заверил он меня, — больше не придут». И в самом деле — больше не приходили.

Потом однажды ввалились трое рэкетиров, один из них — с настоящим револьвером, какие я только в кино видал. Поигрывает им в руке и говорит: «Будешь платить нам» — и назначает сумму. Возражать им, чувствую, не только бесполезно, но и опасно: эта мелкая шушера еще наглее, чем крупная, — пришить меня на месте им ничего не стоит. Я изображаю испуг и начинаю договариваться о сумме, о времени уплаты. Короче, моей первой задачей было успокоить их и усадить, а второй — вычислить, кто из них главарь. Усадил, вычислил; он помалкивал, но видно было, что заводной, нервный. А у меня на такие случаи заготовлена крепкая арматура, завернутая в газетку и перевязанная красной ленточкой с бантиком — никто же не запретит мне держать в кабинете свернутую в трубочку газету, перевязанную ленточкой, верно?.. И вот беру я эту газетку да ка-а-ак врежу главарю по ключице! Почему по ключице? Да потому что если по голове — убить можно, а зачем мне убийство... А ключица снова зарастет, но это о-очень больно! Вожак упал на пол, визжит, а остальная шушера подрастерялась. Я не стал ждать, когда они очухаются, — отоварил второго, третьего, и когда все трое повалились на пол, тут уж я дал себе волю: начал бить по позвоночникам — ведь они, когда выздоровеют, снова придут, а моей задачей было, чтобы они могли ходить только под себя.

А потом вызвал милицию. Те приезжают и удивляются: «Почему это они у вас тут лежат?» — а я им: «Не знаю. Пришли ко мне с рэкетом, угрожали, а когда поняли, что мне придется им платить — передрались между собой. Вот и револьвер их тут валяется». Милиционеры вытащили их из подвала, увезли, и я их больше не видел... Хватит историй или еще рассказывать?»

— Пока хватит, — говорю я. — А признайтесь: страшноато с этим элементом сталкиваться?»

— Нет, — твердо ответил он. — В жизни, начиная с розового детства, я столько сталкивался и столько дрался с такими, что нервы и кожа, наверное, стали как у слона.

— Но ведь они могут когда-нибудь и в самом деле убить...

— Могут, — ответил он. — Но, вообще говоря, предприниматель в нашей стране никогда и ничего не должен бояться, иначе ему просто надо менять работу — это по определению человек смелый и предприимчивый.

— Хорошо, — сказал я тогда. — А чиновники взятки с вас требуют?»

— А как же!

— И вы, судя по всему, находите с ними общий язык, раз они все-таки дают вам возможность работать?»

— Торжественно клянусь: взятку принципиально не даю, всегда об этом громко заявляю, и они это знают. Потому что давать взятки — это плодить червей, а на сытой пище они размножаются в сумасшедшей прогрессии... Но попадаются иногда слишком настойчивые, к ним приходится искать другой подход. Одного такого мне пришлось подставить: дал ему меченую взятку через ОБЭП — и тот сел на восемь лет за вымогательство. Пускай сидит. Но ведь я его за руку не тянул — сам напросился...

С одним слишком ретивым пожарником пришлось однажды провести воспитательную беседу. Прикопался ко мне с требованием выполнить все его требования, иначе он предприятие закроет. В этом помещении его требования физически невыполнимы, поэтому предприятие надо просто-напросто сразу закрывать. Но я-то сам знаю, что работать здесь опасно: полно бумаги; случись пожар — я первый же в нем сгорю, мне бежать дальше всех. Поэтому я сижу здесь почти безвылазно, у меня свои меры предосторожности. Но ему это до лампочки — ему надо сдоить с меня кругленькую сумму. Тогда я ему прямым текстом: «Ты прекрасно знаешь, что выполнить твои требования я не могу. Вашего штрафа я тоже заплатить не могу — у меня нет таких денег! Поэтому у меня есть два выхода. Выход первый — закрыть предприятие и пойти по миру. Второй выход — это заказать тебя, чтобы тебе башку прутком пробил. Потому что штраф будет стоить мне триста пятьдесят тысяч, а тебя заказать — всего сорок. Прикинь, что дешевле... А что я это сделаю, можешь не сомневаться, потому что мне терять нечего, а тебе есть что, поэтому делай выводы сам. Но в любом случае — чтобы я тебя здесь больше не видел. А если нет — тогда извини, браток, и царствия тебе небесного...»

У нас идет гражданская война, и войну эту не я навязываю государству, а оно мне...

— Понятно, — говорю я Сергею Васильевичу. — Пойдемте дальше. Вы мне еще обещали рассказать, как отблагодарили прокурора Жукову...

11. Предвыборная эпопея

— Да, было дело, — ответил он мне. — Это уже когда я создал нынешнее предприятие... Мэром города был тогда некий Поздняков, и Жукова долго с ним боролась: разоблачала его махинации и в открытую называла жуликом. А он между тем начал готовиться к выборам в депутаты Госдумы.

И вот приходит она однажды, садится передо мной — а надо сказать, что была она женщина грубоватая, ко всем, не обращая внимания на должности и звания, обращалась только на «ты» — и говорит:

— Ты, Сергей Васильевич, конечно, можешь выставить меня отсюда, но я пришла к тебе за помощью.

— Как же я могу вас выставить, Нелли Николаевна, — улыбаюсь ей галантно, — если вы были моим первым в жизни прокурором. Чем могу помочь?

— Ты, наверное, знаешь, — говорит она, — что я схлестнулась с Поздняковым, и меня за это поперли из прокуратуры. Но не на ту напали: я сумела восстановиться. Теперь Поздняков готовится стать депутатом Госдумы, на каждом углу расклеил свои огромные, отпечатанные в Финляндии портреты. Так вот я, в пику ему, решила сама баллотироваться в депутаты Госдумы, но на выборную кампанию у меня денег нет, а победить надо. Знаю, что ты в этой кухне разбираешься — что ты мне посоветуешь?

— Конечно же, я вам с удовольствием помогу, — отвечаю ей, — но не потому, что безумно люблю, а только затем, чтобы вы уехали наконец к ядерной фене от нас в Москву...

Она рассмеялась, и после этого у нас начались доверительные отношения.

— Давайте — говорю ей, — сделаем так, чтобы все его шикарные портреты пошли вам же на пользу. Мы возьмем грязно-серую оберточную бумагу, отпечатаем на ней ваши листовки и расклеим их возле каждого шикарного поздняковского портрета, а текст на них будет примерно такой: «Все вы меня знаете — я прокурор города и честный человек. Я борюсь с этим человеком, только у меня нет денег на дорогую рекламу, так что простите меня за эти невзрачные листовки. Но если вы отдадите за меня ваши голоса, я обещаю и дальше бороться с такими людьми и защищать в Госдуме ваши истинные интересы».

— А как же мой портрет? — спрашивает она.

А я ей:

— Да зачем нужен ваш портрет — вы же не Мерилин Монро...

Короче, напечатали мы такие листовки (одна у меня до сих пор хранится); нашлись люди, которые не поленились наклеить каждую возле поздниковского портрета. И что вы думаете?! Наши горожане никогда политической активностью не отличались, а тут чуть не все пришли на избирательные участки, и прокурорша с блеском прошла в Госдуму. На одной невзрачной листовке! А Поздняков, соответственно, с таким же блеском провалился...

Но самой интересной для меня была избирательная кампания, когда Александр Иванович Лебедь в губернаторы собрался.

Тогдашняя краевая администрация его предвыборные материалы ни в одной нашей газете публиковать не разрешала. А я в те годы, кроме всего прочего, выпускал еще и свою, частную газету «Предприниматель». И вот приходят ко мне представители петербургского лебедевского штаба (а штаба было два — московский и петербургский) и спрашивают: «Можешь в своей газете писать о Лебеде?» Моя казачья кровь, между прочим, требует уважать звание генерала; я ставлю на Лебеда, потому отвечаю: «Элементарно!» Они дают материал, и я его публикую. Это был первый в крае крупный выхлоп за Лебеда. Газета вышла гигантским тиражом. Это уже потом все остальные спохватились, когда до них дошло, что сила — за ним.

Вдруг является ко мне собственной персоной сам Лебедь и спрашивает:

— Поможешь?

— Все, что могу, — отвечаю, — сделаю.

— Нужны, — говорит, — листовки во все районы. Но сам я хорошо писать не умею. Возьмешь на себя написание текстов и печать? А мы пришлем машины для развозки. Только, — говорит, — пиши так: отдельно горожанам, отдельно сельчанам, отдельно женщинам, — чем разнообразней, тем лучше. Язык — самый простой.

Я тут же набросал и показал ему текст. Он прочитал — и проследился.

— Вот так, — говорит, — и пиши.

И начали мы печатать. Работали круглосуточно. Приходит автофургон, с ним двенадцать грузчиков. Быстренько загрузили фургон — и в Богучаны. Следующий — в Бирилюссы... В общем, сперва в самые дальние районы.

— Печать дорого обошлась? — спрашиваю.

— Дорого, — отвечает Сергей Васильевич. — А оплата происходила так: приходят два молодых человека, приносят кейс, открывают, а там сплошь банковские долларовые упаковки. Как в кино. Говорят: «Бери вперед!»

Меня этими упаковками не удивишь — взял; ведь надо было бумагу закупать с предварительной оплатой, платить рабочим сверхурочные, причем все — сразу. Мои рабочие, между прочим, даже домой не ходили: отработают двенадцать часов, поспят в отдельной комнате — и дальше. Станки не останавливали: печатали, резали, паковали. И я вместе со всеми безвылазно тут жил...

Первый тур кончился. А мы уже и на второй тур листовки отпечатали, упаковали, складировали готовую продукцию вдоль коридора. Я отпустил рабочих отдыхать и сам поехал домой — отоспаться... Вдруг в четыре часа утра звонит сторож: «В типографию ОМОН ломится!» Я ему: «Без меня не пускать!» — выскочил из постели, сел в машину и помчался. Подъезжаю к типографии, смотрю: человек десять с автоматами, замерзшие, злые, как осы, бьют прикладами в ворота, возмущаются — как это их смеют куда-то не пускать...

— В чем дело? — спрашиваю.

Оказывается, с ними белобрысая баба-полковник.

— Открывайте! — командует она мне злым командирским голосом. — У нас задание — проверить, печатаете ли вы листовки Лебедю.

В уме у меня, конечно, масса вопросов: почему это действующий губернатор подключает ОМОН для борьбы с конкурентом? И почему конкуренту нельзя печатать листовки, а губернатору можно?.. Но я их не задаю, потому что вроде как не мое это дело; спокойно, чтобы их не злить, отвечаю:

— Вы же видите — типография не работает, там один сторож.

— Так вы их, наверное, спрятали — мы должны проверить!

Ладно, открываю ключом дверь; они вламываются и по наклонному коридору, мимо штабелей упаковок, бегут вниз, к печатным станкам.

Мы с полковницей идем сзади. Беспokoюсь, найдут или не найдут, а сам тем временем пудрю бабе мозги:

— Давайте, пока они ищут, хотя бы кофе попьем?

— Давай! — говорит она.

Завел ее в кабинет, заварил кофе, пьем, и я осторожненько говорю:

— Вот вас губернатор напрягает, да еще ночью. Но это же нечестно, борьба должна быть на равных. Вы — офицер, Лебедь — боевой генерал. Возьмет и выиграет — как же вы будете после этого работать с ним, смотреть ему в глаза?

— Да, конечно, — соглашается она. — Но вы не печатаете листовок?

— Но вы же видели, — отвечаю, — станки стоят, ни одного рабочего нет!

Попили кофе, она выходит из кабинета и командует своим: «А ну, пошли вон отсюда!..»

Не знаю, насколько мои листовки помогли Лебедю пройти в губернаторы, — знаю только, что в крае не было ни одного столба или подъезда, которые бы не были ими облеплены.

Но я ж не знал, что вместе с ним явится сюда команда рвачей и бандюганов! Потому что уже вскоре после того, как он стал губернатором, ко мне заявляется один из его заместителей — обкладывать меня данью. Назначает мне сумму, которую я не знаю, где брать. Но, как только он за порог, я звоню Лебедю и жалуюсь на него. Вскоре опять заместитель является:

— Извини, залетели к тебе по ошибке. Александр Иванович сказал, что ты наш. Приглашаю тебя в гости.

— А что, интересно, я у вас забыл? — отвечаю.

— Поехали, поехали! — тащит меня чуть не силком. — Угощу, посидим, потолкуем, чтобы ты зла на нас не держал.

Привязался так, что пришлось ехать. Приезжаем к нему, у него большие апартаменты в гостинице; заводит меня в свой кабинет — смотрю, а в кабинете не только книги, даже ни одной бумажки нет! Зато все стены увешаны кинжалами, мечами, саблями — одним словом, трахнутый на голову этим самым колюще-режущим оружием, потенциальный пациент медучреждения определенного профиля. И больше сказать о нем нечего.

Ну а шумные истории о том, как этот заместитель, пьяный, стрелял в одном из райцентров по российскому флагу, и о том, как почти все остальные замы оказались замешаны в криминальных разборках и потихоньку по одному слиняли из поля зрения красноярцев, вы, конечно, помните сами.

12. Товарищи

— Помнится, вы упоминали Сашу Грачева, товарища, с которым начинали. Где он теперь? — спрашиваю я у Сергея Васильевича.

— Когда в 1989 году против нас возбудили уголовное дело, — начал он свой новый рассказ, — я не боялся: я же ничего не крал, никого не обманывал, налоги платил честно, поэтому решил, что это всего лишь недоразумение, легко докажу свою невиновность. А Сашу встреча с КГБ напрягла — он начал меня уговаривать: «Одно из двух — нас тут или посадят, или убьют. Давай бросим все и рванем за рубеж?» Но ему было легко бросать наработанное, а я не собирался складывать лапки — я хотел самоутвердиться здесь, у себя на родине, в России — чего ради я должен бояться их и бегать от них?

А Саша уехал. Рванул в чем был — в джинсах и в рубашке. Из страха перед КГБ забрался так далеко, как только мог — аж в Испанию. Приехал, а у него — ни денег, ни знания языка, ни профессии, с которой можно продержаться первое время. Он поступил работать туда, где ничего этого не надо — разнорабочим на фабрику керамической плитки, глину месить. Месит неделю, месяц, второй. На те гроши, что получает, еле сводит концы с концами, а сам осматривается вокруг. Хозяин фабрики иногда получает выгодные срочные заказы и просит своих работяг поработать во вторую смену. Но им плевать на хозяина и на его заказы, ровно в пять ноль-ноль ставят лопаты, переодеваются и идут пить вино — их хорошо защищают профсоюз и законы о труде: попробуй он тормознуть их на пятнадцать минут — они его по судам затаскают! А Саше некуда идти, да он еще и человек советской закалки: раз надо — готов и во вторую смену вкалывать, и в выходной поработать.

Хозяин внимательно присматривается к этому русскому. Предлагает ему собрать бригаду из таких же русских, как он, а ему самому — стать бригадиром. Саша собрал бригаду из тех, кто может и двенадцать, и четырнадцать часов выдержать. Дело пошло, все с барышом: хозяин, он сам, бригада. Причем — опять хорошая советская закалка! — лишнюю копейку он не тратит на вино и девок, а покупает у хозяина акции: одну, вторую, третью. При этом включает соображаловку — что ни говори, а кандидат наук! — что-то на производстве изобретает, что-то рационализирует, советует хозяину — и тот ставит его начальником цеха: пожалуйста, изобретай, рационализируй!

Между прочим, хозяин предприятия — пожилой человек. Подуставши от своего бизнеса, он предлагает Саше выкупить у него предприятие в рассрочку, с постепенной выплатой стоимости. И теперь Саша — полномочный хозяин предприятия, и дела у него идут в гору: свою керамическую плитку он поставляет чуть ли не во все страны света. В том числе и в Россию.

Мы с ним перезваниваемся иногда, и каждый раз он меня упрекает: «Ну чего ты там, в этой России, забыл, когда здесь можно прекрасно жить!» Последнее время звонить перестал — понял, видно, что я неисправимый идиот.

Представьте себе: у меня семеро друзей юности перебрались за рубеж — и все теперь миллионеры! Дело в том, что из страны, где ничего нельзя, где за каждый лишний шаг тебя наказывают, они приезжают туда, где все можно, так что от такой возможности будто с цепи срываются — начинают так много работать, что быстро становятся на ноги. Например, другой мой товарищ, Серёжа Мальцев, уехал в Чехию. А что такое Чехия? Та же бывшая соцстрана с государственной собственностью. Однако они провели приватизацию предприятий не тупо, а с умом: предложили отдать предприятия в самостоятельное управление лицам или группам лиц, имеющим опыт управления, но со следующим условием — если в течение пяти лет ты не даешь предприятию загнуться, платишь налоги, регулярно платишь людям зарплату, то за это через пять лет имеешь право на приватизацию его, но с постепенным выкупом у государства. В результате, во-первых, у руководителя — стимул стараться, чтобы получить предприятие в собственность; во-вторых, ни жадным чиновникам, ни тупорылым бандитам и рейдерам такое предприятие не нужно — там ведь вкалывать надо и выплачивать зарплату, налоги и стоимость предприятия, а иначе его у них отберут и передадут тем, кто умеет это делать. В результате Чехия теперь на одном из первых мест в Европе по уровню жизни, население поголовно работает, а президент ходит по улице пешком, без охраны, и каждый может подойти к нему и задать вопрос.

На свете полно стран — та же Чехия, Германия, Китай, Канада, Австрия, Австралия, Новая Зеландия, — где при составлении иммиграционного документа есть условие: если ты российский предприниматель и хотя бы пять лет управлял малым предприятием с численностью работающих в тридцать человек, тебе при въезде обеспечена зеленая карта —

пожалуйста, приезжай и работай! Тебе даже их языка знать не надо — примут и так, потому что знают ценность человека, умеющего организовать производство, знают, что это порода людей редкостная, прекрасно понимают, что если человек приехал из России, где предпринимателю ничего нельзя, в страну, где все можно, — он не будет сидеть в кафе или лежать на пляже, а начнет тут же в бешеном темпе работать, потому что предприниматель — человек азартный, деятельный, у него моторчик в заднице, он непременно должен куда-то мчаться и что-то делать, иначе просто заболеет! И его там не унижают чиновники, бандиты, бесконечные проверяльщики, не обируют, не грозят штрафами и судами, не придумывают все новые и новые поборы.

Нас, мелких производителей, откровенно выдавливают из страны, хоть мы и пытаемся сопротивляться. Но отток из страны идет, и отток большой. Знаю, что только из Красноярского края за последние десять лет убыло около десяти процентов работающего населения. При этом уезжают самые толковые, энергичные, желающие много работать и зарабатывать. Если такие темпы останутся дальше, то лет через двадцать работать в крае будет некому. Останется заселять его мигрантами... Я пока что держусь. Но на сколько еще меня хватит, не знаю. Во всяком случае, искушение велико...

И уезжают-то ведь они не в одних штанах, как в свое время Саша Грачев — прихватывают с собой все, что успели накопить. А власти удрученно всплескивают руками: «Ах-ах, идет утечка капиталов! Давайте привлекать капитал из-за границы!» Старая песня, над которой еще Ильф с Петровым иронизировали: «Заграница нам поможет!» Да не поможет нам никакая заграница — хватит жить иллюзиями! Вопрос надо решать проще и капитальнее: остановить бегство из России толковых, энергичных, умеющих работать и организовывать производство россиян, а для того, чтобы остановить бегство, надо хотя бы не мешать работать и зарабатывать здесь. В конце концов, если из страны утекает капитал — его можно снова заработать, а вот утечку мозгов и человеческой энергии из страны восполнить уже ничем нельзя.

Правда, в последнее время я замечаю, как с нашими чиновниками происходит разительная перемена: они становятся хотя бы вежливее, внимательнее в обращении, куда-то исчезает их наглость по отношению к мелким производителям. Я думаю, это оттого, что до них наконец доходит, что, если разгонят всех до одного, тогда за ненадобностью разгонят и их самих.

13. Газета

— Вы упоминали о газете «Предприниматель». Кто и когда ее выпускал? — спросил я его.

— Я же ее и выпускал. Она начала выходить в 1996 году, — ответил он.

— Газета коммерческая?

— Нет, дохода с нее я не имел — слава богу, хоть окупала сама себя.

— А зачем тогда она была вам нужна?

— Многим тогда хотелось открыть свой бизнес, научиться самим зарабатывать деньги — но как, с чего начать, дело-то было новое... Спрашивали советов — а у меня к тому времени был уже о-го-го какой опыт, и положительный, и отрицательный; хотелось, чтобы нас было как можно больше, чтобы мы стали определенной силой в крае, в России — вот и решил с помощью газеты уберечь людей от ошибок на этом пути, чтобы не собирали на свои головы те же шишки, что и я.

Писал в газету я сам, писали предприниматели, писали журналисты. Гороскопов и прочей дребедени там не было, зато были правила предпринимательства, практические советы по бухгалтерскому учету, по налогообложению, советы, как вести себя с клиентами, с властями, с чиновниками, как защищаться от наездов бандитов.

Сначала тираж газеты составлял пятьсот экземпляров, и я сам возил ее по супермаркетам, оставлял по договоренности на специальных стойках возле касс. Когда люди расплачивались в кассах, то одновременно покупали и газету. И газета читателям так понравилась своим доверительным стилем, множеством полезных советов, что они сами стали искать ее по киоскам, подписываться на нее. Благодаря газете у меня завелось много друзей и соратников по бизнесу, так что тираж ее постепенно вырос до полутора тысяч штук, а иногда доходил до пяти тысяч. Благодаря ей много людей смелей пошли в бизнес и встали на ноги. Впрочем, большинство их потом уехало за границу — теперь они, к сожалению, укрепляют экономику других стран.

Газета же помогла мне найти единомышленников и объединиться в партию предпринимателей. Да и для моей фирмы она стала хорошей рекламой. Мы выпускали ее восемь лет, а потом интерес к ней стал падать. Да и времена менялись; встал вопрос о целесообразности выхода газеты. Но нам, единомышленникам, был необходим какой-то печатный орган, потому мы скооперировались, вместо газеты перешли на выпуск журнала «Вестник торгово-промышленной палаты» и выпускали его еще несколько лет. Но и он сейчас не выходит. Тоже исчерпал себя. Дело в том, что в городе расплодилось великое множество оптовых и розничных торговцев, а это занятие из-за своей примитивности не нуждается в нашей информации, в то время как количество товаропроизводителей, которым наша информация нужна, сократилось почти до нуля: разбежались, разъехались, бросили из-за бесперспективности — отбили у них чиновники всякое желание работать. Так что через журнал обращаться стало не к кому, и он тихо скончался.

14. СТП

— А что это такое — партия предпринимателей, торгово-промышленная палата? — поинтересовался я.

— Собственно говоря, когда мы самоорганизовывались, то пробовали называть себя по-разному. Окончательную форму наша организация

приняла под названием «Союз товаропроизводителей, предпринимателей края» (СТП). В нее входят владельцы и директора малых и средних предприятий. Всего у нас числится около трехсот человек, но основной костяк — человек пятьдесят. Все это, заметьте, люди, прошедшие жесточайшую школу выживания в России.

Короче, сбиваемся в стаю, чтобы выжить, потому что если выжить поодиночке, то они нас окончательно сживут со света. Я там вице-президент, а президент союза — Валерий Иванович Сергиенко, бывший когда-то председателем крайисполкома. Опытнейший человек, он хорошо знает цену производителям, понимает, что основа всякого современного общества и опора всякой власти — производство, разрушать его нельзя, потому что там, где люди заняты созиданием, всегда меньше всяких социальных потрясений, преступлений, психических отклонений, а общество — здоровей и сплоченней.

Есть у нас устав, есть права членов. Чем занимаемся?.. Работы — непочтатый край! В первую очередь, конечно же, сообща боремся за свои права, помогаем местному малому бизнесу выживать, защищаемся от враждебной нам политики властей, от бесконечного повышения цен на электроэнергию, транспорт, от бесконечных поборов и проверок. Делимся опытом, обсуждаем краевое и федеральное законодательство, пишем коллективные письма, в том числе с разными идеями и предложениями, разным ветвям власти, вплоть до президента России.

Иногда к нам приходят чиновники, губернатор, мэр города; мы им задаем неудобные вопросы, они в ответ невнятно мычат — потому что отвечать на наши вопросы по существу им нечего.

Примеры? Сколько угодно! Приходит, например, к нам в СТП крупный чиновник из краевого министерства экономического развития и начинает докладывать, как здорово они там у себя напланировали, а главные пункты в их перспективном плане развития края — окончание строительства Богучанской ГЭС и Богучанского алюминиевого завода... Интересное кино! Это что же, за бюджетные деньги будут построены ГЭС и алюминиевый завод, а потом явится очередной олигарх, приватизирует все это — точно так же, как все ценнейшие предприятия в крае, и прибыли потекут в очередную оффшорную зону, а нам останутся затопленная земля, вонь и отходы? Где гарантии, что этого не произойдет? А мы должны хлопать в ладоши и восхищаться их планом?.. А где в этих планах мы, жители края? Где анализ таких проблем, как убыль активного населения, низкий рост зарплаты в крае и, наоборот, бешеный рост стоимости нефтепродуктов, электроэнергии, повышение арендной платы, разорение и сокращение числа товаропроизводителей? И при этом — бурный рост числа чиновников, которые, по сути дела, нахлебники у общества, и непомерный рост числа так называемых коммерсантов, просто торгашей, которые занимаются перепродажей импортных товаров, работая на экономику других стран. Остается впечатление, что планы эти составляют люди, которые хорошо разбираются в зарубежных курортах и дорогих вещах, но страшно далеки от истинных проблем края.

Благодаря нашему Союзу товаропроизводителей я знаком со множеством кристально честных, болеющих за судьбу России деловых людей, умеющих много и хорошо работать и не красть, не обманывать, а честно зарабатывать! Но власть боится их и не хочет подпускать к себе. Почему? Да потому, я думаю, что профи — это человек ершистый, несговорчивый, это всегда личность, личность сильная и принципиальная, умеющая горячо болеть за дело; такой человек имеет смелость возражать, невзирая на должность, если чувствует свою правоту, но он никогда не подставит, не предаст! Таких людей ценить надо, с каждым годом их все меньше и меньше: они или уезжают из страны, или стареют и отходят от дел, но они пока есть, так что точка невозврата еще не пройдена. Но власти предпочитают им чиновную моль, поддакивающую, послушную, готовую в любой момент украсть, предать, подсидеть, и эта моль оплела снизу доверху всю сложившуюся ныне иерархию власти...

15. Долгожительство

И так каждый раз: когда мы с Сергеем Васильевичем сходимся вместе — у нас начинается серьезный деловой разговор. Но я обратил внимание, что о каких бы острых и серьезных экономических, финансовых, политических вопросах он ни говорил страстно и заинтересованно, сколько бы ни жаловался на собственные предпринимательские проблемы, непременно переходит всегда к главным и горячо любимым темам: гигиене, онкологии, долголетию — медицине, одним словом. При этом лицо его делается спокойней, глаза — мягче; чувствуется, что он отдыхает. Тут уже ни о чем спрашивать не надо — он начинает говорить вдохновенными монологами, показывает мне изданные за свой счет книги и брошюры, в которых проповедует новейшие идеи и открытия в онкологии — и свои собственные идеи тоже.

Впрочем, собственные идеи он не выпячивает, скромно заявляя, что сам ничего не открыл — все открытия уже давно сделаны зарубежными, русскими или советскими учеными; что сам он только обобщил давно открытое и сделал из него далекоидущие выводы; что все дело теперь только в широчайшей пропаганде принципов и правил здорового образа жизни, ведущего к долголетию, активной и плодотворной жизни каждого, кто этого захочет. Много для этой пропаганды в стране уже готово: есть разработанные до мельчайших деталей принципы, правила и рекомендации, есть армия врачей-гигиенистов, есть разработанная в свое время в Советском Союзе система широкомасштабной профилактической работы по борьбе с инфекциями, которую можно было бы взять за эталон борьбы за здоровое долголетие.

В последние годы на раннюю диагностику заболеваний тратятся огромнейшие средства: строятся крупные больничные корпуса, закупается дорогостоящее оборудование, набираются многочисленные штаты

специалистов для обслуживания этого оборудования и для лечения обнаруженных болезней.

Это, конечно, прекрасно. Но ведь гораздо проще — и намного дешевле! — предупредить, чем диагностировать, а затем лечить заболевания, хотя бы и на ранних стадиях. А дешевле — потому что для предупреждения рака, сердечно-сосудистых и прочих серьезных заболеваний не нужны больничные корпуса, не нужны дорогостоящее оборудование и штаты высококлассных специалистов, обслуживающих его, нужны всего лишь изданные большими тиражами книги, брошюры, плакаты с популярным изложением идей и правил здорового долгожительства, профилактические центры, а в них — врачи-гигиенисты, умеющие доходчиво просвещать население, пропагандировать среди него эти идеи и правила, работать в этом направлении с каждым конкретным пациентом.

Начать заниматься этим, считает Сергей Васильевич, надо немедленно, потому что в России с каждым годом и с каждым днем множится и без того огромное число всевозможных экзотических, обзаведшихся дипломами неведомых академий «знатоков» русского, тибетского и прочих искусств врачевания, экстрасенсов, парапсихологов, колдунов, знахарей и целителей, обычных шарлатанов, не имеющих элементарного медицинского образования, делающих прибыльный бизнес на людских проблемах со здоровьем. Обманутые ими люди все равно оказываются на больничной койке, но слишком поздно, когда реально помочь больным уже нет возможности.

Но для того чтобы создавать профилактические центры, читать просветительские лекции и печатать пропагандистскую продукцию, необходима воля административных руководителей и чиновников от медицины, нужны средства, пусть и небольшие — по сравнению с миллиардными финансовыми вливаниями на покупку дорогостоящего импортного оборудования и на строительство огромных лечебных учреждений (хотя одно другому и не мешает).

Мой герой, Сергей Васильевич Погожев, иногда в компании с красноярскими светилами медицины, а иногда и на собственный страх и риск упорно пишет и отправляет письма с перечисленными выше предложениями об оздоровлении населения в самые разные инстанции: местным чиновникам от медицины, мэру города, губернатору края, в федеральное министерство, президенту России. Иногда получает ответы. Ответы в целом одобрительные, однако не содержащие никакой реальной поддержки и никаких конкретных мер по продвижению профилактики оздоровления российского населения или хотя бы населения края. Или даже населения города Красноярска, кстати говоря, крайне неблагоприятного по онкологии. Видно, работа с миллиардными финансовыми вливаниями на лечение больного населения кому-то намного выгоднее, чем относительно дешевые средства на профилактику тех же самых заболеваний.

Когда я спрашиваю, зачем Сергею Васильевичу это нужно — столько сил и времени тратить на такое донкихотское занятие, как неустанная пропаганда здорового образа жизни, он не без юмора и лукавства отвечает:

— Помните, я приглашал вас в Общество добропорядочных граждан? Так вот, я очень хочу, чтобы добропорядочных граждан было как можно больше. Потому что только добропорядочные люди слушают добрые советы и заботятся о своем здоровье и здоровье своих близких — я для них работаю! А недобропорядочные, в том числе начальники и чиновники, которые никак не хотят прислушиваться к добрым советам, они пусть вымирают! Они почему-то считают, что их самих смерть никогда не коснется только потому, что они кажутся самим себе бессмертными владыками российской жизни... Представляете, как хорошо станет жить, когда на земле останутся одни только добропорядочные люди?..

Но случился удивительный парадокс: Сергей Васильевич старался заразить идеями здорового долголетия сограждан и соотечественников-чиновников, а откликнулись на его идеи из-за рубежа — из Китая, Германии. А совсем недавно он получил официальное приглашение из Вьетнама. Конечно же, он незамедлительно туда поехал, договорился с властями Вьетнама о создании большого проекта на основе пропагандируемых им идей и уже начинает над ним работать.

И выходит, что другие страны, в том числе и наши ближайшие соседи, интересуются любыми возможностями оздоровления своих граждан, а для властей и чиновников России, существующих среди собственных химер и абстракций, подобные вопросы, как всегда, не стоят их драгоценного внимания.

Евгений БЕРЕЗНИЦКИЙ

(1909—1941)

**«ЗА КАЖДЫЙ КОЛОС, ОПАВШИЙ
С ТВОИХ, ОТЧИЗНА, ПОЛЕЙ...»***

Евгений Николаевич Березницкий родился 21 августа 1909 года в Киеве, в семье врача. В 1911 году Березницкие переехали в Томск. В 1928 году после окончания школы Евгений уехал сначала в Новосибирск, потом в Кузбасс, где работал строителем на возведении металлургического комбината. В 1929—1930 гг. он работал в геологоразведочной партии Приполярной экспедиции. Некоторое время учился в Томском геологоразведочном техникуме, но в связи с тяжелой болезнью матери вынужден был оставить учебное заведение. В 1933—1935 гг. Е. Березницкий трудится сначала в газете «Борьба за уголь» Анжеро-Судженска, потом в новосибирской газете «Большевицкий натиск». А с 1935-го и вплоть до войны Е. Березницкий — литсотрудник газет «Советская Сибирь» и «Кузбасс».

В марте 1929 года в журнале «Сибирские огни» появляется первое стихотворение Е. Березницкого «Будни» о труде строителей. С этого времени его произведения печатаются в газетах Новосибирска и Кузбасса, в «Сибирских огнях». Одна за другой выходят его книги для детей «Приключения барабаника» (1937), «Джянтаки» (1939), «Похождения храброго ерша» (1939). Здесь же, в Новосибирске, издан и единственный лирический сборник Е. Березницкого «На Оби» (1940). Помимо собственного творчества занимался он переводами алтайского фольклора.

25 июня 1941 года Е. Березницкий ушел добровольцем на фронт. А в первых числах октября 1941-го погиб под Ельней.

Алексей Горшенин

* Материалы предоставлены Городским Центром истории Новосибирской книги. Публикацию подготовил Алексей Горшенин.

ПТИЦЕЛОВ

Зацелован ветром птицелов.
Зацвело в груди у птицелова
Ручейками птичьих голосов
Выщербтанное слово.

Щуря добрый стариковский глаз,
Мудрым преисполненный величьем,
Открывал он для вихрастых, нас,
Тайны дальних перелетов птичьих.

Книжки географии сухой,
Так весной мешавшие обидно,
Оживлял он смелою мечтой.
Овевал их ветер золотой
Побережий Ганга или Инда.

По путям заоблачным орла,
По путям гусиных караванов
Через океаны и туманы
Нас мечта крылатая вела.

Приглашал к себе нас птицелов.
Сколько радости тогда ребятам!
С окон, с потолка, из всех углов
Ручейками звонких голосов —
Щебет, писк и свист друзей пернатых.

Частый щебет щеголей-щеглов,
Плавный «пить-палать» перепелов,
Посвист снегирей розовогрудых,
Зимородков изумрудных.

Зная пару человечьих слов,
Скворушка кричал нам: «Будь готов!»
Звонкий, яркий мир любимых птиц,
Льющийся ручьями птичий щебет...
Да, в руках держали мы синиц,
Журавлей выслеживали в небе!

ВЕСЕННИЕ ЭСКИЗЫ

В тайны лесные учась проникать,
Встань и послушай, как выйдешь за город,
Ветреный лепет березняка,
Вдумчивый шорох соснового бора.

Опять в говорливом, ручьином апреле
Веселой ватагой скворцы прилетели.

Они принесли из далеких долин
Мелодии чутких лирических скрипок,
Дразнящие посвисты, крики и скрипы
И нежные трели лесных мандолин.

Их праву и нраву не смея перечить,
Бранясь, воробьи покидают скворешни.

С треском чуть слышным вздуваются почки;
Бряцают синиц голубые звоночки;
Как снежные комья в брусничном соку,
Шуршат снегири в ноздреватом снегу.

От будоражной весенней причины
Приходит пора токовищ косачиных.
Черныш запекает,
Бьет напролом
Иссиня-черным и крепким крылом.

Селезень зеленью пышной крыла
Пробует, пылкий, пленить чучела.

Утка-круговка красавца обманет:
Выстрел неожиданный из зарослей грянет,
И, обрывая свистящий полет,
Рядом с изменницей он упадет.

А в высоте, в польне светло-синей
Льется волнующий гогот гусиный.

Слаб и непрочен апрельский морозец.
День утверждается в праве своем.
Комкая лед рассудительной прозы,
Даже мы со скворцами поем.

ГРОЗА

Как для прыжка, легла и сжалась
Река в предчувствии дождя.
Гроза над Обью надвигалась,
Тяжелый грохот громоздя.

Я ждал тогда хоть легкой тени
Испуга на лице твоём.
Но ты отвергла отступенье.
Сказала: — Надо плыть, Евгений!
Берись за весла, и плывем!

Плывем. В предгрозье звезды меркнут...
Вот над рекой затрепетал
Тревожный ветер. Словно беркут,
Кругами к тучам взмыл и сверху
Ударил вдруг по стрепетам.

Волна свирепая вставала.
На пенных гребнях нас несло,
Но твердо лодку направляло
Вразрез косматой пене вала
Твое упрямое весло.

Ты помнишь, друг, волна ребром
Нас в бездну бросила. Другая
Грозит! Но, веслам помогая,
Запела ты тогда о том,
Что любишь ты в начале мая
Грозу и первый вешний гром.

Волна ревела и вертелась,
Дивилась дерзости двоих...
Тебе же в бурю петь хотелось.
Ты поняла: я черпал смелость
И мужество в глазах твоих.

На берегу на сумрак зыбкий
Взглянула ты издалека,
И только здесь твоя улыбка
Тревожно дрогнула слегка.

Был вечер влажный, голубой...
Гроза прошла, вдали бушует,
Безвольный в берег бил прибой.
И самым крепким поцелуем
Я оценил поступок твой.

ХОДИТ ОСЕНЬ В ХОРОВОДЕ

По Сибири по богатой
Ходит осень золотая;
Ходит осень-сибирячка
В хороводе круговом.
Вместе с девушками ходит,
Славит праздник урожая,
Ходит осень, машет шитым
Жарким шелком рукавом.

Как махнет она направо —
Позолоту льет на травы;
Вот гусей на юг пустила
Из другого рукава...
Насыляет осень тучи,
Сыплет осень лист летучий,
А у темного у бора
Загустела синева.

Шьет красавица обновы
И калине, и осине,
Желтым пламенем березы
Звонкий утренник зажег,
И они глядятся в воду,
В зеркала студеной речки,
Где на зорях синий-синий
В тальниках блестит ледок...

Разостлала в луговине
Осень шкуры лис-огневок,
Соболей и горностаев
На зиму приберегла.
Не пора ли, зверобои,
Оглядеть замки винтовок,
На охоту, зверобои,
Собираться ль не пора?

Покажите, зверобои,
Чем еще Сибирь богата?
Не одним Сибирь богата
Тяжким золотом снопов;
Рудами богаты горы,
Широки лесов просторы.

А еще Сибирь богата
Синей проседью песцов,
Снежным мехом горностаев,
Переливом шкур собольих,
Черно-бурым, серебристым,
Драгоценным мехом лис...
Манит осень золотая
И уводит зверобоя
По тропинкам по таежным,
Рассыпает мягкий лист.

Выйдет парень к хороводу,
Оземь шапкою ударит
Да рассыплет под тальянку
По поляне стукоток.
А она его проводит
За таежный за порог,
А она ему подарит
Ярко вышитый платок.

В АТАКУ

Есть упоение в бою...

А. С. Пушкин

Пора! Гремит в разгаре боя
команда — ринуться вперед!
Отчизна красного героя
на подвиг доблестный зовет.

За жизнь, за все, что любим в жизни,
мы смертью смерть идем разить.
Вперед! Дано моей Отчизне
над миром счастье водрузить!

Правдиво пламенное слово:
«Есть упоение в бою».
Вперед!

Вперед,
за Родину свою.

Пусть гады-гитлеровцы вьются
в крови отравленной своей.
Пусть троекратно отольются
им слезы наших матерей!

Пора. Гремит призыв: — В атаку!
На правый бой! На грозный бой!
Добьем фашистскую собаку
атакой нашей штгыковой!

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ

За каждый колос, опавший
С твоих, Отчизна, полей,
За каждый волос, упавший
С головок наших детей;
За стон от боли жестокой,
Слетающий с братских губ,
Отплатим мы око за око,
Отплатим мы зуб за зуб.
Не быть рабыней Отчизне,
И нам рабами не жить!
За счастье свободной жизни
Не жалко голов сложить!
Отсюда наше бесстрашье
Начало свое берет.
Священна ненависть наша,
Расплаты близок черед!
Нет краше, страна родная,
Счастья — тебе служить,
Идем мы, смерть презирая,
Не умирать, а жить!

Сергей ПАПКОВ

ТРАГИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ 1937 ГОДА.

Из истории одного провинциального театра

Картина террора 1937—1938 гг. складывается из бесконечного множества драматических эпизодов. В ней причудливым образом переплетаются поразительные события и невероятные факты больших и малых трагедий: массовые операции против целых слоев населения и отдельных народов, ликвидация огромных вредительских организаций и узких заговорщических групп или отдельных граждан, захваченных волнами чисток НКВД. Финал всех этих «специальных операций», как правило, был один — быстрая, беспощадная и, по сути, бессмысленная расправа с реальными или вымышленными противниками сталинской системы. В некоторых случаях чекистские разоблачения «врагов» приобретали столь неожиданные формы, что абсурд и реальность, театральщина и настоящая смерть сливались в единую процедуру, придавая акциям уничтожения характер дикой фантазмагии.

В августе 1937 г., в ходе одной из самых грандиозных кампаний НКВД по «очистке страны от враждебных элементов», в Новосибирске сотрудники 4-го (секретно-политического) отдела управления НКВД во главе с К. К. Пастаноговым провели операцию по обезвреживанию террористической группы, которая, по их версии, готовила покушение на первого секретаря Западносибирского крайкома ВКП(б) Роберта Эйхе¹. Подобные «группировки» и «организации» вредительского толка вскрывались в этот период повсеместно — в каждом районе, поселке, на каждом руднике. Но эта «организация» отличалась от других своим необычным характером: все члены ее — четыре исполнителя и несколько «вдохновителей» — были представителями артистической и культурно-развлекательной сферы Новосибирска: руководителями городского театра «Красный факел» и управленцами из сферы культуры и искусства. Непосредственным организатором «группы» был директор театра Иван Станчич, а «членами» — его заместитель Яков Халипер, главный режиссер театра Фёдор Литвинов и помощник режиссера Наум Ратуш. Арестованные в августе Литвинов и Ратуш стали первыми давать показания, а в конце ноября 1937 г. к ним присоединились арестованные Станчич и Халипер.

О том, как протекало следствие по «делу террористов» и было ли оно вообще, по сохранившимся документам выяснить уже невозможно. На основании материалов, которые сфабриковали в УНКВД его начальники и сотрудники Миронов, Мальцев, Пастаногов, Корпулев, Плещов, Дымнов, Кострюков, можно

¹ **Эйхе Роберт Индрикович** — советский партийный и государственный деятель; 1890 г. р., урож. Курляндии. Чл. РСДРП с 1905 г. Работал в Сибири с 1922 г.: пред. Сибпродкома, зам. пред. Сибревкома, пред. Сибкрайисполкома. С 1929 по 1937 г. — секретарь Сибкрайкома, Запсибкрайкома, Новосибирского обкома и горкома ВКП(б). В 1937—1938 гг. — нарком земледелия СССР. Кандидат в чл. Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1935-го). В апреле 1938 г. арестован, подвергнут пыткам, в феврале 1940-го расстрелян.

установить лишь общий сценарий разоблачения «заговора», подготовленный и реализованный ими для достижения собственных целей. Все остальные детали этого «следствия», включая вопросы оперативников из НКВД, показания арестованных, обвинительное заключение и прочие материалы «расследования», играют исключительно условную роль. Их лживый характер очевиден от начала до конца. Поэтому ценность их состоит лишь в том, что в них отражаются оттенки тех криминальных игр, которые сопровождали действия спецслужб в кампании террора 1937 года.

Наиболее полно чекистская версия «театрального заговора» раскрывается в «показаниях» директора театра «Красный факел» Ивана Станчича, составленных в декабре 1937 г. следователем УНКВД по НСО Корпулевым. Согласно протоколу допроса от 4 декабря, директор Станчич — основной «заговорщик», проходивший по «делу», — в этот день полностью признал свою вину и изложил следствию все преступные замыслы «террористической группы».

Он рассказал о том, что контрреволюционная группа в театре «Красный факел» была создана им в 1937 г. «по заданию активного участника правотроцкистской организации Иордана²». *«В начале 1935 г., — показывал Станчич, — я встретился с ним на улице и был приглашен к нему в кабинет в Плановом институте, где он работал директором».* Обменявшись мнениями о внутривнутрипартийных делах и об отсутствии условий для свободного обсуждения и политической критики, собеседники перешли к теме террористической борьбы. *«Иордан спросил меня, могу ли я подобрать надежных людей в театре для выполнения ответственного задания? Он сказал, что в театре частенько бывает Эйхе и было бы неплохо убрать его с занимаемого поста, т. е. совершить террористический акт... Я сначала растерялся и был поставлен этим заявлением Иордана в тупик, но Иордан мне сказал: “Ты не волнуйся, это намерение и желание в отношении того, чтобы убрать Эйхе, не только мое и твое, а очень многих, и мы этим самым сделаем большое дело”. После этого я дал согласие. Иордан сказал, что мне необходимо создать террористическую группу из числа надежных лиц, которые бы обеспечили выполнение этого задания».*

Следователь Корпулев стал выяснять детали террористического акта и потребовал от Станчича рассказать, как и кем готовился план покушения на секретаря Эйхе.

Станчич отвечал: *«Литвиновым был предложен план убийства Эйхе путем организации искусственной катастрофы на сцене, каковую должны были подготовить он, Литвинов, Халипер и Ратуш. Катастрофу намечено было организовать следующим образом: к потолку сцены над столом президиума намечалось подвесить железную балку весом в 250—300 килограмм, которая для маскировки обертывается сценичным полотном. В условленное время блоки балки обрубаются, и балка падает на стол президиума. Такой план считался наиболее приемлемым, так как давал бы возможность совершившим теракт быстро скрыться от задержания, и этот план был одобрен Иорданом. <...> Выполнение плана приурочивалось к одному из торжественных заседаний в октябрьские или майские торжества. Но выполнить его не удалось, так как каждый раз НКВД производило тщательный осмотр здания театра, а из посторонних лиц во время торжественного заседания на сцену никто не допускался...»*

² Иордан Юрий Александрович — советский работник; в 1930-х — директор Новосибирского планового института; затем — зав. отделом народного образования Запсибкрайисполкома (КрайОНО). Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Здание театра «Красный факел»

Следователь потребовал затем назвать остальных участников организации, причастных к покушению на Эйхе. Протокол зафиксировал следующий ответ Станчича: *«В конце 1935 или начале 1936 года Иордан говорил мне, что зав. отделом по делам искусств Ганжинский³ также является участником правотроцкистской организации».*

После этого Станчич перешел к описанию «практической контрреволюционной работы» группы. *«В театре “Красный факел”, — отмечал в протоколе следователь, — нами неправильно расходовались гос. средства и допускались нарушения финансовой дисциплины. <...> Допускались факты засорения репертуара идеологически вредными пьесами: “Далькое” врага народа Афиногенова⁴ и “Большой день” врага народа Киришона⁵. Коллектив театра нами значительно засорен чуждым элементом: б. служившие в царской и белой армиях, выходцы из буржуазии, дворяне, осужденные в свое время за контрреволюцию; б. кулаки, антрепренеры и т. д.».*

В качестве одного из примеров вредительства своей «группы» директор Станчич назвал также реконструкцию театра и ремонтные работы, проведенные в 1935—1936 гг. Он отметил, что за этот период администрацией были потрачены очень большие государственные средства на строительство новой сцены, удлинение зрительного зала и другие виды работ, но качество ремонта и капитального строительства в итоге оказалось таким, что в театре многое пришлось переделывать заново.

По итогам чекистского «расследования» вскоре появилось обвинительное заключение (см. ниже), на основании которого предстояло вынести приговор.

³ **Ганжинский Лев Виссарионович** — советский работник; 1895 г. р., урож. с. Ягодная Поляна Озерской вол. Саратовской губ.; из семьи учителя. Образование н/высшее. В 1917—1920 гг. состоял в партии эсеров (ПСР). С 1920 по 1937-й — в рядах ВКП(б). На момент ареста — зав. отделом по делам искусств Новосибирского облисполкома. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁴ **Афиногенов Александр Николаевич** — советский драматург; 1904 г. р. Чл. ВКП(б) с 1924 г. В конце 1936-го подвергся нападкам, пьесы признаны идеологически вредными и запрещены. В 1937 г. исключен из ВКП(б) и Союза советских писателей. Репрессирован не был. Погиб в октябре 1941 г. во время бомбежки.

⁵ **Киришон Владимир Михайлович** — советский драматург; 1903 г. р. Чл. ВКП(б) с 1920 г., в 1937-м исключен. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

7 декабря 1937 г. тройка УНКВД по Новосибирской области приняла окончательное решение о судьбе каждого участника дела о «театральном заговоре». Четыре руководителя театра «Красный факел» — Иван Станчич, Яков Халипер, Наум Ратуш и Фёдор Литвинов — были приговорены к расстрелу с конфискацией личного имущества. В тот же день приговор привели в исполнение.

Расстрелян был также ряд руководителей учреждений культуры Новосибирской области, привлеченных к расследованию «дела» в качестве свидетелей. Реабилитация жертв этой расправы состоялась лишь спустя 20 лет — в апреле 1958 г.

В прилагаемом ниже документе воспроизводятся некоторые детали чекистского «следствия». Сохранены стилистические и орфографические особенности оригинального текста.

«УТВЕРЖДАЮ»
 ЗАМ. НАЧ. УНКВД по Н/СИБ. ОБЛ.
 МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ
 (МАЛЬЦЕВ) [подпись]

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(по делу № 19448)
ПО ОБВИНЕНИЮ:

СТАНЧИЧ Ивана Людвиговича,
 ХАЛИПЕР Якова Абрамовича,
 ЛИТВИНОВА Фёдора Семёновича,
 РАТУШ Наума Исаевича

по ст. ст. 58-6-8-11 УК РСФСР.

В августе — ноябре 1937 г. Управлением Государственной Безопасности УНКВД по Новосибирской области, в театре «Красный факел» г. Новосибирска была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная террористическая организация, возглавляемая быв. директором театра СТАНЧИЧ И. Л.

Проведенным следствием по делу установлено, что СТАНЧИЧ Иван Людвигович, быв. подданный Югославии, в 1935 г. по заданию активного участника к-р. диверсионно-шпионской организации ИОРДАН в театре «Красный факел» создал к-р. террористическую группу, в состав которой завербовал: быв. главного режиссера и художественного руководителя театра ЛИТВИНОВА Фёдора Семёновича, в прошлом почтово-телеграфный чиновник; быв. зам. директора театра горсада им. Сталина ХАЛИПЕР Якова Абрамовича, сын торговца.

Участником к-р. группы ЛИТВИНОВЫМ в том же году был завербован в к-р. группу быв. пом. режиссера по сцене, исключенный из ВЛКСМ РАТУШ Наум Исаевич (л. д. 21-22, 30, 31-36, 49-50, 58).

Участники к-р. группы вели активную подготовку к совершению убийства кандидата в члены политбюро ЦК ВКП(б), быв. секретаря Запсибкрайкома ВКП(б), ныне Наркома Земледелия Союза ССР тов. Р. И. ЭЙХЕ.

С этой целью последними на проводимых ими к-р. сборищах разрабатывался подробный план совершения террористического акта в момент нахождения т. ЭЙХЕ в здании гортеатра.

Участником к-р. группы ЛИТВИНОВЫМ, совместно с РАТУШ, к толку сцены над столом президиума Горсовета, посвященного 19 годовщине Октября, была подвешена на канатах железная балка весом в 250—300 кг., обвернутая в сценическое полотно. В момент торжественного заседания плену-

Красный проспект, конец 1930-х

ма РАТУШЕМ канаты поддерживающие балку должны были обрезаться и тяжестью балки убить участников президиума и т. ЭЙХЕ.

Однако террористический акт не состоялся благодаря того, что РАТУШ Н. И. растерялся, не подрезав канаты поддерживающие балку, со сцены сбежал.

После этого участниками к-р. группы СТАНЧИЧ, ЛИТВИНОВЫМ, ХАЛИПЕР и РАТУШ вновь обсуждался вопрос о совершении террористического акта. Но выполнить его не удавалось.

Кроме того, СТАНЧИЧ, ЛИТВИНОВ, ХАЛИПЕР и РАТУШ вели к-р. вредительскую работу в области искусства и ремонта зданий театра. Пропагандировали авербаховщину⁶ защитой и постановками антихудожественных и антисоветских пьес ФИНОГЕНОВА⁷, КИРШОНА и др. и старых пьес, рассчитанных на сентиментальные или сексуальные вкусы публики, протаскивали халтурные постановки на сцену по своему содержанию, по форме декоративного оформления и игре артистов.

При постановке пьес классического репертуара они извращались формализмом, вносимым в самый характер постановки и игры пьес.

Ремонт здания театра в течение нескольких лет производился умышленно недоброкачественно, с затратой на него больших средств.

Работа горсада была поставлена исключительно плохо и культурные запросы масс не удовлетворялись.

Участники к-р. группы СТАНЧИЧ, ЛИТВИНОВ, ХАЛИПЕР и РАТУШ среди коллектива гортеатра распространяли к-р. клевету на ВКП(б) и советское правительство, пропагандировали идеи фашизма.

⁶ Термин от фамилии Л. Л. Авербаха, обозначающий левацкое направление в советской литературе и искусстве, официально осужденное в 1930-х годах; синоним воинственной и беспочвенной критики в советской писательской среде.

Авербах Леопольд Леонидович — 1903 г. р., советский литературный критик; один из основателей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Чл. ВКП(б) с 1920 г.; гл. редактор журнала «На литературном посту». Арестован в апреле 1937 г. Расстрелян.

⁷ Так в тексте (здесь и далее).

Руководитель к-р. группы СТАНЧИЧ И. Л. проводил шпионскую работу в пользу Германии и был связан с агентом германской разведки СТРОИЛОВЫМ⁸ (л. д. 19-28, 30-34, 36-37, 49-52, 58-65, 67-71).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

1. СТАНЧИЧ Иван Людвигович, 1899 г. рожд., урож. г. Брод, Югославия, по национальности хорват, гр-н СССР, до 1923 г. подданный Югославии, происходит из служащих, имеет незаконченное высшее образование (музыкальное). Состоял в ВКП(б) с 1930 по октябрь 1937 г., исключен за связь с врагами народа и развал работы театра. До ареста работал директором театра «Красный факел» г. Новосибирска.

В ТОМ, ЧТО:

1. Являлся агентом германской разведки, проводил сбор шпионских сведений, которые через шпиона СТРОИЛОВА передавал в германское консульство в Новосибирске.

2. В 1935 г. по заданию активного участника к-р. шпионско-террористической организации ИОРДАНА в театре создал к-р. террористическую группу, в которую завербовал ЛИТВИНОВА и ХАЛИПЕР.

3. Совместно с участниками к-р. группы проводил активную подготовку к совершению убийства кандидата в члены политбюро ЦК ВКП(б), быв. секретаря Запсибкрайкома ВКП(б), ныне Наркома Земледелия Союза ССР тов. Р. И. ЭЙХЕ.

С этой целью ЛИТВИНОВ и РАТУШ в ноябре 1936 г. в момент торжественного заседания президиума Горсовета, посвященного 19 годовщине Октября, была организована искусственная катастрофа на сцене.

На сцене театра над столом президиума была подтянута железная балка весом в 250—300 кг., обернутая в сценическое полотно, с тем, чтобы обрезать канаты, поддерживающие балку и тяжестью балки убить участников президиума и т. ЭЙХЕ.

Однако РАТУШ, которому была поручена обрубка каната, этого не сделал, растерялся и со сцены сбежал.

4. Не выполнив этот план, СТАНЧИЧ с участниками к-р. группы вновь обсуждали вопрос о совершении террористического акта над т. ЭЙХЕ, но выполнить его не удавалось.

5. Проводил к-р. вредительскую деятельность в искусстве, пропагандировал авербаховщину защитой и постановками антихудожественных и антисоветских пьес ФИНОГЕНОВА, КИРШОНА и др. и старых пьес, рассчитанных на сентиментальные или сексуальные вкусы публики.

6. Ремонт здания театра проводил умышленно недоброкачественно, с затратой на него больших средств.

7. Распространял к-р. клевету на ВКП(б) и Советское правительство, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал. Изобличается показаниями обвиняемых ХАЛИПЕР Я. А., ЛИТВИНОВА Ф. С., ГАНЖИНСКОГО Л. В., ЖУРАВЛЕВА В. В. и свидетеля ПУХНАЧЕВА В. М.⁹

⁸ **Строиллов Михаил Степанович** — 1899 г. р., горный инженер и изобретатель; в 1935—1936 гг. — главный инженер треста «Кузбассуголь». Арестован 21.09.1936. Проходил обвиняемым на показательном судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.). Приговорен к 8 годам ИТЛ. 08.09.1941 приговорен Военной коллегией Верх. Суда СССР к ВМН. Расстрелян 11.09.1941.

⁹ **Пухначев Василий Митрофанович** — в 1937 г. зам. директора Новосибирского городского клуба им. Сталина; был привлечен по делу как свидетель, давал показания о нарушениях финансовой и хозяйственной дисциплины в учреждениях массовой культуры и отдыха.

2. ХАЛИПЕР Яков Абрамович, 1903 г. рожд., урож. г. Цюрупинска, УССР, гр-н СССР, еврей, сын торговца, имеет среднее образование. До ареста работал зам. директора театра «Красный факел» г. Новосибирска.

В ТОМ, ЧТО:

1. Являлся активным участником к-р. шпионско-террористической группы в театре «Красный факел», в которую был завербован в конце 1935 г. СТАНЧИЧ И. Л.

2. Участвовал на к-р. сборищах группы, где разрабатывался план убийства кандидата в члены политбюро ЦК ВКП(б), б. секретаря Запсибкрайкома ВКП(б), ныне Наркома Земледелия СССР т. Р. И. ЭЙХЕ.

3. Был осведомлен о подготовке участниками к-р. группы террористического акта над т. ЭЙХЕ 6 ноября 1936 г. путем организации катастрофы на сцене театра.

4. Умышленно недоброкачественно в 1936—37 гг. проводил ремонт здания театра, на который затрачены большие суммы денег.

5. В 1937 г. сорвал выполнение программы сада им. Сталина как по строительству, так и художественному репертуару.

6. Распространял к-р. клеветнические измышления против руководителей партии и правительства, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал. Изобличается показаниями обвиняемых СТАНЧИЧ И. Л., ЛИТВИНОВА Ф. С., ГАНЖИНСКОГО Л. В., ЖУРАВЛЕВА В. В. и свидетеля ПУХНАЧЕВА В. М.

3. ЛИТВИНОВ Федор Семенович, 1895 г. рожд., урож. с. Красногоревка, б. Воронежской губ., русский, гр-н СССР, б. почтово-телеграфный чиновник. Имеет среднее образование, быв. главный режиссер и художественный руководитель театра «Красный факел» г. Новосибирска.

В ТОМ, ЧТО:

1. Являлся активным участником к-р. шпионско-террористической группы в театре «Красный факел», в которую был завербован СТАНЧИЧ И. Л. в середине 1935 г.

2. Завербовал в группу РАТУШ Н. И.

3. По заданию СТАНЧИЧ разрабатывал план и подготовил катастрофу 6/XI-36 г. на сцене театра с целью убийства кандидата в члены политбюро ЦК ВКП(б), б. секретаря Запсибкрайкома ВКП(б), ныне Наркома Земледелия СССР т. ЭЙХЕ, но катастрофа не произошла благодаря тому, что участник группы РАТУШ растерялся и данное ему задание не выполнил.

4. После того вновь принимал меры к организации террористического акта над т. ЭЙХЕ, но безрезультатно.

5. Пропагандировал авербаховщину защитой и постановки антихудожественных и антисоветских пьес ФИНОГЕНОВА, КИРШОНА и др. и старых пьес, рассчитанных на сентиментальные или сексуальные вкусы публики.

При постановке пьес классического репертуара извращал их формализмом, вносимым в самый характер постановки и игры пьесы.

6. Распространял к-р. клевету на руководителей партии и правительства.

7. Пропагандировал фашистские идеи, восхвалял Гитлера, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал только в принадлежности к к-р. группе, отрицает террористическую деятельность. Достаточно изобличается показаниями обвин. ЖУРАВЛЕВА В. В., ГАНЖИНСКОГО Л. В., СТАНЧИЧ И. Л., ХАЛИПЕР Я. А. и свидетеля ПУХНАЧЕВА В. М.

4. РАТУШ Наум Исаевич, 1914 г. рожд., урож. г. Житомира, гр-н СССР, еврей, сын торговца, имеет низшее образование. До ареста работал пом. режиссера по сцене театра «Красный факел» г. Новосибирска.

В ТОМ, ЧТО:

1. Являлся активным участником к-р. шпионско-террористической группы в театре «Красный факел», в которую был завербован ЛИТВИНОВЫМ.

2. По заданию участников к-р. группы СТАНЧИЧ и ЛИТВИНОВА должен был 6/ХІ-36 г. совершить катастрофу на сцене театра с целью убийства кандидата в члены политбюро ЦК ВКП(б), 6. секретаря Запсибкрайкома партии, ныне Наркома Земледелия СССР т. Р. И. ЭЙХЕ, растерялся и задание не выполнил.

3. Распространял к-р. клевету против руководителей партии и правительства, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя не признал. Изобличается показаниями обвин. СТАНЧИЧ, ХАЛИПЕР, ЛИТВИНОВА, ЖУРАВЛЕВА, ГАНЖИНСКОГО.

Настоящее дело подлежит рассмотрению особой тройки при УНКВД по Новосибирской области.

Пом. Нач. Отд-ния 4 Отдела УГБ

Мл. Лейтенант Гос. Безопасности (КОРПУЛЕВ) [подпись]

«СОГЛАСЕН». Зам. Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД по Н/Сиб. обл.
Ст. Лейтенант Гос. Безопасности (ДЫМНОВ) [подпись]

СПРАВКА

Арестованные СТАНЧИЧ И. Л. и ХАЛИПЕР Я. А. содержатся под стражей в ДПЗ с 29/ХІ-37 г., ЛИТВИНОВ Ф. С. с 9/VIII-37 г. и РАТУШ Н. И. с 8/VIII-37 г.

Вещественных доказательств по делу нет.

Пом. Нач. Отд-ния 4 Отдела УГБ

Мл. Лейтенант Гос. Безопасности (КОРПУЛЕВ) [подпись]

**Новосибирский аэроклуб,
конец 1930-х. Плакат справа от входа
призывает к «революционной
бдительности»**

Валерий ЕГУДИН

«НАВЕРНОЕ, МНЕ ВЕЗЛО...»

Народный артист СССР Валерий Егудин (1937—2007) — один из самых известных солистов Новосибирского оперного, замечательный педагог и театральный деятель, возглавивший НГТОБ и областное отделение Союза театральных деятелей в тяжелое постперестроечное время. Эти записки он написал незадолго до своей безвременной кончины.

Взявшись за перо с намерением рассказать о себе, своем поколении, родителях, учителях, друзьях, коллегах, о профессии, — я, наверное, впервые понял, как это непросто — доверить бумаге себя. Я думаю, что пишущие люди это хорошо знают и умеют быть откровенными и с собой, и с нами, читателями.

Эти события, мысли, эмоции мне не надо специально вспоминать: они всегда, оказывается, сидели во мне, но вот на бумаге они совсем не такие, как в памяти...

Эвакуация. Как я стал сибиряком

...Почему-то всплывает в памяти пыльная дорога, кювет и я, сидящий на краю кювета и смотрящий на бесконечный поток людей и машин, движущихся куда-то. Тогда я думал, что на базар: по-видимому, другой ассоциации у меня не возникало при виде такого множества народа.

Еще всплывает в памяти крик матери: «Война!» Она роняет из рук тряпку и бежит в сад сообщить родственникам страшную весть, только что услышанную по радио.

Я вспоминаю большой таз, полный чернослива, и вкусно пахнущее варенье; большую каменную сову с лампочкой внутри; себя, перебегающего утром досыпать в кровать к тетке. Помню испуганное лицо матери, вбежавшей в комнату, и себя на ее руках в толпе народа, и все куда-то спешили, бежали, а затем стояли и смотрели в небо, что-то обсуждали, а небо красиво светилось белыми полосками света.

Помню вагоны, много вагонов; мне нравилось ехать, спать всем вместе...

Помню мать, разбивающую кружкой лед в ведре с водой в комнате, где мы жили во время эвакуации.

Помню свой первый детский сад и свою первую любовь. Мы сидели в песочнице и касались друг друга руками.

Не могу вспомнить, когда я запел в первый раз, но помню, что пел я часто, настолько часто, насколько меня просили взрослые. Пел, стоя на стуле или табурете, — о ночи, которая «легла между нами», о руке на погоне, о синем платочке; взрослые плакали, а мне нравился процесс. В детском садике я участвовал во

всех праздниках и пел про трех танкистов, про солдата, вернувшегося с фронта, про всяких мишек и зайчиков.

В школу я пошел в восемь лет. Мать воспитывала меня одна, и ей, наверное, было проще, когда я в садике. Об отце она не вспоминала, а у меня такой потребности не возникало, мне с ней было хорошо; я не пропускал ни одной гулянки, а во время годового отчета спал в бухгалтерии, так как мать работала бухгалтером в тухучастке.

Как-то утром, открыв ставни в комнате, где мы жили, мама вбежала в комнату, схватила меня в охапку, стала целовать, приговаривая: «Всё! Конец! Войне конец!» Так я понял, что где-то кончилась война. На улицах все друг друга целовали, обнимали, нам тоже было весело.

Технический участок — это предприятие по обслуживанию судоходства на реке. Поскольку мать была линейным бухгалтером, ей приходилось часто плавать и выдавать бакенщикам продукты. О, это была лучшая пора в моей детской жизни! Мы жили на барже, которая называлась «плавлавкой». У нас была на ней каюта. Баржу тащил газоход, который назывался «Джой»; топливом для его машины служил газ, который добывался путем сжигания дров в бункере, отсюда и обиходное название — газоход.

На газоход постоянно работала пила, готовя дрова определенной длины, их называли «чурочками», поэтому наше путешествие по реке сопровождали звуки циркулярки.

Колеса «Джоя» лупили по воде, и наш караван, двигаясь по реке, давал бакенщикам еду и свет. Вой сирены извещал о нашем появлении, и с берега, дружно налегая на весла, к нам приближалась лодка с одним или двумя гребцами и старшим, сидевшим за рулевым веслом. Капитан «остоповывал» машину, лодка чалилась к барже, и мать, главный человек на барже, записывала в толстую книгу, сколько чего получали люди. Это были мука, соль, сахар, керосин... Я крутился рядом, меня угощали рыбой, ягодой, грибами, копченым мясом. Иногда собиралось несколько лодок, и взрослые разговоры были для меня мощным источником информации о войне, о любви, о жизни. Когда взрослые решали, что тот или иной разговор или анекдот не для моих ушей, меня отправляли погулять. Я шел на нос и, глядя в воду, кидал камни, заранее припасенные мной именно для этой цели. Однажды, чтобы быть поближе к воде, я залез в одну из лодок. Наклонившись через борт лодки, подставляя руки под струи воды, я не заметил, как соседняя лодка сблизилась с моей, и моя голова оказалась зажата между бортами. Струи брызг мешали дышать, кричать я не мог. Упираясь руками в борт, я что есть мочи пытался оттолкнуть лодку и освободить голову. Сил не хватало, я извивался, как червяк на крючке; мне казалось, что вот-вот голова лопнет. Не знаю, сколько времени прошло, но для меня это была вечность. По-видимому, караван стал поворачивать, и лодки разошлись, освободив мою помятую голову. Убедившись, что никто из взрослых не видел моего позора, я самостоятельно залечивал ссадины, никому не смея сказать о произошедшем.

Бывало, оставив баржу у какой-нибудь деревни, «Джой» уходил на несколько дней «в разведку». Это были реки, на которых не было судоходства, и мы были первыми. Целые деревни выходили на берег — полюбоваться на «чудо». Я себя чувствовал героем и, на зависть деревенским пацанам, ходил по трапу туда-сюда, демонстрируя свою близость к «чуду». А «чудо», шоркая днищем по гальке, ломая свои деревянные весла-плицы, показывало технические достижения глубинке Советского Союза. Мы забирались в такие места, красота которых, казалось, никого не могла оставить равнодушным. Громадные поля белых лилий, утки разных мастей, степенно расплывающиеся от нас; сети,

забитые рыбой. А главное — люди, которые толпами приходили к нам, интересуясь техникой; многие видели такое огромное судно впервые, интересовались, как оно устроено, как там, на войне. Наш капитан и команда (я вспомнил фамилию капитана — Бацура) становились пропагандистами, и я очень гордился своей причастностью к таким умным людям.

Несмотря на то что мы жили вдвоем с матерью, я не ощущал тягот войны. Каждый день я получал молоко, в доме всегда был хлеб. За печкой стоял мешок с мукой, я пил рыбий жир, макал в него хлеб, и было вкусно. На этом жиру готовились драники, пирожки; правда, при этом запах оставлял желать лучшего.

Мама

Я помню свою мать как активного человека. Она участвовала в разных комиссиях — по организации праздников, встреч и т. п. На больших крытых саях мы ездили на хлебозавод и получали хлеб на коллектив. Лошадей не было, в сани впрягались люди, я тоже помогал. Я помню этот горячий, черный, вкусно пахнущий хлеб, с легко отделяющейся коркой, раздачу которого доверяли не каждому. Мать его делила, я ею гордился и понимал, что она уважаемый человек; мне иногда доставались корки, которые некуда было пристроить.

Вспоминая школу, я вспоминаю обиду на учительницу, которая в диктанте неправильно произносила слова; сейчас я понимаю, что она хотела проверить наши знания, но тогда... Я просто не мог поверить, что можно говорить так неправильно, и специально писал, как она диктовала, надеясь оказаться самым умным в классе. В результате получил первую двойку. До этого я был отличником.

Чтобы не отличаться от своих товарищей по школе, выходя из дома, я снимал калоши, подвязывал к ногам припрятанные деревянные колодки — в них мы ходили по лужам и грязи, а ноги при этом оставались сухими. Друзья мои жили бедно, просто недоедали, и они помогали мне съесть мой обед дома. Мать никогда меня за это не наказывала. Она, правда, не знала, что я помогал моим друзьям добывать пшеницу, воруя ее на зерноскладах. Занятие это было опасным. Амбары с зерном стояли на сваях, между полом амбара и землей был зазор, сквозь щели в полу зерно просыпалось на землю, где мы его и собирали. Правда, перед этим необходимо было проникнуть через забор, преодолеть полосу препятствий, охраняемую вооруженными людьми и собаками, которые бегали по проволоке; ну а дальше — дело простое. Залезая под амбар, мы на животе проползали огромные расстояния. От одного до другого склада перебежали и опять ныряли под пол. Здесь важно было не быть замеченными охраной во время перебежки. Собаки охраняли наружный периметр, на территории их не было. Набрав таким образом зерна в небольшие мешки, мы возвращались — опять через полосу препятствий. За все время такой «работы» в нашей компании потерь не было, но мы знали, что бывали пострадавшие. Иногда слышали выстрелы... Дома зерно мололи на ручных жерновах, и мы готовились к следующей вылазке.

Где-то далеко шла война, репродукторы на улице громко сообщали о событиях на фронте, в городе было много военных, раненых, искалеченных; нас, пацанов, тянуло к ним, интересно было услышать, «как там наши». Иногда перепало прокатиться на машине, поддержать винтовку или даже пистолет. Осенью на военных машинах техучасток выезжал на уборку зерна. Ездили и мы с мамой. Вязали снопы, вывозили их на ток. Пока взрослые работали, я общался с шоферами и уже знал, у кого и что барахлит в машине, сколько бензина в баке.

Помню, подошла пора ехать домой, и я залез в ту машину, где было больше бензина. Мать села в другую. Я устроил скандал — ревел, брыкался, сам себя не узнавая, и не сдавался, не хотел менять машину, хотя шофер другой машины мне понравился больше. Причина была проста: эта машина должна была заехать в районное село, отметить документы, а другая ехала напрямую, через гору — я просто хотел подольше покататься. Мать, глядя на мою истерику, махнула мне рукой, дескать, оставайся там — и перелезла в мою машину.

Было уже темно, когда мы подъехали к месту, где вторая машина должна была выехать на основную магистраль. Шофер осветил фарами траву, ища следы второй машины, но, по-видимому, не нашел; искать дальше ему не дали, все торопились домой, и мы поехали в город. Утром нас с мамой разбудил стук в ставни и крик: «Ольга, вставай! Наши разбились!» Оказывается, у машины, спускавшейся с горы, отказали тормоза. Кто был помоложе — выпрыгнули, а несколько человек погибли, погиб и шофер. Мы с мамой ходили в больницу, навещали искалеченных людей. Все они были мне знакомы. Помню красивого, веселого человека по фамилии Матвеев, мы с ним были друзья. Он еще несколько дней был жив, а затем скончался. Его смерть меня потрясла.

С любовью в школе мне не везло. Классе в третьем мы ходили в Дом пионеров на спектакль глухонемых детей. Сюжет пьесы — что-то близкое к «Щелкунчику». Девочка засыпает, а куклы оживают. Я, конечно, влюбился в героиню, это было что-то необыкновенное. Она так красиво двигалась по сцене, ее пластика была такой совершенной, что я не мог оторвать от нее глаз. Ее улыбка заставляла трепетать мое сердце, ее руки, говорящие с залом и с куклами, говорили со мной, у меня кружилась голова, а по телу прокатывались волны восторга. Закончился спектакль, я ждал у выхода предмет своего обожания. Сколько прошло времени — не знаю, но из здания уже никто не выходил. Возможно, я не узнал ее в бытовой одежде; возможно, они вышли из другого подъезда и были давно в своем «дед-доме» (так мне тогда слышалось), а я стоял и придумывал причину или повод, как с ней заговорить. Потом я часто ходил вокруг Дома пионеров, надеясь случайно ее увидеть, однако встреча так и не состоялась. Но чувство, испытанное мной на спектакле, осталось во мне на всю жизнь. Что-то подобное пришлось испытать еще раз, но это было гораздо позже, и я уже знал, что это такое.

Жизнь моя ничем не отличалась от жизни сотен ребятшек небольшого сибирского городка, каким был Минусинск в годы войны. Летом мы гоняли мяч, набитый тряпками, купались в протоке, ловили рыбу. Зимой катались на коньках, на самокатах по перволедью; самокаты мастерили сами, это простое устройство из трех коньков, доски и двух палок с гвоздями, чтобы отталкиваться. Пожалуй, самым мужским занятием была езда за машинами. Это было не совсем безопасно. Необходимо было зацепиться крючком за идущую машину, а дальше — получай удовольствие от скорости. В изготовлении крючков необходимы были «глубокие» знания сопромата и кузнечного ремесла. Очень удивлена была мамаина подруга, когда я появился у нее в городе Абакане, что находится в 25 километрах. Обратна она меня отправила на автобусе, предварительно вернув к жизни мои щеки и нос.

Мать меня, конечно, воспитывала, но больше всего меня огорчало, если она начинала плакать, а причиной этих слез был я. В основном мы жили с мамой дружно, и, когда в нашей квартире стал появляться высокий симпатичный мужчина, главный инженер техучастка, я принял это как должное. Мне казалось, что он меня почти не замечает, и был доволен, что мне не мешают жить... Вскоре у меня появился брат Юрий.

Мои «университеты». Вместо школы...

Мысль о поездке к тетке на Украину засела во мне давно. Возможно, она родилась после прочитанных книг или разговоров с друзьями, возможно, после увиденного в кино поезда, но я начал серьезно готовиться, собирая деньги.

К концу учебного года (я окончил пятый класс) у меня набралась сумма, по моим расчетам, достаточная для такого путешествия. Сказав, что я уезжаю к другу на несколько дней в деревню на покос, я поехал на Украину.

Мне повезло, в вагоне ехали солдаты, и я без приключений добрался до Москвы. Купив билет до Кото夫ска, почти весь день провел в метро, ел мороженое и был на вершине блаженства. Вечером мне стало плохо. Меня тошнило и казалось, что я теряю сознание. Посадку на поезд помню с трудом. Кто-то вел меня, я не мог нести свой багаж, его несли сердобольные женщины, мои попутчицы (хорошо, что я завязал с ними контакты до поедания мороженого). Тетка меня ждала, ей сообщила мама, узнав о моих намерениях от друзей.

Переезд к тетке в Котовск научил меня быть взрослым. Мне было 13 лет. Жили родственники трудно: муж работал шофером, тетка приторговывала на базаре, и скоро я без смущения расхваливал на рынке яблоки и виноград. Ходил на железнодорожную станцию собирать уголь, рассыпанный из вагонов при разгрузке или оставшийся не сгоревшим после чистки топки паровоза, мне это даже нравилось. Таких, как я, было много. Я продолжал учиться в школе, в пятом классе, но алгебра и геометрия были для меня за семью печатями.

Тетка в это время продала дом и переехала в Днепропетровск к еще одной тетке — я и не знал, что их у меня так много. Переезд покончил с моим обучением. Тетка и дядя Лёша, ее муж, занялись строительством дома, жили во времянке. Понятно, что места мало. У них было две дочери и я. Поэтому я пошел искать работу. Это оказалось не так просто. Мои аргументы, что у меня нет никого, что пойду воровать, если не примут, убедили чиновника, и вскоре я начал работать в тресте «Горкоммунжилстрой» учеником столяра. Учеба мне понравилась. Я работал на станках, старался, и вскоре мне стали доверять простую разметку, сборку. Делали мы окна, двери... Я получал 180 рублей в месяц, но они имели свойство быстро кончатся. Иногда меня подкармливал комендант общежития и его супруга (забыл сказать, что жил я в общежитии). Соловей — такая была фамилия у этой славной четы. Особенно они помогали мне, когда я лежал с порванным мениском. Убегая от контролера, я спрыгнул неудачно с трамвая. Эта травма достает меня всю жизнь.

Работать в столярке становилось все труднее: стали мучить головные боли, было трудно нагибаться — и я пошел к врачу за таблетками. Оказалось, что болезнь эта называется дистрофией, необходимо просто лучше питаться. Профсоюз выделил 50 рублей, понятно, что надолго их не хватило. Меня надоумили перейти в бригаду плотников, и вскоре я работал под началом Ивана Ивановича Шумакова. Это был мужчина под два метра ростом, с длинными, как у обезьяны, руками, матерщинник и удивительный рассказчик. Он никогда не был пьяным, хотя от него почти всегда пахло спиртным, о его похождениях ходили легенды. Во всех домах, где работала наша бригада, у него были женщины: по-видимому, он все умел делать хорошо. Его авторитет в бригаде был беспрекословным, а я его просто обожал.

Я зажил богаче. Мы ремонтировали жилье. Старый лес вязали в охапки и продавали в соседние дворы, это называлось «шабашкой». Дрова нужны были почти всем, и наш «бизнес» процветал. После удачно проведенных сделок бригада ходила в ресторан. Мне — мороженое, конфеты, алкогольных напитков не

давали, да я их и не хотел. Ко мне прилипла обидная кличка — Целочка, данная бригадиром.

Я купил выходной гардероб. Голова перестала болеть.

В общем, жизнь наладилась. В шестнадцать лет я получил паспорт и стал собирать деньги на обратную дорогу. Здесь, в Днепропетровске, меня застало известие о смерти Сталина. Я страдал со всем народом, ожидая нападения врагов на Советский Союз.

Когда вернулся домой, мать пришла в ужас, узнав, что я не учился все эти годы.

Я запел. Сначала просто от тоски

Срочно пошел в вечернюю школу восполнять пробелы в знаниях. Алгебру и геометрию вел прекрасный педагог, и эти предметы стали интересными для меня. Моя мечта была поступить в речное училище, но мать встала стеной на моем пути к воде. Пришлось поступить в Красноярский учетно-плановый техникум цветной металлургии. Техникум находился в Енисейске, где мы тогда жили. За время моего отсутствия в нашей семье произошло пополнение. Меня ожидало знакомство с моей сестренкой Татьяной. В енисейской жизни, пожалуй, самым знаменательным событием было начало певческой карьеры. Не знаю, как сложилась бы моя творческая жизнь, не поступи я в техникум.

Нас послали на сельхозработы. Девчата убирали овес, вязали снопы; парни работали на конных граблях, возили лес из тайги. Посылали на две недели, а прошел месяц. Начались заморозки. Домой не сбежать: знали, что собой представляет обратный путь, по этой таежной дороге мы возили лес. Гусеницы трактора полностью погружались в черную жижу, грязь гуляла и по кабине трактора. На санях сидели люди, и тракторист постоянно оглядывался, следил за санями, боясь их перевернуть. Однажды, когда объезжали очередную яму, сломанная береза пролезла между двигателем и кабиной и медленно двигалась к груди тракториста. Я смотрел назад. Повернув голову вперед, увидел, что сейчас этот кол войдет ему в грудь. Дико заорав, схватился за кол двумя руками и отвел его в сторону. Трактор остановился, кол вылез через заднее окно кабины. Меня трясло, воображение рисовало страшную картину, а счастью не было границ: я спас человеку жизнь. Из-за этого случая я стал героем бригады. Но больше всего мой «рейтинг популярности» вырос, когда я, сидя на нарах в большой армейской палатке, где мы жили, тихонько запел с тоски. Пение понравилось, особенно девочкам.

Вернувшись в техникум, я стал активным участником самодеятельности. Это был 1955 год. С Юрием Зеленским, коллегой по учебе, мы выучили на слух арию Жермона из оперы Верди «Травиата» и песню Петра из «Наталки Полтавки» Гулак-Артемовского. Дело в том, что Юрий играл на аккордеоне и знал эти произведения. С таким репертуаром мы и вышли на сцену. Не думаю, что это было хорошо, но это было начало.

Меня тянуло к классической музыке. Покупал пластинки с записями опер, бросал все свои дела, если по радио звучала оперная музыка. На сцене пел романсы, песни, запевал в хоре — о земле целинной, о Ленине, партии... Заканчивал я техникум в городе Абакане, куда его перевели в 1956 году. Культурную жизнь Абакана я бы назвал столичной — по сравнению с енисейской. Здесь находился старый драматический театр, где я не раз бывал в детстве. В каждом учебном заведении или на предприятии была хорошо организована художественная самодеятельность. В техникуме существовал вокальный кружок. Руководить им был приглашен Павел Александрович Зеленский. С за-

нятиями в этом кружке я и связываю свои первые успехи. Мы пели соло, пели дуэтом, у нас был квартет, который назывался «Четыре Ивана», он очень был популярен в Абакане, стал лауреатом многих конкурсов. Я читал стихи, играл в драматических спектаклях, был режиссером одноактной пьесы «Угар» (не помню автора). Эта пьеса на «Канском фестивале» получила диплом. В 1957 году мы знали только один «Каннский фестиваль», он проходил в Красноярском крае, в городе Канске.

Всемирный фестиваль молодежи 1957 года в Москве волнами разбежался по Союзу. Такая волна докатилась и до Красноярска. Я стал лауреатом этого фестиваля. Примечательно, что мне никто не мог прилично саккомпанировать арию Роберта из оперы П. И. Чайковского «Иоланта». Выходить на публику с плохим аккомпанементом было невозможно. На одной из репетиций я увидел, как на сцену поднимается человек, который показался мне знакомым. Поднимается, садится за фортепьяно... и я участвую в фестивале. Это был Шварцман, художественный руководитель Красноярской филармонии. Позже я вспомнил: в Енисейске, по разрешению моего отчима, он занимался на фортепьяно в детском садике техучастка. Мы жили рядом, и я часто слушал его игру, иногда он аккомпанировал скрипачу. Было приятно увидеть его свободным, ведь там, в Енисейске, он был ссыльным.

Диплом, направление и... решающий поворот

Окончив техникум в 1958 году, я получил профессию «техник-плановик». Направление дали в Новосибирск, где недавно открылась консерватория, — это и решило мою дальнейшую судьбу.

Меня мои коллеги по театру называли «везунчиком». В чем-то они правы. Мне действительно везло в жизни, но об этом позже. А пока... Каждый раз перед важным событием в жизни судьба как будто испытывала меня. Получив подъемные в размере 500 рублей от треста «Новосибирскуголь», куда я был распределен, я с трепетом в груди направился в свое будущее.

Стучат колеса поезда Красноярск — Новосибирск, я, счастливый, лежу на верхней полке, вдыхаю воздух самостоятельной жизни. Мне известно, где буду жить: мать через своих знакомых договорилась, чтобы мои первые дни не были уж совсем самостоятельными. Я должен был остановиться в семье Левиных. Прибыв в Новосибирск, нахожу улицу Журинскую. Встретили радушно, как своего. Лазарь Левин оказался актером театра «Красный факел». С благодарностью вспоминаю его и те дни, которые провел в семье Левиных. Знакомство с Лазарем позволило как бы изнутри увидеть театральный Новосибирск. Я побывал на спектаклях «Красного факела», познакомился с ведущими актерами того времени.

Придя в трест, я заявил о готовности приступить к своим обязанностям. При этом испросил разрешения попробовать поступить в консерваторию. Разрешение было получено. Консерватория находилась рядом, в двух кварталах от треста, но войти туда вот так сразу я не посмел. Само слово «консерватория» для меня ассоциировалось с чем-то очень умным, талантливым, привилегированным. Ведь я ничего не умел, кроме того, что как-то пел. Правда, в Красноярске я зашел в музыкальное училище — ради оценки моих возможностей. Там сказали, что в училище мне делать нечего, нужно поступать в консерваторию. Я был окрылен, но оптимизма хватило только до дверей консерватории.

Было, правда, еще одно обстоятельство, которое меня очень беспокоило. Вдыхая свежий воздух свободы на верхней полке вагона, я заработал отит и

плохо слышал не только музыку. Много позже от врача-фониатра я узнал, что у меня очень узкий ушной проход и малейшая простуда лишает слуха. Но тогда я не знал о своих недостатках и, явившись на следующий день на прослушивание к заведующей кафедрой Орловой, просто рукой оттягивал мочку уха вниз. На вопрос, почему я держусь за ухо, я ответил, что так привык. Не мог же я признаться, что не слышу из-за болезни. Я понял, что Орловой это не понравилось, но консультации для меня были важнее. Тем не менее после одной из консультаций я услышал предложение попробовать поступить в училище. «Благословенной записочки» для сдачи документов в приемную комиссию я не получил.

С разбитым сердцем отыскал музыкальное училище, но кроме дежурной там никого не было, прием уже закончился. Вернувшись в консерваторию, я бродил по коридорам, прислушиваясь, кто и как поет в классах. За этим занятием меня застал — я на всю жизнь запомнил его — Лёва Штабский, он поступал на дирижерско-хоровой факультет. Узнав, что я вокалист, он завел меня в класс и предложил что-нибудь спеть. Не обращая внимания на мои жалобы по поводу больных ушей, он ловит в коридоре пианиста, и я пропеваю ему свою вступительную программу.

Поступать я хотел на подготовительное отделение, мне необходимо было спеть два произведения. Пел я арию Жермона из оперы Дж. Верди «Травиата» и песенку Томского из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Пропев Лёве свой репертуар, я услышал его заключение: «у них (то есть в приемной комиссии) не поступает ни одного такого голоса».

— Иди срочно сдавай документы, не слушай никого.

Прием документов заканчивался через день. У меня не оказалось медицинской справки. Необходимо было за один день обойти всех врачей, но это нереально, сказали в комиссии. Все-таки я пошел в поликлинику, не очень надеясь на успех и ругая себя за то, что не сделал этого раньше.

Войдя в поликлинику, я растерянно шарил взглядом по дверям, выбирая, с какой начать. Пожилая сестричка подошла ко мне и поинтересовалась: «Чего тебе, миленький?» Обрисовал ей ситуацию. Она взяла меня за руку — и... через три часа я уже был в приемной комиссии, удивив всех своей прытью.

Настал день экзамена. Проснулся рано, с легкой головой и не сразу понял, что всё слышу. Это было счастьем, что не надо будет оттягивать ухо вниз и тем самым раздражать заведующую кафедрой свой «дурной привычкой». Не буду говорить о том, как мы все волновались. Достаточно сказать, что выступавший передо мной абитуриент упал в обморок. Я не сразу сообразил, что он падает: думал, что это какой-то актерский прием, но мои коллеги были сообразительней и подхватили его, не дав брякнуться со сцены вниз. После этого бедолаги — мой выход. Не помню, как я пел, наверное, не совсем плохо, потому что Орлова попросила спеть «большое арпеджио». Я вопросительно посмотрел на аккомпаниатора, не понимая ее просьбы. Олег Леонтьев, так звали моего пианиста, проиграл на фортепьяно то, что я должен был спеть, я тут же ему тихонько пропел, проверив, правильно ли выучил. Затем спел в полный голос; из комиссии попросили выше — я спел выше... На следующий день я не поверил сначала своим ушам (о моем поступлении мне сказали перед входом в консерваторию), а потом своим глазам: никак не мог найти в списке свою фамилию, пока мне в нее не ткнули пальцем.

Счастью не было границ!

Стояло жаркое лето. Вокруг все плавилось. Семейство Левиных поехало в Заельцовский санаторий навестить родственницу, меня тоже пригласили. В парке мы взяли лодку, переплыли через небольшую протоку на остров, решили по-

греться на песочке. Я большой любитель воды, но не позволял себе расслабиться, пока не поступил в консерваторию. Теперь же все можно, решил я, и поплыл к берегу. Доплыв, понял, что на берег выйти не смогу. Густая чаща из тальника, залитого водой, была непроходимой. Мне требовалось пройти вверх по реке, то есть одолеть расстояние, на которое меня снесло, когда я плыл в одну сторону, и сделать «запас», чтобы вернуться к лодке. Хватаясь руками за тальник, стал подниматься вверх по реке. Это оказалось не таким простым делом. Я выбился из сил и решил, прикинув расстояние, что хватит. Отдохнув, держась за тальник, пустился в обратный путь. До берега оставалось десяток-другой метров, когда мое сердце стало просто болтаться в груди, потеряв ритмическую устойчивость. Я пытался внушить себе, что все в порядке, при этом ложился на спину, руками массировал грудь, но все было напрасно, меня медленно проносило мимо острова. Я представил, как будут говорить о моей смерти матери, скажут: только что поступил в консерваторию — и вот такой конец... Перед глазами промелькнула вся моя жизнь и даже больше...

Я решил тонуть и стал медленно опускаться в глубину. Вдруг мои ноги коснулись песка, я попробовал их вытянуть и — встал. Меня спасла коса, которая тянулась от острова далеко вниз по реке. Медленно брел к берегу, иногда помогая себе руками. На берегу меня вырвало. Немного отлежался и пошел к лодке. Меня давно ждали, мы поплыли домой. Мне пришлось в лодке еще и грести: не мог же я рассказать женщинам, какой у меня был отдых...

Итак, я — студент консерватории! Да нет, пока не студент. Не мог признаться даже себе, что я пока не студент, а всего лишь «подготовишка». Стоял на лестнице и ждал появления своего профессора. Вот это он, я сразу догадался. Он медленно, степенно преодолевал марш за маршем, весь такой светлый, красивый, внушительный, с белой седой головой, в светлом пиджаке, темной рубашке с ярким галстуком. Почему-то я его запомнил именно таким на всю жизнь. Александр Павлович Зданович — так звали человека, давшего мне путевку в жизнь.

Вспоминая об Александре Павловиче, не могу отделить его имя от имени его супруги, Лии Яковлевны Хинчин. Эти два человека повлияли не только на мою судьбу. Они создали вокруг себя микроклимат познания, если можно так выразиться. Я подружился с ученицами Лии Яковлевны, они были «теоретиками», а это, как известно, самые умные студенты, и я умнел около них. Да, мне повезло. Александр Павлович и Лия Яковлевна жили в консерватории, ожидая квартиры, и мы занимались в любое свободное время. За короткий период, при таких интенсивных занятиях, я сделал довольно приличные успехи. Это я могу сказать сейчас, глядя сегодня на того себя — еще молодого и неопытного. Более десятка арий баритонального репертуара, большое количество камерной литературы пел я на уроках с моими педагогами. Сегодня я понимаю, что тогда прикидывали возможность моего участия в каком-либо конкурсе. По мере занятий стал замечать, что мне легче петь более высокую тесситуру. Прозанимавшись полтора года со мной как с баритоном, педагог начал готовить меня к поступлению на первый курс как тенора. И в 1960 году я был зачислен.

Не все было гладко в этом переходе, хотя многого я тогда не понимал. Сегодня, имея опыт педагогической работы, я знаю, как не просто дается такой переход. В этом переходе я потерял красоту тембра, в голосе появилась напряженность. Помню, как мой первый концертмейстер, Ника Свешникова, сказала мне доверительно, что баритоном я ей нравился больше. Я также не забыл, как после одного, как казалось, удачного выступления, это было еще в самодеятель-

ности, я подошел к шоферу и спросил, как ему понравилось мое пение, на что он мне ответил: «Хорошо, но громко». А много позже мой друг Эдуард Корасев бросил в мой адрес реплику: «Громко, но противно». Я вспомнил того шофера и даже не обиделся на друга. Со всеми этими недостатками, да и не только с этими, мне предстояло бороться всю свою творческую жизнь... Выбирая эту профессию, мы все, поющие, обрекаем себя на пожизненное учение, вечное самокопание, и находим искупление в счастье владения голосом.

На сцене Оперного

На втором году обучения, я запомнил этот день — 25 февраля 1962 года, я был принят в Оперный театр. В театре планировалась премьера нового советского спектакля — оперы Магиденко «Тропую грома». Режиссер спектакля Эмиль Пасынков набирал молодежь. Вот тогда-то Александр Павлович и привел в театр своих учеников, среди них был и я. Не знаю, из каких соображений мне дали партию Проповедника. Эту партию пел солист оперы Степан Вах. И вот теперь я. Надо сказать, что в театре я работал с 1958 года — в качестве артиста миманса (мимического ансамбля. — *Ред.*). Я выходил во многих спектаклях, изображая народ, слуг и т. д. Участвовал в премьере балета Минкуса «Баядерка», на меня даже был шит костюм. Через много лет я его увидел вновь, и в душе что-то дрогнуло, когда прочитал свою фамилию на изнанке костюма. Сейчас, когда пишу эти строки, в памяти всплывают мои первые учителя сцены: Феликс Браузерман, Григорий Кольмин, под руководством которых я делал первые шаги артиста миманса и «лепил образы» на этой огромной сцене.

Теперь я ходил по театру в новом качестве — солиста оперы, хотя и был в стажерской группе.

Партию Проповедника я выучил быстро, на сценических репетициях в классе освоил образ старика негра. Прошла премьера, на ней пел Степан Вах, затем очередь дошла до меня.

Герман — В. Егудин, Графиня — Л. Мясникова.
Опера «Пиковая дама» П. И. Чайковского

Как часто бывает в театре, мне не хватило времени на оркестровую репетицию, не было репетиции на сцене. Каково это человеку, никогда не певшему с оркестром и вообще не певшему в опере! Надо ли говорить, как я волновался, выйдя на огромную сцену, где мне предстояло, проходя мимо домика сестры Сварц, поймать вступление дирижера и запеть: «Здравствуйте, сестра Сварц! Волнуетесь, наверное, ведь сын приезжает, и какой сын!» Я на дрожащих ногах спускаюсь с высокого пандуса и, проходя мимо сестры Сварц (народная артистка СССР Л. В. Мясникова), не узнаю музыки: в оркестре она не так звучит, как на фортепьяно. Дирижер вообще где-то очень далеко, и такой маленький, что я не могу понять, кому он там машет. Тихо спрашиваю у Лидии Владимировны: «Мне вступать?» Она мне: «Нет, подожди, еще рано... вот теперь». Я увидел дирижера и его жест, обращенный ко мне, и запел... Дирижером этого спектакля был прекрасный музыкант Израиль Гильевич Чудновский. Вообще в театре того времени работало несколько прекрасных дирижеров, таких как М. А. Бухбиндер, Н. Г. Факторович, А. И. Жоленц.

Я спел ряд небольших партий в «Борисе Годунове», в «Царской невесте», но мой звездный час начался после премьеры «Клопа», на музыку Лазарева, по Маяковскому, где я спел Олега Баяна. Нас было два исполнителя, но мой партнер не справился с довольно трудной партией, и я пел один. В этой опере был ряд прекрасных попаданий певцов. Присыпкин — Юрий Саков, Босой — Михаил Райцин, прекрасные торговцы на базаре — Иосиф Штрайфель, Степан Вах, Маргарита Аврорская и другие.

Позже был снят фильм, который не один раз показывали по всесоюзному телевидению; жаль, что он не сохранился. Вообще театр того времени называли лабораторией советского оперного искусства. О нем много писали, и он заслуживал внимания. Им руководили люди, принесшие славу не только нашему оперному театру, но и всему оперному творчеству России. Такие, как Роман Тихомиров, Лев Михайлов, Эмиль Пасынков, Семён Штейн. Это если говорить о режиссерах. Художники Иван Севостьянов, впоследствии главный художник

Каварадосси — В. Егудин, Тоска — З. Диденко. Опера «Тоска» Дж. Пуччини

Мариинки, Альбин Морозов — после ухода Севостьянова стал главным художником нашего театра и моим другом на долгие годы, Анатолий Крюков, с которым я тоже дружил (затем он уехал в Саратов главным художником).

Уж если я вспомнил моих друзей, то следует, конечно, в первую очередь назвать Владимира Иванова. Помню, как в первый год моей работы в театре в зале во время репетиции ко мне подошел главный машинист и спросил: «Ты не охотник?» Я ответил, что да, но у меня нет ружья. Вскоре под руководством моего нового друга я приобрел свое первое ружье. Наша дружба с Владимиром Николаевичем Ивановым прошла испытания многими десятилетиями. Сегодня его нет рядом со мной, но в моей памяти он всегда.

Пуще неволи. Отступление первое

— Вечером садимся на поезд до Кокошино. Ночью пересадка на пихтовскую ветку. Этот поезд идет до Пихтовки, с остановками на многих станциях, стоящих в потрясающих охотничьих местах, здесь и косач, и заяц — и вообще колоссальные места для охоты! — так убеждал меня мой друг Владимир Иванов, агитируя на очередную вылазку.

Для такого вояжа нам необходимо было два дня. Планируя очередную охоту, мы рассуждали так: «Вечером садимся на поезд, идущий на запад. Часа через четыре мы в Кокошино. Поезд на Пихтовку отходит часа в два или три ночи. Выходим на «92-м километре», это часов шесть пути, к тому времени должно быть светло. Надеваем лыжи и вперед; весь день охотимся, необходимо найти ночлег в поселке. Утром поезд идет из Пихтовки в Кокошино, а уж от Кокошино до Новосибирска что-нибудь да подвернется. Здесь много поездов. Вечером мы дома, и даже можно успеть на работу, если она вечерняя».

У меня никак не получалось со временем. Занятость в репертуаре не позволяла осуществить наш план. Первыми такой вояж совершили Владимир Николаевич и Альбин Иванович Морозов.

Альбин, наш главный художник, — заядлый путешественник. Он и охотник, и рыбак, но главная цель его путешествий — природа. Мы часто видели в новых театральных спектаклях узнаваемые места наших путешествий. Например, в «Онегине» слушатели овацией встречали осенний сад — это были желтые березы. Или тайга в «Чародейке»! Мы, друзья Альбина, узнавали знакомые нам пейзажи и гордились своей причастностью к морозовским фантазиям.

Наконец, все совпало, и мы с Ивановым едем на «92-й километр» кокошинской ветки. Оставив пожитки у лесника, где уже ночевали Морозов с Ивановым, мы вышли на промысел. Заячьих следов было много. Они начинались прямо за домом. Такое ощущение, что у них тут была свадьба. Но зайцы не сидели и не ждали нас, и мы двинулись дальше в надежде поднять их с лежки. На рыхлом снегу даже мои широкие лыжи, обтянутые камусом, не держали меня, и я по колено проваливался в снег. Обходя очередной околок, подняли стаю косачей. Стрелял Иванов, я шел за ним и не мог стрелять. Один косач упал, но Владимир поднял руку, и я стоял не шевелясь. Он сделал очередной шаг, и из-под снега поднялась еще пара. Теперь представилась возможность выстрелить мне. Со второго выстрела попал и я. Собрав дичь, решили перекусить. Лыжи служат лопатой и удобным сиденьем, особенно мои. Сидеть на шкуре, снятой с голени оленя, теплее, чем на деревяшке. Эти лыжи я купил в магазине в Туруханске. В Новосибирске они были в диковинку, вызывая зависть у местных охотников.

Вода закипела быстро. Бросили пельмени, тогда они были по-настоящему домашние. Отдохнув, двинулись дальше. В одном месте подняли зайца, но про-

махнулись. Возвращались санной дорогой (по ней вывозят на волокушах стога сена). Справа и слева дорогу ограждали высокие валы снега. Так, двигаясь в снежном тоннеле, мы подошли к поселку. Примерно в километре до первых домов я заметил впереди большую собаку. Перед поселком она исчезла.

В доме нас ждала картошка с салом, соленые грибочки, капуста, огурчики, — в общем, все намекало, что не хватает бутылочки, и она не замедлила появиться из наших рюкзаков. Ужин получился славный. Я спросил у хозяина, кто в поселке держит овчарку, которая бежала впереди нас.

— Овчарок у нас нет, — сказал он, — это, скорее всего, был волк.

Я понял, что на дороге действительно был волк, он не хотел лезть на высокий отвал и бежал впереди нас. Засыпая, я представил себе, как мог бы привезти домой шкуру волка...

Нам так полюбился «92-й километр», что в следующий раз нас не остановил холод, обещанный гидрометцентром. Пересев в Кокошино на пихтовскую ветку, мы, как всегда, залезли на третью полку досыпать, предварительно попросив проводника разбудить нас на нашей остановке. Засыпая, мы с Ивановым думали, что будем делать, если мороз будет за сорок. Одеты мы были легко для ходовой охоты. Решили: приедем — будем думать.

Проснулся я от толчка. Поезд начал двигаться.

— Где это мы? — толкнул я Иванова.

Он посмотрел в окно и не определил. Пришлось слезать с полки и искать проводника. Он спокойно объявил:

— Проехали «92-й километр».

Мы набросились на него:

— Почему не разбудил?!

К машинисту по вагонам не пройти, а следующая станция — через двадцать километров. Ничего не оставалось, как ехать дальше, до первой остановки поезда. На остановке я сбегал к паровозу, но даже за две бутылки (водка была тогда в дефиците) машинист отказался ехать назад. Вернувшись в вагон, я понял, насколько холодно на улице. Мои щеки и нос побелели, и их пришлось оттирать.

Решили ехать до Пихтовки, а затем пытаться вернуться в Новосибирск. Мысли об охоте пришлось оставить. Узнав, где можно пообедать, мы быстрым шагом двинулись к цели. Столовая-ресторан оказалась не близко, и мы поспешили, чтобы успеть до перерыва. Заказали по четыре порции пельменей, решили согреться и принять чего покрепче. Разливая водку, поняли, что на улице за сорок: она, «родимая», загустела. Не очень приятной новостью оказалось и то, что уже три дня не ходит автобус до Кольвани: пурга перемела дорогу.

Пытаясь оправдать свое присутствие в столовой, мы накололи дров и вообще пытались понравиться женщинам, хотя нас, похоже, и без этого не собирались выгонять на улицу. В наших охотничьих походах мы с Владимиром не раз попадали в ситуации, когда приходилось проситься на ночлег, и нас пускали незнакомые люди. Деревенские жители всегда отличались добротой. Не дадут пропасть и сейчас, надеялись мы. Пришедшая с обеда повариха сообщила, что нам повезло: в Кольвань идет машина.

Вскоре к столовой подошел «черный ворон», два его ведущих моста гарантировали проезд по заносам. Оказалось, что в Кольвань необходимо было доставить преступника. Нам предлагалось поехать с ними на местах охранников. Сопровождающий сел в кабину, а мы залезли в железный ящик, бросив под себя немного соломы. В двери не было стекла. Все это я разглядел немного позже, когда понял, что моя одежда не для таких поездок. Часа через полтора мы с

Ивановым были убеждены, что погорячились. Глядя на своего синего друга, я понимал, что и я не лучше. Нам казалось, что эта дорога никогда не кончится. Губы не шевелились, я не мог произнести «спасибо», когда прощались с нашими милиционерами.

В комнате, служившей автовокзалом, народ стоял плотной стеной. Пока мы пробирались к заманчиво теплой «голландке», услышали о себе много интересного. Наконец руки коснулись теплого металла.

— Проходите в автобус! — Это приглашение нас не порадовало: снова на мороз, и мы решили, что поедем следующим автобусом.

Комната опустела. Мы остались вдвоем у теплой печки. Казалось, ничто нас не сможет оторвать от нее. Но мерзкий голос заорал:

— Чего вы здесь ждете, автобусов больше не будет!

Мы с трудом залезли в заднюю дверь. Автобус тронулся. «Да, это везение», — подумал я, увидев, что заднего стекла нет. Садясь в троллейбус на автовокзале в Новосибирске, я не мог достать деньги, Иванов тоже. Кондуктор махнула рукой и отошла. В троллейбусе люди с удивлением наблюдали, как я умею громко стучать зубами.

На следующий день, встретившись в театре с Ивановым, мы делились впечатлениями. Владимир Николаевич сказал, что Рида заплакала, увидев его. Рида, или, вернее, Ариадна Михайловна, заслуженная артистка России, певица, была женой Иванова. А я ему поведал, что теплая вода в ванной замерзла, когда я в нее лег. На удивление, никто из нас не подхватил даже насморка.

Голос — инструмент непростой

После премьеры «Клопа» на меня стали смотреть как на тенора, способного петь более сложный репертуар.

Все свои партии я проходил с педагогами в классе. Лия Яковлевна заставляла учить не только свои строчки. Я знал партии и своих партнеров, что очень помогало мне ориентироваться на сцене. Помню, на гастролях в Томске вводили сопрано в партию Наташи в опере «Русалка» А. С. Даргомыжского. Бас, певший Мельника, не отличался твердым знанием партии. Наше трио готово было развалиться, вот тут-то мне и пригодились знание партий. Я про себя пел партии моих коллег, вслух — свою и помогал Наташе сориентироваться в музыке. В антракте услышал слова благодарности от Алана Исааковича Жоленца — дирижера, скупого на похвалу.

Запомнились мои первые гастроли в Москве. Я пел Васю в опере Г. Иванова «Алкина песня». Партия несложная, и я, распеваясь перед спектаклем, баловался, пытаюсь доказать, что могу петь рядом с нотами. Это было непросто — играть одну ноту, а петь на полтона выше или ниже. Мои коллеги смеялись, мне тоже было весело. Пора на сцену, мой выход, я открываю рот и — о, ужас! — не могу взять ни одной ноты, связки не подчиняются... Меня заменили. Врач, заглянув в горло, обнаружил страшный отек гортани. А впереди — спектакль «Война и мир» С. Прокофьева, где я должен петь Пьера Безухова, и заменить меня некому. С помощью врачей Большого театра мне с трудом удалось привести себя в форму к спектаклю. Я гадал: что могло так разрушить мой голос? У меня никогда в жизни не было аллергии, ни до спектакля, ни после. Недаром говорят: «Баловство не доводит до добра». Я просто расстроил свой голос фальшивым пением, не давая ему правильно звучать. Больше проверять свою теорию я не стал, хватило одного раза. Я спел «Войну и мир», спектакль прошел успешно. Дирижировал спектаклем Арнольд Кац, режиссером был Семён Штейн.

Предстоял еще один спектакль — «для критики». Все немного волновались — все-таки Москва! Вот и спектакль. Подошла сцена, где я должен признаваться в любви Наташе Ростовской. Я вышел — и начал свое ариозо... После первой фразы понимаю, что забыл все остальные слова... Спектакль шел без суфлера, я моментально взмок и начал сочинять. Где слова не укладывались в музыку — я сочинял музыку. Допев до конца музыку Прокофьева и свою импровизацию, на ватных ногах ушел за кулисы. Сил не было, я сел, обливаясь холодным потом. Никто в зале не оценил мое творчество, потому что никто его не заметил. Пожалуй, только Арнольд Михайлович, пытавшийся вначале из-за пульта артикуляцией подсказать слова. Вскоре, поняв бесполезность своей затеи, он махнул рукой на меня и на мой героический монолог.

Вспоминая этот период моей жизни, помню себя постоянно озабоченным состоянием своего голоса. Приходилось много петь. В консерватории — уроки по специальности, камерный класс, в театре — репетиции, спектакли. Тем не менее назначение на партию Германа в опере Чайковского «Пиковая дама» меня окрылило. Как же, такое доверие! Я тогда еще не знал, на что себя обрекаю. Не все получалось вокально. Партию я учил и в классе с педагогом, и в театре с концертмейстером. В финале первого акта не получалось «си». Помню, как Александр Павлович раз за разом брал эту ноту, а я не мог повторить. Как-то, разозлившись на себя, я в шутку передразнил его и легко спел это злополучное «си». Понятно, что спеть одну ноту — это далеко не вся партия, считающаяся одной из самых трудных в вокальной литературе. От певца требуется умение распределить свои силы на всю оперу. По-моему, у Левика, в «Записках оперного певца», я прочитал, что чистого пения у Германа пятьдесят минут, это одна из самых продолжительных партий для тенора. Спеть от начала до конца — это еще не все. Каждый раз, проходя партию, необходимо включиться эмоционально. Сегодня, говоря о Германе, я могу сказать, что эта партия на всю жизнь. В ней постоянно можно находить новые нюансы, помогающие раскрыть «второе дно».

При подготовке любого оперного или балетного спектакля формируются два или три состава основных исполнителей. Случилось так, что я остался один на все составы. С одной стороны, это льстило моему самолюбию, а с другой — моего голоса на все не хватало. Я уставал, и эта усталость накапливалась. К прогонам я подошел почти без голоса, но скоро премьеры, отступать некуда. Спев премьеру, я заработал кровоизлияние, а затем отсложку на связке. Для меня это был

удар. Мне казалось, что встал вопрос о профессии.

Хозе — В. Егудин,
Кармен — А. Бубнова.
Опера «Кармен»
Ж. Бизе

Меня прооперировал врач-фониатр Понтохин. Это был первоклассный врач, много практиковавший за рубежом. Он посмеялся над моими опасениями остаться без голоса. И действительно, все обошлось благополучно. Я получил бесплатную путевку в Крым и полностью восстановил голос. С тех пор я всегда помнил о своей уязвимости.

Шел 1964 год, я был на четвертом курсе. Театр вновь обратился к «Пиковой даме» Чайковского. Я пел Германа. Это принесло массу неприятностей моим педагогам и художественным руководителям спектакля. На Российском вокальном методическом совете Н. Д. Шпиллер говорила о том, что непозволительно использовать молодых певцов в столь сложном репертуаре. Хорошо, что она не знала о последствиях этого использования.

Как ни тяжело далась мне «Пиковая дама», но опыт, приобретенный на ее постановке, трудно переоценить. Во-первых, это работа с такими мастерами, как М. А. Бухбиндер, Э. Е. Пасынков. Перед нами стояла задача скупыми мизансценами добиться максимальной выразительности. Шел тщательный отбор движений, Эмиль Евгеньевич пытался очистить оперу от многолетних штампов, Михаил Александрович добивался максимальной музыкальной выразительности. Черно-белый цвет сценографии художника Дорера подчеркивал аскетичность постановки. Спектакль вызвал бурное обсуждение общественности. Появился ряд публикаций «за» и «против» спектакля. Обком партии не прошел мимо этого события. В один из дней собрались сторонники и противники спектакля, чтобы решить в конце концов, «что такое хорошо и что такое плохо». Я не буду разбирать это обсуждение, на фоне наших современных спектаклей это просто «детский сад». Главное, что в конце всех разговоров меня приглашают пройти к первому секретарю обкома партии. Все знали, что Фёдор Степанович Горячев любил оперу, разбирался в вокале, и не без робости я шел на эту встречу. Фёдор Степанович положил мне руку на плечо и сказал: «Все будет хорошо, мы тебя в обиду не дадим». При этой встрече присутствовало несколько приближенных людей, и вскоре все знали, что я отмечен «самим первым». Я не придал значения этой фразе, но гораздо позже оценил ее и с уважением стал относиться к Ф. С. Горячеву. Как-то Фёдор Степанович признался, что занимался пением, участь в церковно-приходской школе вместе с Г. Нэлеппом. Георгий Нэлепп! Это же мой кумир! Когда-то давно, еще в Абакане, я услышал по радио ариозо Канио в его исполнении и был потрясен, его голос много дней звучал в моей голове. И вот теперь передо мной человек, который знаком с самим Нэлеппом! Не только знаком, но и заходит к нему в гости, когда бывает в Москве...

Как-то, услышав мое пение, мой друг Слава Гарин, он был драматическим актером, сказал, что мой голос похож на нэлепповский, чем пролил бальзам на мою душу. Возможно, Фёдор Степанович тоже заметил похожесть, чем я и расположил его к себе. Фёдор Степанович довольно часто приходил в оперу. Особенно любил бывать на «Русалке» Даргомыжского. Всегда для него в первом ряду придерживали два кресла. Иногда он слушал весь спектакль, иногда только какие-то сцены. Он всегда был на премьере, если позволяло время, но главное, вместе с ним просвещался и весь аппарат чиновников, вынужденных слушать оперу.

Герман — Валерий Егудин.
«Пиковая дама»
П. И. Чайковского. 1965 г.

Друзья-коллеги

Совершенство как певец-актер в театре, я с моими новыми друзьями, Владимиром Ивановым и Альбином Морозовым, познавал и азы охотничьего мастерства. У моих друзей был большой опыт путешествий с ружьем и удочкой по сибирским просторам. Своих машин у нас не было, обычно мы пользовались железнодорожным транспортом или автобусами. Эти поездки давали мне не только туристический опыт, но и знания о театре, его истории. Дело в том, что и Морозов, и Иванов выросли в нашем театре.

В. Иванов обладал прекрасным музыкальным слухом и памятью, и памятью не только музыкальной. Это была «ходячая энциклопедия», как в шутку называли его друзья. В детстве он прочитывал учебники школьной программы летом — и зимой уже не носил их в школу. Он знал на память почти весь оперный репертуар. Он прекрасно владел карандашом и хорошо рисовал. В нашем театре шел ряд спектаклей, художником которых был Владимир Николаевич: «Мадам Баттерфляй», «Сельская честь», «Терем-Теремок», «Мальчиш-Кибальчиш». Его спектакли шли в оперетте, в «Красном факеле», в ТЮЗе, он работал и в других городах. Владимир Николаевич не имел специального театрального образования — окончил физкультурный техникум, хотя его главным достижением в этой области была стойка на руках на портике Театра оперы и балета. Этим действием он остановил трамвайное движение, собрав внизу толпу любопытных. В театре долго искали хулигана, но не нашли.

При этом во время моей работы в театре его можно было назвать самым образованным театральным человеком. Он начал свои «университеты» с артиста миманса и выносил хоругви на открытии театра в 1945 году. Затем — рабочий сцены, машинист сцены, главный машинист. Для него Эмиль Пасынков придумал должность заместителя заведующего постановочной частью. Позже, когда ушел из жизни Георгий Янович Рагино — прекрасный человек, строитель нашего театра, Иванов занял его пост. Я помню, художник «Пиковой дамы», Ф. Ф. Нирод, попросил Иванова сделать рабочие чертежи люстр в третьей картине, необходима была перспектива, — эти люстры и сегодня прекрасно смотрятся в спектакле. Незаменим был Иванов на зарубежных гастролях. Его память позволяла ему быстро освоить на иностранном языке счет и названия сценического оборудования. Уже на первой репетиции он командовал японскими рабочими сцены без переводчика и знал счет до тысячи, чем удивлял как наших, так и японцев. На их восхищенные взгляды и вопросы он отшучивался, но при этом явно гордился собой. Не было в театре задач, которые не смог бы разрешить Владимир Николаевич, причем самым рациональным способом. Официант в одном кафе в Японии не мог понять, что хотят заказать эти иностранцы, пока Иванов не нарисовал ему сначала сидящую курицу, затем убегающую от собственного яйца и, наконец, сковороду с дымящейся яичницей. Все это было нарисовано на салфетке. Эти салфетки стали сувенирами, а Иванову официанты всегда улыбались и делали скидки. Вот такова сила искусства! Уже несколько лет нет с нами Иванова, и его театральную нишу вряд ли кто-нибудь займет в ближайшие годы.

Самородком можно назвать и Альбина Ивановича Морозова. Он начал с подручного в живописно-декорационном цехе и дорос до прекрасного театрального художника.

Вот с этими-то людьми и соединил меня театр с первых дней моей работы.

Вообще, театр держится на театральных людях. Ты можешь быть прекрасным специалистом, но, увы, не театральным человеком. Тому было много при-

меров в моей жизни. Когда вспоминаю тот театр, в который я вошел в 1958 году, у меня возникает чувство чего-то безвозвратно утраченного. Понятно, что это моя молодость, но было и другое. Мы были, прежде всего, менее меркантильными и жестокими в поисках средств к существованию, мы были уверены в своем будущем. От народного артиста до рабочего — все знали, что на пенсию жить можно и что тебя никто не выгонит из твоей бесплатно полученной квартиры. По понедельникам мы садились в театральный автобус или грузовик, крытый брезентом, и отправлялись на отдых. Это могла быть лыжная база или рыбалка. Я чаще бывал на рыбалке. Почти о каждой из этих поездок можно было написать довольно забавный рассказ. Я как сейчас вижу, как двадцать мужиков, ухватившись за толстый пеньковый канат, тянут по бездорожью ЗИЛ-130, помогая себе шутками и крепким словом. После таких поездок разговоров в театре хватало на неделю...

И еще одна поездка. Отступление второе

Куда только не заносила нас охотничья страсть! Сидя над картой, видим группу озер.

— А давай сюда!

Решено! Начинаем собирать сведения о транспорте: чем выгодней, чем удобней добираться до места, где покупаются путевки, чьи угодья... Так взгляд на карту в один из сезонов привел нас с Ивановым в Травное. Нам понравилась деревня, стоящая на берегу красивого озера, на котором держалась утка и можно стрелять.

В первый раз добирались сложно. Поездом до Карасука, а от Карасука — на попутках. Устроились на ночлег в бригаде. Хороший дом, добротные сколоченные нары, а главное, до охоты недалеко. Вокруг поля, болота — высохшие и с водой, — в общем, нам понравилась красота этих мест, мы решили вернуться сюда, и желательно на своем транспорте.

У меня был мотороллер «Вятка», но это не транспорт для охоты. Я договорился со своим педагогом Александром Павловичем Здановичем, что он мне даст для этой цели свой мотоцикл «Ковровец». Сезон в театре начался, нам нужно было, по нашим подсчетам, хотя бы три дня. Наконец в моем репертуаре наметился такой перерыв. Мы тщательно собрались и ранним утром выехали.

Миновали Ордынское довольно легко. Пока едетя — будем ехать, решили мы, откладывая завтрак на потом. Проехали Филиппово, скоро Шайдурово. Вдруг руль мотоцикла замотало из стороны в сторону: точно, спустило заднее колесо. Придется клеить. Это нестрашно, аптечка у нас есть, но жалко потерянного времени, его у нас в обрез. Мне не понравилась камера. Это был не прокол: камера разошлась по шву. Мы тщательно заклеили ее, положили заплатку и смонтировали колесо.

Въехав в деревню, я понял, что колесо опять спустило. Такими темпами нам не попасть сегодня на вечернюю зарю. Нам нужен вулканизаторщик. Но такого в Шайдурове нет.

— Вам нужно в Пролетарское, — сказали местные технари.

Хорошо сказать, но ведь до Пролетарского двадцать километров! В один из дворов затаскиваем мотоцикл, опять вынимаем злополучную камеру и пытаемся ее клеить. Но нам становится понятно, что охота закончена. Нужно думать, как успеть домой. Договариваемся с хозяйкой о ночлеге. Утром со страхом садимся на нашего мучителя и едем.

Воистину, мы прогневали чем-то создателя: отъехали километров пять — колесо опять спустило. Разбортовав в очередной раз злосчастное колесо, я выхожу на дорогу с камерой на плече и ловлю машину до Пролетарского. Днем машин много, везут зерно на элеватор, и вот я в деревне, теперь скорей в мастерскую. И опять невезение: сегодня Василич, так зовут вулканизаторщика, на копке картофеля, сообщает мне один из сельчан.

— Но я, — он мне говорит, — вот на этом грузовом мотороллере еду сейчас на поле к нему за картофелем и могу тебя подбросить.

Делать было нечего. Сажусь в кузовок «муравья» и еду на поле к Василичу. Он со своей семьей всюду трудился и предложил его подождать. Тут же у него рождается идея:

— Ты бери лопату и за меня поработай, а я займусь твоей камерой.

Садится на мотороллер и уезжает. А я остаюсь на поле копать картофель...

Был уже вечер, когда я подошел к элеватору в попытке поймать машину. На моем плече висела завулканизированная камера. Охрана сказала, что машин сегодня не будет. Я знал, что где-то в поле у разобранного мотоцикла сидит Иванов и ждет. Решение принято: иду пешком.

Было уже темно, когда меня догнала машина, я уже прошел почти пятнадцать километров. И вот я в машине, фары грузовика высветили Иванова на обочине дороги. Он набросился на меня со словами:

— Мотоцикл простоял в кузове три часа. Шофер готов был довезти нас до города, а тебя не было, пришлось выгружать.

Что я мог сказать другу? Я его понимал и, как и он, хотел, чтобы это путешествие скорей закончилось. В который раз мы уже бортовали это колесо. Через несколько километров я снова почувствовал, что едем на обочине. До Филиппово, как нам казалось, было недалеко. Покатили мотоцикл на руках. Но деревни все не было и не было.

Стояла черная осенняя ночь. Мы решили заночевать в поле в стоге сена или в соломе. Одно дело решить, другое — найти это самое поле. Чтобы не потерять в полной темноте мотоцикл, мы по одному отходили в сторону, пытались ногами, руками на ощупь найти кошенину. Но, обнаружив поле, мы не могли найти копну или скирду. Небо уже начинало светлеть, когда мы залезли наконец в копешку, прикрывшись болоньевым плащом. Проснулись от холода. Дотолкав злополучное транспортное средство до деревни, решаем оставить в одном из дворов наше сокровище, договорившись вскоре его забрать. Нам нужно было торопиться домой, искать машину до города.

Заканчивался третий день нашей «охоты».

Оказалось, что камера, которая нас мучила, была куплена Александром Павловичем на барахолке и была самопальной. Я купил заводского изготовления камеру, что было в то время непросто, и поехал выручать нашу технику. Прошло почти полмесяца. Местные пацаны не обошли вниманием наш мотоцикл, и мне пришлось несколько часов приводить его в порядок, прежде чем я смог отправиться домой...

Театр — не стены, а коллектив

Театр тех лет представлял собой большой творческий коллектив, способный прокормить и защитить своих членов. Наверное, вот эта тоска по коллективу и гложет мое поколение. Ведь у каждого из нас был свой коллектив. Из этих коллективов складывалась наша Страна, которая, как нам казалось, защитит нас в трудную минуту, как мы защищали ее. Все это называлось «чувством па-

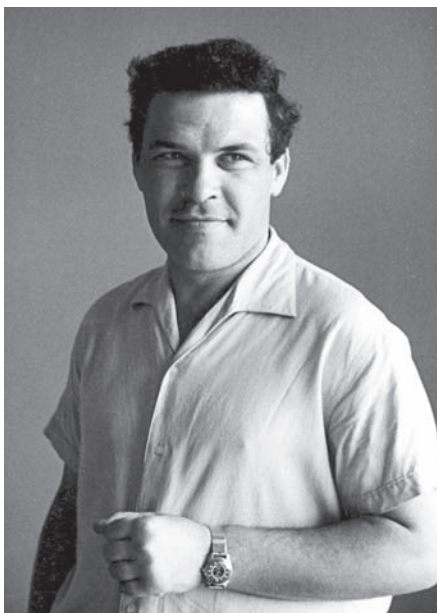
триотизма». Это, на мой взгляд, самая большая заслуга ушедшего Союза. Да, экономически он себя исчерпал. Я не знаю, было ли у него вообще экономическое будущее. Но я хочу, чтобы мои дети и внуки гордились своей Родиной.

Я вспоминаю удивительного человека, похожего на Деда Мороза, — его таким запомнили наши дети, при встрече они получали от него в подарок книжку, — это Роберт Фёдорович Майер. Благодаря его стараниям наш театральный музей пополнился многими экспонатами, привезенными артистами из разных уголков нашей страны и из разных стран мира. Это он неумоимо после каждого спектакля «приставал» к слушателям и зрителям с просьбой написать отзыв о спектакле или артисте. Сегодня эти отзывы могут дать представление о том театре и тех людях, которые уже стали историей.

А сколько людей, которые и сегодня работают в театре! Легенда нашего театра — Всеволод Яковлевич Овсενев. Художник-декоратор, который славен не количеством лет, проведенных в театре, хотя и этот срок уникален, а талантом художника, который мог бы составить честь любому театру мира. Театр — это люди, театральные люди. Как жаль, что об этом не всегда помнят руководители.

Вспоминая себя как «везунчика», так иногда меня называли мои коллеги, я вспоминаю один эпизод из моей театральной жизни. Не помню, где я был, но меня срочно потребовали в театр. На ноги были подняты все причастные к театру, и не только к театру. Меня нашли и — небывалый случай! — вызвали к директору, и он меня ждал. Мне предложили срочно оформлять документы для поездки в Италию на стажировку. В кабинете были еще какие-то люди, как понял, из обкома партии, а поиски велись по распоряжению первого секретаря. На меня смотрели как на важную персону, о которой заботится сам Фёдор Степанович! Документы были оформлены, и потянулись долгие дни ожидания. В то время я слышал о том, что из Советского Союза отправляется группа молодых певцов в Италию. Сегодня мы знаем их имена — это В. Атлантов, Е. Нестеренко, А. Соловьяненко... Я не попал в Италию, наверное, фортуна отвернулась от меня, а жаль! Как мне потом объяснили, в министерстве была разрядка, сколько певцов и каких национальностей должны поехать в Италию. Я был украинцем, а с украинцами был перебор.

Мне довольно часто хотелось уехать из новосибирского театра, но не получалось. Словно какой-то рок держал меня. Вспоминаю один удивительный случай из моей детской жизни. Возвращаясь из школы (я учился в четвертом классе в Минусинске), остановился поглазеть на пожар. Горел большой двухэтажный дом. Народу поглазеть собралось много. За моей спиной стояли женщины, говорили о своих делах, при этом несколько раз упомянули Новосибирск, говоря о нем как о чем-то хорошем. Меня поразило это слово, оно мне показалось мимолетно родным, как будто я с ним знаком или чем-то связан. Я узнал, что это название города. Странно, но услышанное вскользь название

Валерий Егудин. 1964 г.

часто всплывало в моей детской голове просто так, без всякого повода. Возможно, это слово меня закодировало на всю оставшуюся жизнь. Я вспомнил о нем, когда услышал названия городов при распределении после окончания техникума. И не очень удивился, когда получил назначение в этот город, как будто понимал, что это назначение — мое! Стремление учиться, познавать для меня в то время воплотилось в одно слово — «Новосибирск»! Однако настал период, когда я интуитивно почувствовал, что пора идти дальше. Но не хватило у меня решимости довериться интуиции, сломать кажущееся благополучие и покинуть Новосибирск. Отсюда сегодня в душе неудовлетворенность, но некого винить, что рано я потерял свою цель, проще сказать: «Это судьба!»

Моя законченная профессиональная деятельность вызывает сегодня у меня в душе массу негативных эмоций. Почему я был такой ленивый? Почему я так плохо распорядился своим творческим потенциалом? И еще много всяких «почему»... Но, как говорится, что выросло, то выросло.

Когда мне предложили стать директором театра, я не раздумывал. Это, пожалуй, было то дело, после пения, которое больше всего согревало душу. Заведовать кафедрой сольного пения мне нравилось. Но это не театр. Мне казалось, что здесь, в театре, от меня будет больше проку. Я был уверен, что о таком театре, каким был наш в 90-х годах, должен знать мир. С помощью московских друзей мы организовали в 1993 году фестиваль оперного и балетного искусства. Были приглашены импресарио из многих стран: Германии, Испании, Португалии, Италии, Египта, Франции. Знакомство с нашим театром для многих стало открытием. Как — в Сибири? Такое здание и такие труппы — что балет, что опера!

Результат не замедлил сказаться. Уже через пару месяцев мне позвонил Самир Заки, директор Каирской оперы, и предложил осенние гастроли в Каире. С одной стороны, это радость, с другой — как за два месяца оформить документы на всю труппу? Администрация театра работала в скоростном режиме. Определили названия спектаклей. Согласовали с принимающей стороной репертуар — это были оперы «Борис Годунов», «Князь Игорь» и концертная программа солистов оперы и балета. Всего должно было поехать 211 человек. Выручить мог только чартерный рейс. Оплатить его согласилась принимающая сторона. Благодаря слаженной работе аппарата за довольно короткий срок удалось оформить все необходимые документы для выезда за рубеж. От части декораций пришлось отказаться — не входили в аэробус. Другая часть была размещена в середине салона самолета. Наконец-то соблюдены все формальности, и мы в воздухе.

Все было сделано, как мне казалось, для того, чтобы гастроли прошли успешно. Но как нас примут египтяне? Рискует Каирская опера: ей, да и нам, нужны аншлаги на всех спектаклях. Денег вложено в эти гастроли много. Что же касается художественной стороны наших гастролей, то за это я был спокоен. Наш главный дирижер Алексей Людмилин и режиссер из Петербурга Эркин Габитов славно поработали перед гастролями.

Египетский октябрь дохнул на нас жаром сибирской бани. Разместили нас в отеле «Шератон», это несколько зданий недалеко от театра. Мы с женой и часть труппы жили на теплоходе на Ниле. Устроились все хорошо, народ был доволен, а это было для меня главное. Культурный центр, в котором находилась и Каирская опера, располагался в парке. Большое количество охраны, чистота — все это поразило нас. И это в нищей стране! Ночью декорации перевезли в театр. Большегрузные машины не пускали в город днем. Позднее я узнал, что такой же порядок существует в Испании и Португалии; наши машины к театрам и от театров двигались по ночам. Это создавало некоторые трудности, но с ними мы мирились.

Репетиции подтвердили хорошую акустику зала, а первые спектакли и отзывы о них успокоили нас окончательно. Дело в том, что до нас здесь гастролировала итальянская труппа и успеха не имела. Помню, как-то в Валенсии на открытие гастролей балетной труппы не все билеты были раскуплены, что нас насторожило. Оказалось, что до нас здесь побывала украинская балетная труппа и не понравилась публике. Телевизионная рекламная акция исправила положение. Билеты на наши спектакли быстро разошлись, нас просили продлить гастролы, но самолет не мог ждать. Это был чартерный рейс.

А что касается гастролей в Каире, то они прошли успешно. Наверно, это нам помогло пережить несколько тревожных дней, связанных с задержкой самолета. Завершив гастролы гала-концертом, мы ждали самолет из Новосибирска, но его все не было. Из газет узнали о событиях в России, нас это очень беспокоило, конечно, неприбытие самолета мы связывали с обстрелом Белого дома. Вот когда я почувствовал себя русским на чужбине. Денег ни у кого нет, их старались потратить в последний день, а свои, заработанные, оставленные для дома, никто не хотел тратить на еду. Дозвонился до Новосибирска — все оказалось проще: мне объяснили, что нет керосина. Я понял, что задержка может продлиться несколько дней. Труппа ждала от меня каких-то решений, и я пошел к директору Каирской оперы Самире Заки. Это был высокообразованный красивый человек, с которым у меня еще в Новосибирске сложились дружеские отношения. Убеждать долго не пришлось, проживание в гостинице и питание продлили до прилета нашего самолета. Я благодарил Бога и Самира, все обошлось без осложнений. Давно нет с нами этого человека, но я как сегодня вижу его — элегантного, длинного, худого и доброго.

О том, что театр стал выездным, молва быстро разнесла по театральному миру. Гастрольные туры пролегли по Испании, Португалии, Каиру — на запад от Новосибирска; на восток — Япония, Китай, Тайвань, Макао, Таиланд, Корея. Критика отмечала не только высокий уровень балета и оперы, но и прекрасный оркестр, который мог соперничать с симфоническим. Задачу, которую я себе ставил на посту директора, я выполнил, вернее, выполнял. Для этого не были дополнительно привлечены федеральные деньги, и это я себе ставил в заслугу. Понимаю, что не все в театре так думали, но, что делать, таковы издержки профессии директора.

Вспоминаю тот день, когда ко мне в кабинет вошли две женщины, работницы нашего отделения Союза театральных деятелей, и попросили меня выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя. Не сразу согласившись на это предложение, мог ли я тогда предположить, что через несколько лет этот пост станет единственным, что как-то свяжет меня с театром, вернее, с театрами и поможет мне, пенсионеру, преодолеть чувство ненужности?..

Валерий Егудин. 1992 г.

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ

Алексей МАКАРОВ

РОДИМАЯ ГЛУШЬ*

Весна

Взрослые и дети ждали прихода весны. С ее наступлением появлялись новые надежды на урожай и более сытую жизнь. Как только сойдет снег, всходит крапива, полевой хвощ, а чуть позднее пучки и язычки. Да мало ли трав, которыми мы питались! В апреле, когда день переваливал за четырнадцать часов, снег начинал быстро таять и ночные морозы становились редкими. Ручейки и речушки стекали в Тару, которая постепенно набухала, и наконец лед с треском ломался — начинался ледоход. К началу ледохода прилетали трясогузки. За совпадение ледохода с прилетом трясогузки и прозвали ее у нас ледоломкой.

Каждую весну ждали, по крайней мере я, первого звука кукушки. В какое ухо она закукует, такой и будет год. Если услышишь ее правым ухом, то будет удачный год, если левым — быть беде, а в лоб — к смерти. С ее появлением лес казался ожившим от зимней спячки. Следом за сходом снега поднималась вода, а в логах начинала цвести верба. Ее крупные желтые соцветия издавали неповторимый запах, а пчелы и шмели гудели над ней. Мы доставали палочки соцветий и высасывали сладкий нектар.

После схода снега мы искали в огородах остатки мерзлой картошки и из нее пекли на буржуйке лепешки. От крахмала они получались рассыпчатыми и утоляли наш голод. Вылезшую из земли крапиву добавляли в суп. Следом расцветала медуница, которую мы тоже ели. По берегам Тары — заросли черемухи, и мы залазили в нее, как в шатер, и там сидели, окутанные ее запахом. Вот где был аромат! Все мальчишки знали, что в цветущей черемухе нет клещей. Каждую весну нас кусали клещи, и часто они напивались до размера горошины.

Деревня находилась на заливных лугах. Однажды выше Ургуля случился ледяной затор, и ошалелая вода с шумом катилась со стороны лугов на нашу деревеньку. Волна воды со льдом катилась на нас, сметая все на своем пути. И только на чистом месте, не зажатая лесом, она растеклась по пустоши и оставила стремительный бег. Огороды были затоплены, а деревню разделило на три части.

Лет с семи все мальчишки рыбачили на Таре. Однажды я поймал с разрушенной плотины от водяной мельницы большого язя, только сам его вытащить не мог. Помог мне справиться с такой рыбой Мишка Боев. В нашей жизни рыбалка была не баловством, а средством улучшить питание. Мать жарила пещарей с яйцами, и казалось, нет ничего вкуснее. Любила мать варить щербу из рыбы, какая есть. На озерах же ловили голянов в корчажки, которые плели из

* Окончание. Начало см. Сибирские огни, 2015, № 1.

ивовых прутьев. Это тоже было источником пропитания. Помню, как соседка Федосья пришла к матери за чем-то, а я принес домой гольянов. Так она их очищенных макала в соль и ела.

Вставать на рыбалку рано утром не хотелось. Но, пересилив себя, я шел на Тару, зябко поеживаясь от утреннего холода. Роса приятно холодила босые ноги, а на траве оставался след. Еще так рано, что даже не пели птицы. От воды поднимался пар. Талина опустила свои ветки в воду, и от них отходили разводы, образованные течением. Изредка на воде появлялись круги от кормящейся рыбы. Выберешь место в заводи и закинешь удочки, поплевав на червяка. Вот зашевелится поплавок и вдруг нырнет в глубину. Подсечка — и первый чебак, раздробив гладь воды, заиграет чешуей на воздухе. Вероятно, он и не понял, как оказался на крючке.

Первая птица подаст хриплый голос, как будто прочищая горло. И через несколько минут начинается птичий концерт радости от наступившего утра. Мне казалось, что петушок птицы крикнет:

— Митьку видел?

— Нет, не видел, — ответит второй.

— Видел, видел, видел! — заголосит первый.

У тебя тоже приятно на душе — только успеваешь менять наживку. В речке у берега — желтые кувшинки, их листья-тарелки лежат на воде. Рядом из воды торчат желтые цветки пузырчатки — у нас ее называли огуречики, за схожесть с одноименными овощами. Хорошо клюет рыба на коровьем реву.

Еще с друзьями мы бегали собирать малину с берестяными паевками. В жизни сибирских крестьян береста играла большую роль. Ею крыли крыши изб и делали посуду: паевки, тусса и даже тарелки. В туссах молоко долго не прокисало, даже в жаркую погоду. Уже взрослым я сделал рукоятку охотничьего ножа из наборной бересты — так лучше ручки у меня не было. В жаркую погоду она была прохладной, а в мороз никогда не холодила руку.

Как только поспевал горох, мы делали набег на колхозное поле, но только боялись объездчика Устина Петрова с длинным бичом из сыромятной кожи. Это был мужик малого роста, свой дефект Устин вымещал на людях. Верхом на лошади он гнал нас и бил безжалостно. Удар бича разрубал кожу до мяса, и не спасала рубашка. Но голод был сильнее Устина, и мы снова ползком из кустов, как разведчики, подбирались к гороху. Онька Сидорова рассказывала, что не вытерпела издевательств Устина, стащила его с лошади и отмузила, а девушка она была рослая и не робкого десятка. С тех пор Устин боялся ее как огня.

Что он был за человек, видно из его поступков. Устин вытаскивал на деревенскую дорогу короб и усаживал в него внука с бичом. А тот должен им бить подростков, и попробуй оказать сопротивление, как выскакивал со двора сам Устин, и тоже с кнутом.

Осенью, во время бабьего лета, когда солнце грело почти по-летнему, а желтый лист облетал с берез, мы уходили в лес, и чаще всего на берег Тары, чтобы в костре испечь картошку, выкопанную в колхозном поле. В нашей компании был и Серёжка Никулин — дружок моего детства. По измазанным рожицам матери безошибочно узнавали, где мы были. В это время я очень любил убежать из школы и один ходить по щиколотку в золоте березовых листьев. Эта любовь к прогулкам по осеннему лесу сохранилась на всю жизнь.

Любовь к березе никого не удивит: она, как невеста, всегда в наряде. Мы с большим удовольствием пили ее сок. Из него варили квас, и не было лучшего

напитка. Он получался такой ядерный, что не выпьешь даже стакан без отдыха. Ни один сибиряк не пойдет в баню без березового веника. Только осину почему-то не любят. Возможно, за то, что на осине повесился Иуда, но это не так — в Израиле нет осины. Может быть, за то, что осиновым колом можно убить вампира. Все это предания, и где правда, а где выдумка — каждый решает сам. Только я не представляю Сибирь без осины. Из чего рубят бани в сибирском урмане и почему? Ну конечно, в деревнях бани рубили из осины. Дерево мягкое в обработке, и в нем нет смолы, как в сосне. Попробуйте сосновую баню. В жару выделение смолы заставит вас быстро из нее выскочить. У нас говорили:

— Дух тяжелый.

Мы никогда не чистили дымоходы печей. Стоило протопить печь осиновыми дровами, и сажа из труб улетала. Почему — не знаю. Осиновую кору любят лоси и зайцы. Упавшую от ветра осину они обгладывают от вершины до комля. Люди лечат больные суставы отпиленным колесиком от молодой осины, а отвар осиновой коры пьют больные простатитом. Вы посмотрите осенью на молодые осинники. В какой пурпурный наряд они одеты! Лишь за это можно любить осину. Вот только времени любоваться природой в деревне не хватало.

Даже у мальчишек были обязанности по дому. Как только вырастала свежая картошка, то мы копали ее и чистили на Волосяном озере. Ведро картошки подвешивали на рукоятку тачки и бегом на озеро. Бежали к озеру наперегонки и потом соревновались в скорости чистки картошки. Кожица на клубнях свежая и легко сходила, когда мы их рукой болтали в ведре с водой. Работа, обставленная как игра, легче выполнялась.

В то время с остяцкими подростками нас не брал мир: мы дразнили их, а они нас. Ургульские мальчишки кричали остяцким:

— Хохол сел на кол, кол обломился, хохол разбился!

Те тоже дразнили ургульских мальчишек:

— Чалдоны желтопупые!

Вообще-то жители Остяцка приехали не с Украины, а из Белоруссии, но для нас это не имело значения. Впрочем, настоящих драк я не помню. В Остяцке находился сельсовет, и ургульские свободно ходили в Остяцк. Наши словесные баталии происходили, когда собирались две соперничающие группы, но с открытием в Остяцке семилетней школы распри детей отошли в прошлое.

Непонятки между соседними селами имели под собой основание. Ургуль был основан раньше Остяцка на сорок лет. Наши луговые земли более плодородны и обширны, а остяцкие располагались на подзолистых почвах. Мало того что их поля были неплодородны, так их еще и мало. При землеустройстве часть пойменных земель Ургуля отрезали и передали остяцким жителям. Естественно, частично ургульские хозяйства пострадали. Но, когда обе деревни объединили в один колхоз, это уже не имело значения.

Говор остяцких мальчишек отличался от нашего. Звук «г» выходил у них из глубины горла и получался прокатистым и мягким. Наше произношение этого звука было коротким, отрывистым. В Ургуле тоже были свои странности в речи:

— Федька, айда купаться на Тару!

— Ты чаво баишь, ведь холодно ишо.

Да еще окончания глаголов «проглатывались».

— Тетка Маруня, где Федька?

— Где-то бегат, оглашенный.

— Тетка Маруня, а куда он побежал?

— Я так ухайдакалась в огороде, а он, паразит, изгаляется надо мной, поди, опять удрал к Нюрке Вальшиной.

Федька был намного старше меня, но учился по три года в одном классе. А у таких детей весь дар начинается в штанах.

В мальчишеских играх всегда присутствовали свои, не применяемые в современной жизни слова: голить — водить, то есть быть в проигрыше. Часты были обращения к другу «паря». Теперь чалдонский говор с примесью слов остяков исчез.

Маленькими мы бегали за земляничкой в березняки близ деревни, а уже в восемь лет переплывали Тару и шли на Ичинские увалы, где ягод было много. Мы в одиннадцать лет, работая на конных граблях, ухитрялись соскочить с них и скорехонько, пока бригадир нас не прищучил, полакомиться земляничкой. Когда сено сгребали в валки, то вся ягода видна была красными кружавинами. Попробуй утерпеть, когда аромат спелой ягоды бьет в ноздри.

Вот скажите, как могли навредить дети, набравшие ягод для дома? А в лесу ее было море, и набрать ведро не составляло труда. Колхозный бригадир Илья отобрал паевки с малиной у моего брата и у Оньки Сидоровой, при этом бил девочку по рукам так, что пальцы у нее долго болели. Она до сих пор помнит этот случай и в душе его не простила.

Красную смородину для дома не собирали, а ели ее только дети, прямо с куста. А вот черную смородину таскали домой ведрами. Мать высыпала ее на русскую печь, и она там сохла. Сухую ее принимали в заготконторе по четыре рубля за килограмм. Эти деньги были до хрущевского обмена и ничего не стоили. Черная смородина росла в кустах рядом с огородами, и обдоеить куст, с которого можно собрать ведро ягоды, можно было за полчаса.

Так было не только в нашем колхозе. В татарской деревне Карагаевке председатель колхоза отобрал ягоду у детей участника Великой Отечественной войны Ахметова в присутствии инструктора райкома партии. Ягоду вместе с ним съели, а ведро вернули уже за деньги, конечно в пользу председателя.

Дети старше нас, а им было всего четырнадцать или пятнадцать лет, работали в поле неделями, не появляясь дома. Весной моя сестра Манька и соседка Онька пилили дрова для фермы. Березы на высоких местах были сучковатые и трудно кололись, а девочкам было всего-то по четырнадцать лет. Чтобы легче было колоть чурки, они заходили в ледяную воду согры¹ выше колен, по самую девичью «розочку», и там пилили голенастые березы.

Весной у Петуховых в холодной воде простудилась восемнадцатилетняя дочь и заболела туберкулезом, как у нас говорили — чахоткой. Помню, что она была очень красивая. Гроб с ее телом парни несли на руках до самой могилы, а это больше километра. Эта смерть поразила и опечалила всех.

Из Сибири в Сибирь...

После Победы прислали к нам ссыльных из Прибалтики и с Западной Украины. Мы их называли бандеровцами. Один из них, настоящий бандеровец, часто хвалился, что ему убить человека — как муху придавить. Большинство вели себя пристойно, особенно прибалтийцы, и многие завели семьи. Однаж-

¹ Согра — низкий участок леса, затопляемый талыми водами.

ды пьяный ссыльный с Западной Украины раскуражился и стал придирается к мужикам, но Максим Тишкин съездил ему в ухо так, что тот не скоро пришел в сознание. Больше он не выпендривался. После смерти Сталина, через год или два, их отпустили по домам. Они уехали на родину, побросав новые семьи.

В это время вернулась из ссылки и моя тетя Аксинья с дочерью. Она была замужем за Дмитрием Саниковым — одним из трех братьев. Это были работающие мужики и гнули хрип с утра до вечера на крестьянской работе, которая не терпела выходных дней. Вступать в колхоз братья не хотели, потому их как зажиточных хозяев сослали за болото. Отобрали все имущество, посадили семьи в повозки и отправили в ссылку. Возили их полгода по разным местам, пока не выбрали место во Львовке Томской области. Выбросили у деревни и оставили обустроиваться, причем запретили жителям деревни пускать их на постой.

Братья выкопали землянки и стали налаживать быт. К началу новых репрессий и поисков новых «врагов народа» они уже опять жили не бедствуя. Так что снова попали под раздачу. Двоих арестовали и вскоре расстреляли. Аксинья осталась с двумя детьми и решила бежать к родителям. Отец — мой дед Павел Алексеевич Макаров — тоже был зажиточным, но перед коллективизацией разделил свое имущество между детьми, а большой дом отдал под школу. Сам с женой Маримьяной переселился в маленькую избушку. Вот сюда и стремилась добратся Аксинья.

Расстояние прямо через Васюганское болото до деревни Украинки всего-то меньше ста километров, да от Украинки до отцовского дома еще тридцать. Летом болото не пересечешь ни конным, ни пешком, если не знаешь мест перехода. Во время войны Аксинья с двумя дочерьми сбежала и прошла пешком через мари и урман к родителям. Дорогой питались ягодами: клюквой, морошкой, брусникой и голубикой.

Для подготовленного мужика это сделать очень трудно, а она с малыми дочками прошла через болото, и волки не съели их. Чего-чего, а волков в то время у нас хватало, и во время войны они, не боясь, резали скот в деревне. С собой у Аксиньи было с десяток картофелин да немного сухарей, из расчета по одному в день на троих. Дорогой она с дочками видела медведей и волков, но бог сберег, и звери не тронули. Один раз она провалилась в топь, но палка в руках спасла ее. Дочки сумели вытянуть мать из трясины. Выбирали путь по звериным тропам, так как никто не знает прохода лучше диких обитателей этих мест.

Аксинья хотела собрать кедровые шишки на одном из островов среди болота, но там хозяйничал медведь. Он долго смотрел на них, но был сыт орехами и не тронул путников. Аксинья от страха оцепенела и не смогла бежать, это и спасло. Убегающие люди возбуждают в звере инстинкт. Она рассчитывала пройти путь за четыре-пять дней, но дорогой заблудились и вышли в Остяцк через десять дней, ободранные и истощенные.

Как только замерзло болото, приехали энкавэдэшники и арестовали тетю Аксинью. Скорый суд — и высылка на рудники заполярного Норильска. Как там было — надо думать, не лучше, чем в «Колымских рассказах» Шаламова. Мужики не выдерживали, а она сдюжила. Вернулась тетя из Норильска только после смерти Сталина, с дочкой Ниной. Две старшие дочери жили у деда. Чего только не выдержит русская баба!

Перемены

После школы все бегали по своим ребячьим делам до вечера, а уже при свете керосиновой лампы, даже без стекла, готовили уроки и читали книжки. Семилетней лампы со стеклом появились в деревне, когда я учился уже в четвертом или пятом классе. Читал я допоздна, а мать все время говорила:

— Чего карасин жгешь и глаза портишь?

Ширина фитиля в лампе измерялась в линиях, а линия — это 2,54 мм. У нас дома появилась сразу десятилинейная лампа, и казалось, что светила она очень ярко.

Пришло время, и вдоль улиц наших двух деревень начали копать ямы. Поставили деревянные столбы и натянули провода. В избах по фарфоровым роликам проложили изолированные медные провода. И вот наступил вечер, когда во всех домах вспыхнули лампочки Ильича. Как же светло сделалось в избах, и свет из окон стал освещать даже улицу! Вдобавок на столбах повесили уличные фонари, и ходить ночью по деревне стало удобно. Больше мы не спотыкались на каждой ямке. Свет выключали в двенадцать часов ночи.

Электростанцию установили в здании бывшей остяцкой мельницы, а крутил генератор все тот же паровой локомобиль. Помощником на электростанции назначили моего соседа Алёшку Деветьярова, с которым мы дружили с малых лет. Он был старше меня на два-три года, и я завидовал ему, работающему на таком ответственном месте. Медную проволоку с проводов мальчишки быстро приспособили для силков, которыми ловили щурят.

Электричество в деревне — это не только свет в домах. Многие работы, выполнявшиеся вручную или с помощью лошади, взяла на себя электроэнергия. Механика на сушилке была успешно заменена на электромоторы. Раньше две бабы весь день крутили ручку веялки, очищая зерно от сорняков, а теперь это делало электричество. С появлением электроэнергии сразу же закончили радиодификацию деревень. Теперь черные тарелки висели почти во всех домах, а там недолго осталось и до телевизоров.

По совету старшего брата Ивана Коля поступил в Новосибирский сельскохозяйственный институт. В это время я учился в шестом классе остяцкой семилетней школы. Примерно тогда же, осенью, приехала к нам женщина-геолог собирать сведения о выходе масляных пятен на Таре. У нее была крупномасштабная схема речки с подробным описанием мест выхода жирных пятен. Возможным проводником был указан Коля, но он уже был в институте. Я взялся проводить ее во все указанные места. Пробы воды она набрала в бутылочки и, заплатив маме двадцать рублей, уехала. Деньги для нас были нелишние. Позднее мы узнали, что старший брат Иван написал письмо в «Запсибгеологию» с описанием выхода масляных пятен на Таре и предположением о присутствии нефти, которую потом действительно нашли.

Кроме сестры и матери в колхозе работал брат Матвей. В деревне звали его Матюшкой. Ну принято было так обращаться к людям, особенно к молодым, «с не обсохшими от молока губами». Матвей был старше сестры на год, но, казалось, нет той работы, которую он не мог бы сделать. Работал он и пастухом, и конюхом, и кузнецом, и даже гнал деготь. Я же помогал ему жечь кученок², чтобы получить древесный уголь для кузнечного горна. Уже взрослым Матвей

² Кученок — небольшая угольная куча, в которой недоспевший при первом пережиге уголь дожигается.

придумал сделать дома канализацию. Для этого он использовал армированную трубу из резины, и с тех пор мать выливала помои в самодельную раковину.

Говоря о людях нашей деревни, как не сказать о братьях Тишкиных? Их было четверо — не обиженных силой и работающих мужиков. Работали они в колхозе не за страх, а за совесть. Старший, Василий, много лет был бригадиром в колхозе. Иван работал шофером. Когда загорелась его трехтонка, он не раздумывая бросился тушить ее, обгорел и умер от ожогов. С младшим, Серёжкой Тишкиным, мы дружили в детстве. Максим спас меня, двенадцатилетнего мальчишку, остановив необъезженную лошадь на полном скаку, когда моя уже изрядно пострадавшая голова болталась между ее задними ногами.

История случилась такая. В тот год бригадиром был мой брат Матвей, он обратился ко мне:

— Братка, лошадей не осталось, а копны возить надо. Чужого посадить на необъезженную лошадь боюсь, если что случится — ведь по судам затаскают.

Вот со мной и случилось. Кожа от зада до макушки осталась на кустах да валежниках. Бабы оцепенели при виде мальчишки, болтавшегося под брюхом взбесившейся лошади. Одна из них засунула голову под кочку, чтобы не видеть, как лошадь убивает ребенка. Максим Тишкин выручил из беды.

Остаток лета я пролежал дома один, с постоянной тошнотой и головной болью, что указывало на сильное сотрясение головного мозга, а пошевелиться было проблемой из-за засохших струпьев. Брат даже не позвал фельдшера, который жил в соседней деревне, хотя мог его привезти. Наша жизнь значила немного. Впрочем, все мои сверстники жили в одинаковых условиях, и ничем я не выделялся среди других пацанов.

Так уж получилось: через год после смерти Сталина наступил для нас рай, так в то время показалось колхозникам. Случился урожайный год, и хлеба выросли в наших полях такие, что деды не помнили подобного урожая. Матвей был бригадиром и рассказывал, что пробовал пускать комбайн с захватом хлеба только на половину хедера (жатки), а струя зерна не уменьшалась. Это значило, что обмолот зерна велся с большими потерями. Брат говорил: «Если я не обеспечу уборку хлеба со всех площадей, то сидеть мне в тюрьме». Это понимало и руководство колхоза.

Зерна намолотили столько, что разрешили выдавать на трудодни, и многие получили его до двух тонн на семью. Вот когда колхозники наелись хлеба вдоволь! Колхозные паровые мельницы работали каждый день в обеих деревнях. Локомобиль через ременную передачу крутил огромное деревянное колесо, которое передавало вращение на жернова. Мельник, весь белый от муки, следил за качеством помола и количеством подаваемого зерна в огромные каменные круги, которые растирали его. Колхозники привозили зерно на санках и ждали своей очереди. Мне казалось, что работа мельника требовала много умения, о котором я и мечтать не мог.

Мои места

С восьмого класса я учился в Биазинской средней школе. Ежедневно в дождь и в мороз до пятидесяти градусов мы проходили пешком двадцать километров. В конце недели, закончив занятия, мы скорее уходили домой, даже не перекусив, чтобы забрать продукты на следующую неделю. Ходили пешком в Биазинскую школу пять учеников — трое из Остячка и двое из Ургуля. Наш

одноклассник Виктор Тихомиров стал писателем и живет в Москве. У него и в школе были способности к литературе. В котомках несли картошку, сало, хлеб и немного мяса, если оно еще было.

Дорогу от Биазы до Ургуля я делил на участки. Первый участок в пять километров был от школы до деревни Веселой. Здесь жила моя тетя Надя с мужем Андрианом Раздобаровым и детьми. С одним из них — Анатолием — я дружил. Андриан всегда искал свою трубку, которую обычно не выпускал изо рта. Ищет, ищет ее и крикнет:

— Надя, где моя трубка?

— У тебя в зубах, старый черт! — откликнулась жена.

Андриан был страстным охотником на глухарей и стрелял их из «сибирки» — шомпольной винтовки. Особенно любил он ходить на них весной во время токования. Много не убивал, а послушать песни древней птицы для него было большой радостью. А еще — встретить в лесу восход солнца, когда просыпается все живое население урмана.

Второй участок пути проходил от деревни Веселой до Блинова лога. А это уже чуть больше половины всего пути. Через два километра протекала речка Белуга, разделяющая поля Биазинского колхоза и нашего. Как же отличались поля двух колхозов! Со стороны деревни Веселой поля были чистые, а наши — всегда заросшие осотом, молочаем и васильками. От Белуги до речушки Крутеньки полтора километра, и идти здесь уже было радостнее, так как места родные.

Речки наполнялись водой в весеннюю пору от таяния снегов, а летом пересыхали. Только в Белуге оставались лужи застоявшейся воды. Вода в Белуге однажды дала мне отдых от паутов. Я залез в воду и тем на время избавился от них, а то искушали руки в кровь. У речки Крутеньки берега были высокие и крутые. Видимо, от этого она и получила название. В месте впадения ее в Тару стоял культстан. Еще через два километра была следующая вежа — Никулинский крест, поставленный на месте расстрела колчаковскими карателями партизана из нашей деревни. Дальше рельеф повышался, и дорога приводила к Листвянке. Здесь среди поля одиноко стояла лиственница, потому и место получило такое название. Теперь стоит только большой пенёк: в дерево ударила молния. Здесь находился еще один культстан.

От Листвянки шагалось просто радостно, так как до дома всего три километра. В полукилометре от деревни дорога выходила из березняка, и Ургуль открывался весь разом. Я шел к дому напрямую, у Конопляного озера, чтобы сократить путь.

Труднее всего было нам в сильные морозы или в пургу. Морозы иногда доходили до пятидесяти градусов. В школьном общежитии — маленькой комнате деревянного дома — нас было одиннадцать человек, и железные кровати стояли в три этажа. В окна дуло, и к утру волосы примерзали к подушке. Несмотря на морозы, занятия в старших классах не отменяли, и мы сидели за партами одетыми. А в субботу надо было еще идти домой за продуктами.

Однажды в пятидесятиградусный мороз мне пришлось идти домой по санной дороге. Путь до Листвянки прошел без приключений, я не замерз. Здесь же попался мне дружок детства Толька Сидоров с двумя возами сена. У одной лошади вожжи упали и оказались под полозьями саней. Поводья натянулись и голову лошади согнули так, что она не могла уже идти. Анатолий с заднего воза крикнул мне:

— Освободи вожжи.

В рукавицах у меня не получилось вытащить вожжи: очень крепко их придавило полозьями. Пришлось мне снять рукавицы и отвязывать поводья от удила. После того как я освободил лошадь, руки у меня замерзли, отогреть уже не получилось. Мороз сделал свое дело. Дома мои пальцы покрылись волдырями и долго болели. Один раз нечто похожее случилось и с ногами. Конечно, осенью, до морозов, ходить было легче. Идешь и смотришь на косачей, сидящих на березах по всему пути.

С малолетства мне нравилась охота. Видимо, сказывались гены отца — признанного в свое время охотника. Даже когда носить ружье мне еще было рано, я уже ходил охотиться с собакой. Голод не тетка, заставит думать о хлебе насущном. На Моховом озере всегда гнездились много уток. Оно было довольно большое, заросшее кругом — раздолье для них.

У нас была умнющая собака Герман. Собаки бывают разные: ленивые дармоеды, пустобрехи и кусачие злоки, не пускающие никого во двор. Герман же был крупным псом с мощным телом, умный, работяга, преданный хозяину до самозабвения. Он никогда зря не лаял, а тем более на людей — облаивал только лосей и глухарей. Ходил по деревне и на шавок даже не скалился, так был уверен в своей силе. Драться себе позволял только с двумя собаками Кузьмы Коваленко и часто был ими бит, но их же двое на одного!

Так вот, бежит Герман между кочек вокруг Мохового озера, и виден только хвост, а я еле поспеваю за ним, прыгая с кочки на кочку. Вдруг мой охотник остановится и завилает хвостом. Там я всегда находил задавленную утку. Пес поймает мне две утки, поднимет голову и посмотрит на меня, давая понять: «Накормить семью тебе хватит, а мне тоже есть хочется». И побежит между кочками не оглядываясь. Летом мать никогда не кормила его — пусть сам питается. А он и не просил, каждое утро облизывался, возвращаясь с озера.

Когда я смог поднимать ружье — берданку двадцать восьмого калибра, то стал уже стрелять уток. Из-за плохих гильз она часто давала осечки, но это не смущало меня. Глубокой осенью, когда вода была уже холодная, я убил чирка в Моховом озере. Место было заросшее мудорезом (в ботаническом атласе — телорез), и лезть в него, да еще в такую холодную воду, дело не из приятных. Но делать нечего — жаль утку. Разделся наголо и полез в мудорез доставать трофей. Вылез из воды — зуб на зуб не попадает.

Тело покрылось пупырышками от холода и порезами, так как эта трава — копия алоэ и тоже колючая, только растет в воде. Пока одевался, моя утка очухалась и юркнула с кочки в воду. Вынырнула она в десятке метров и скончалась, но желания повторно лезть в холодную воду с такой колючей травой уже не было.

Зимой мы охотились на зайцев, этим баловались все дети. Ружья были в редкой семье, а вот петли ставить на них — в самый раз. Зайцы бегали рядом с деревней и даже появлялись в огородах. Их тропы в снегу были как тоннели, и мы, идя по следу, не проваливались. Мальчишки тайком отрубали от тракторных тросов проволоку, пережигали ее в печках и делали петли. В домах появлялась зайчатина.

Сколько было зверя в то время! Кустарники по берегам озер были испещрены нарысками белых куропаток, которых ловили в пленки (силки из конского волоса). Выйдешь утром на крыльцо по малой нужде, а вокруг деревни на всех березах черными кочками сидят сотни косачей. Рядом с деревней встречались

следы лисы, рыси, россомахи и волка. Нередко и лоси забегали в деревню. Собирая малину, мы иногда встречали хозяина тайги, после чего бежали оттуда без оглядки.

Подростком в осеннее раннее утро я убежал с ружьем за косачами, приходил с охоты в обед, съедал тарелку «штей» (так говорила мать) и уходил в Биазу, в школу. Транспорт для нас колхоз не выделял. Зачем создавать себе проблемы? Грамотные подростки все равно сбегут из колхоза. Так оно и случилось: из нашей пятерки учащихся Биазинской школы в деревне остался работать учителем только Саша Ликаровский. Желание вырваться из этого ада было велико. Я еще не знал как, но был уверен, что вырвусь. Хотел уехать не из деревни, не от людей, а от отношения к колхозникам как к рабам. Но самое главное — хотелось учиться.

Паспортов нам не выдавали. Поступать в институт я поехал со справкой, написанной в сельсовете на листе ученической тетради с размазанной печатью и без фотографии. В приемной комиссии института меня спросили:

— А это что за документ?

После объяснения справку приобщили к личному делу...

* * *

Мне посчастливилось увидеть много красивых мест. Я побывал на Алтае, в Крыму, Прибалтике, на Урале и на Дальнем Востоке, где охотился и даже искал корень женьшеня в уссурийской тайге, но никогда не забывал свою малую родину. При каждом удобном случае приезжал в Ургуль, а там меня встречали добрые и гостеприимные люди, знакомые с детства. Первое, что я делаю при посещении родных мест — иду на Волосяное озеро и омут Остяцкий Взвоз, а еще — на кладбище. Там лежат бабушка Маримьяна и дед Павел Алексеевич. Перед смертью старший брат Иван высадил в родных лесах и на кладбище большое количество саженцев кедра. Они прижились и теперь уже выросли.

Народ здесь живет гостеприимный и отзывчивый — никогда путника не отпустят, не накормив тем, что сами имеют. Трудно перечислить всех добрых людей нашей деревни. Я помню свою соседку Оньку Сидорову и только в этом году узнал, что ее полное имя Ольга Ивановна. Она жила рядом с нами и дружила с моей сестрой. У Пешковой Сюни, моей двоюродной сестры, оказалось имя Василиса Николаевна. В деревне обращались к людям просто, без отчества. Доброта у Василисы идет от души, и кажется, что лицо Сюни светится ею. Ее сестра — Малова Таисия — обладает хорошим голосом. Не так давно я увидел ее, поющую в самодеятельности, по телевидению.

Иногда вспоминаю друзей детства Серёжку Никулина, Володьку Сидорова, Кольку Ломова и Алёшку Манушкина. Тогда мы так звали друг друга. Наши игры и походы в лес за ягодами сопровождались обсуждением — во что играть или куда пойти. Самая любимая игра — в шарик верхачка. Шарик вырезался из корня березы и пропитывался дегтем. Смысл игры в том, чтобы попасть шаровкой (бита) по подброшенному вверх шарикю. Дети делились на две команды неограниченно по численности — сколько наберется. Одна команда голила в поле, а вторая била по шарикю.

Не могу без огорчения вспоминать утрату культовых для нас деревьев. В Большой луке росли два кедра с сучьями в метре от земли, что позволяло

мальшам без труда залезать на них. Шишки этих кедров всегда были особенно крупными и доставляли детворе огромную радость. Мы доставали их и обжаривали в костре, чтобы обжечь смолу. Деревья спилил Митрошка — сын Марфы Сидоровой, как будто нет их в другом месте. Господи, ну зачем? Они столько удовольствия приносили детям. Мой брат посадил в ту луку много саженцев кедров. Вот и выходит, что один рубит, а другой высаживает.

В последнее посещение малой родины я не выдержал и в одиночку поехал на легковой машине в Ичинский рям, куда мы в детстве ходили за голубикой. Дороги туда не было, проселок же разбит вездеходами, и как я проехал — не пойму. Видимо, очень хотелось. Стояла поздняя осень, и голубика уже почти вся облетела, но все-таки я наелся ею так, что во рту долго держался приторно-сладковатый вкус. Зато вспомнил детство.

Многие мои сверстники умерли, а кто помоложе — перебрались в другие места. Из одиннадцати деревень сельсовета остались только Остяцк и Ургуль. Когда вспоминаю свою деревню, всегда встает ком в горле, а в глазах появляются слезы. Чаще всего помнится что-нибудь доброе и приятное: как в десять лет принес домой первого глухаря или добыл много рыбы, как мы часами купались в Волосяном озере или грелись в песке на Таре. Да мало ли чего было приятного в нашей ребячьей жизни! Мы умели радоваться малому. Так я и не забываю свою родимую глухую деревню.

Вот за что любят родину? А как женщину — не «за что», а вопреки. А может быть, за первую любовь к Томке Лавровой? Понравилась она мне еще в начальной школе, и свое чувство я носил в себе до отъезда в город. Сказал Тамаре о своей любви на пятом десятке лет, когда поздно было что-либо менять в жизни. Я страдал по ней втайне, но стеснялся сказать. У нее были большие темные глаза и осиная талия. К тому же она старше меня года на три, а девочки взрослеют раньше, чем мальчики. Ко времени, когда я сказал ей о бывшей любви, у меня была уже семья и любимая жена.

Очень жаль, что родная деревня умирает. Умирает речка Тара, с которой связано столько воспоминаний. Воды стало больше, чем раньше, но по берегам нет чистого песка, нет родников с чистой холодной водой, нет в заводях речки желтых кувшинчиков, белых водяных лилий и пузырчатки-огуречиков. На перекатах в воде развешаются нити водорослей, и кажется, что это волосы русалки. Речка стала мертвой.

В молодости я видел до сотни глухарей за один день, а сейчас проехал от райцентра до своей деревни и не увидел ни глухаря, ни косача. Да что там косача — даже вороны не было.

Урман превратился в пустыню. Немалую долю внесла в это нефтеразведка с ее гусеничными вездеходами и жадными браконьерами. Брат рассказывал, как нефтяники били зверя с танкеток и вертолетов. Перестав бояться крови, горячей и живой, хоть и звериной, мы сами незаметно переступаем черту, где заканчивается человек. Философия «после нас хоть потоп» страшна своей сутью, она приводит человека к убийству уже себе подобных. Даже зверь не убивает своих сородичей.

Истребление посредством ружей и карабинов завершила химия, применяемая на полях. Да попутный газ от добычи нефти в верховьях Тары выгнал из урмана все живое. Местный охотник говорил мне, что не стало ни косачей, ни рябчиков, ни куропаток, а след забредшего лося редок, как след человека в Заполярье.

Тоска по ушедшему времени так же реальна, как наша современная жизнь. Почему я не хочу, чтобы молодежь уезжала жить в город? Как сделать так, чтобы и в деревне было интересно жить? Телевизоры и компьютеры добрались до самых глухих деревень. Все дело в наличии работы и достойной платы за нее. В Европе каждому фермеру государство выплачивает дотацию за каждую тонну выращенной продукции. А почему у нас этого нет?

Проезжаешь полями по грибным делам или на охоту — и больно смотреть на поля, заросшие мелким березняком. Что могут сделать ледащие старики, оставшиеся в своих избах доживать век? Надо отменить налоги для сельхозпроизводителей на пять или десять лет, чтобы они поднялись с колен. Дать дешевые кредиты. Крестьянин должен зарабатывать не меньше, а то и больше, чем городской рабочий. Если вернуться в деревню крепкие мужики и возьмутся поднимать целину заросших полей, тогда и не будут зарастать поля чертополохом. Крестьянин не только кормилец, он оседлый труженик, надежный, как якорь. Он становой хребет земли. На этих условиях деревни не исчезнут, и мы сможем кормить Европу, а не они нас.

После выхода на пенсию я мечтал построить дом на берегу речки Калчейки, а саму речку запрудить и развести в ней карпов и карасей, чтобы мои односельчане могли их ловить на удочку. А я бы писал долгими вечерами свои романы и рассказы. Жаль, что из-за моей болезни не получилось поставить дом на родине. У меня остались воспоминания да любовь к родным местам и людям, живущим там.

В одно из последних моих посещений родной деревни двоюродная сестра Василиса дала мне молитву, как раз подходящую для такого случая. Она простенькая, как и сама деревенская жизнь, но по сути верная.

Ангел мой, хранитель мой, согрей мою душу, сохрани мое сердце. Враг сатана, откачнись от меня на три тысячи верст и на триста.

Там стоит церковь. В церкви стоит престол, там сидит Николай Мученик, за нас Богу молится.

Шел Христос с девяти небес, оградил крестом небо и землю населенную. Меня, раба Божия Алексея, спаси и сохрани от всякого врага и супостата. Аминь!

Господи, спаси и сохрани наши деревни и людей в них!

Евгений МЕЛЬНИКОВ

КНИЖНЫЕ СОКРОВИЩА

Страницы истории книгоиздания в Новосибирске

Истоки

Один-единственный экземпляр «Справочника по городу Ново-Николаевску» хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Две ксерокопии воспроизведены в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН.

«Справочник» был напечатан по инициативе местного предпринимателя Николая Павловича Литвинова. Литвинов был первым газетным издателем в Ново-Николаевске. Его типография печатала книги, брошюры, альбомы и фотооткрытки. В 1902 году был выпущен «Путеводитель по великой Сибирской железной дороге». Два года спустя, к десятилетию основания Ново-Николаевска, подготовлен первый альбом с видами города. В него вошли двадцать шесть снимков местных фотографов. Еще через год выпущена брошюра «Годовщина города Ново-Николаевска», написанная городским старостой Захарием Крюковым.

Еще одно памятное издание — «Виды города Ново-Николаевска 1895—1913». Краткая история города написана городским головой В. Жернаковым и членами управы Р. Шааль и Ив. Стойловым. На двадцати снимках — общий вид города в 1895 году, Старо-Базарная площадь, общий вид города три-

надцатого года, строящийся военный городок, собор Александра Невского и др.

Николай Павлович Литвинов открыл первый в городе книжный магазин, организовал первую справочную службу, читальню для приезжающих пассажиров. В советское время — в 20-х годах — Литвинов подготовил большую вступительную статью к адресно-справочной книге «Весь Ново-Николаевск. 1924—1925 годы».

Н. П. Литвинов

На многие годы, для многих поколений

Книга — это оркестр, все инструменты в котором должны звучать гармонично, чтобы ни один не фальшивил.

Н. П. Смирнов-Сокольский

Январь 1920-го...

Новониколаевск только-только освобожден от колчаковцев. У революционных властей немало забот. Тем не менее Сибирский революционный комитет принимает решение о создании Сибирского государственного издательства.

В состав правления Сибгосиздата, позже переименованного в Сибкрайиздат, вошли Емельян Ярославский — видный деятель партии, член Сиббюро ЦК РКП(б), писатель Валерьян Правдухин и известный в Сибири организатор книгопечатания, народного просвещения и библиотечного дела Пётр Макушин.

В первые годы издательство выпускало брошюры о текущем моменте, советы земледельцам, составившие «Сибирскую сельскохозяйственную библиотеку», учебники для школ и пунктов по ликвидации безграмотности.

Вокруг Сибкрайиздата группируются молодые литераторы. В марте 1922 года издательство начинает выпускать один из первых в стране «толстых» журналов — литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сибирские огни». Уже известные литераторы: Лидия Сейфуллина, Владимир Зазубрин, Иван Ерошин, Пётр Драверт, Анна Караваева, Феоктист Березовский, Вивиан Итин, Кондратий Урманов — первые авторы «Сибирских огней», чье творчество неразрывно связано с журналом, чьи произведения впервые увидели свет в Новониколаевске.

В 1928 году издательство выпустило 400 тысяч экземпляров книг.

В тридцатых годах в Новосибирске выходят книги Глеба Пушкарева, Леонида Мартынова, Ефима Пермитина, Афанасия Коптелова, Ильи Мухачёва, Александра Смердова.

После общей реформы издательского дела Сибкрайиздат был реорганизован в

Западно-Сибирское краевое отделение Объединения государственных издательств РСФСР — ОГИЗ. Отделение ОГИЗа — Новосибирский государственный центр — был единственным государственным издательством на всей территории Западной Сибири и снабжал печатной продукцией Омск, Томск, Барнаул.

Новосибирскому издательству подчинялись издательские ячейки Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, Шорского национального района. Новосибирск стал крупнейшей в азиатской части России фабрикой национальной книги.

В 1934 году издательство стало именоваться Новосибирским книжным издательством ОГИЗа. В планах появилось больше художественной и детской литературы. Были подготовлены к печати очередные тома Сибирской советской энциклопедии, выпущены произведения крупнейших сибирских писателей XIX века — «Рассказы о старой Сибири» Н. И. Наумова и «Николай Негоров, или Благополучный россиянин» И. А. Кушелевского, занявшие первые тома серии «Литературное наследие Сибири».

В 1937 году с созданием Новосибирской области появилось новое название — Новосибирское областное издательство ОГИЗа.

В годы войны издаются главным образом брошюры, рассчитанные на массового читателя. В первые три военных года издано 225 книг и брошюр. Тираж — более четырех миллионов.

Художественная литература, естественно, связана с военными событиями. Уже осенью первого военного года сданы в набор сборники «За честь Родины» и «Взвейся, песня боевая». За годы войны сибирские писатели издали более тридцати книг: сборники «Отвага», «Сибиряки-гвардейцы», «Сибиряки на фрон-

Н. НАУМОВ

те», «Родина». С издательством активно сотрудничают Елизавета Стюарт, Лев Кондырев, Савва Кожевников, Афанасий Коптелов, Кондратий Урманов. Несколько раз переиздается поэма Александра Смердова «Сибиряк Тарас Клинков».

В послевоенные годы вышли в свет сборники стихов о годах военных испытаний, авторами которых были недавние фронтовики: «Пушкинские горы» Александра Смердова, «На переднем крае» Ивана Ветлугина, «Край любимый» Иннокентия Луговского.

В обработке Александра Смердова вышел сборник героических шорских поэм «Ай-Толай».

Приобрели известность новые авторы, чье творчество неразрывно связано с Сибирью: Сергей Зальгин, Анатолий Иванов, Виктор Воронин, Анатолий Никульков, Леонид Чикин, Пётр Лаврентьев, Леонид Решетников, Николай Перевалов.

В 1964 году в очередной раз издательство реорганизовалось и стало Западно-Сибирским книжным издательством, самым большим за Уралом, выпускающим книги не только для новосибирцев, но и для читающей публики Омска и Томска.

В разные годы издательство возглавляли Израиль Абрамович Гольдберг, Анна Александровна Никулькова, Анна Михайловна Филиппова, Иван Фёдорович Родько, Борис Иванович Братчи-

ков, Нина Сергеевна Семаева, Виталий Александрович Жигалкин.

Издательство стало широко практиковать выпуск книг сериями.

Первое такое серийное издание — двадцатитомная «Библиотека сибирского романа» — было задумано совместно с Новосибирской писательской организацией как своеобразная художественная летопись Сибири.

Первый том «Библиотеки» — роман Ефима Пермитина «Горные орлы» — вышел в 1959 году. В серии увидели свет романы Георгия Маркова «Строговы», Владимира Зазубрина «Два мира», Константина Седых «Даурия», Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», Сергея Сартакова «Хребты Саянские», Сергея Черкасова «Хмель», Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень», Михаила Станюковича «Места не столь отдаленные» и другие произведения. Сотни тысяч заказов поступали на тома «Библиотеки сибирского романа» из разных уголков страны. Некоторые произведения, включенные в «Библиотеку», получили широкую известность: роман Владимира Кольхалова «Дикие побеги», повести Владимира Чивилихина «Серебряные рельсы», «Елки-моталки». Стали популярны имена молодых прозаиков Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Анатолия Приставкина, Геннадия Машкина, Гария Немченко, Геннадия Михасенко, Аскольда Якубовского...

Проявляют читатели интерес и к серии «Молодая проза Сибири». В 1966 году по совместному постановлению ЦК ВЛКСМ и Комитета по печати при Совете Министров РСФСР издательство приступило к подготовке пятидесяти томов серии. Она продолжила художественную летопись обширного континента, от Уральских гор до Тихого океана.

Поэтов, чье творчество неразрывно связано с Сибирью, объединила двадцатитомная «Библиотека сибирской поэзии». Джек Алтаузен, Евгений Березницкий, Георгий Вяткин, Вивиан Итин, Павел Васильев, Иван Молчанов-Сибирский — таков неполный список ее авторов.

Продолжая практиковать соединение книг в серии, издательство начало выпуск ежегодников «Литературное наследство Сибири», библиотечки «Литературные портреты», в которой вышли книги, посвященные творчеству Ильи Лаврова, Леонида Мартынова, монографии о Владимире Зазубрине, Павле Васильеве, Иосифе Уткине, Петре Комарове, Сергее Зальгине, Елизавете Стюарт и других прозаиках и поэтах.

Почти половина всех выпускаемых издательством книг была адресована детям. С каждым годом увеличивалось количество многокрасочных книжек для самых маленьких. Эти книжки выходили самыми большими тиражами — и в триста, и в четыреста тысяч экземпляров. Серия книг для школьников «Делать жизнь с кого» знакомила ребят с жизнью выдающихся людей страны.

Расцвет издательства приходится на шестидесятые — начало девяностых годов. За эти годы были изданы циклы книг, познакомившие читателей с западной классикой: Альбером Камю, Францем Кафкой, Германом Гессе... Большой популярностью пользовалась так называемая античная библиотека, в которую вошли произведения Гомера, Вергилия, Апулея, Овидия, трагедии древнегреческих драматургов.

С 1995 года издательство совместно с областной рабочей группой трудилось над созданием пятнадцатитомной «Книги памяти Новосибирской области». Подготовлены и изданы «Книги памяти», посвященные нашим землякам, погибшим в Афганистане. К 55-летию Победы издательство выпустило сборник произведений писателей-сибиряков, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Через пять лет, к шестидесятой годовщине Победы, был выпущен многотомник «Они вернулись с победой».

Центр, где хранится память

Когда смотришь на полки с книгами, накопленными за много лет собирательства, вспоминается не только их содержание, их авторы и издатели, но и обстоятельства, при которых эти книги появились на свет, последующая судьба многих из них порой столь же интересна, как и сама книга.

Н. П. Смирнов-Сокольский

История сибирской книги немаловажна, невозможна без хотя бы упоминания о критике и литературоведе Николае Николаевиче Яновском. В течение своей многолетней литературной деятельности он систематически собирал библиографические сведения о русских писателях Сибири, справедливо считая, что без знания этой стороны литературного процесса нельзя представить себе такое уникальное и многогранное явление, как русская литература Сибири. Николай Николаевич был составителем и главным редактором восьми томов «Литературного наследия Сибири». Издание было основано по его инициативе. Яновский так формулировал свою цель: поставить на службу народу «все лучшее и ценное, что создано на русском языке, глубже проникнуть в реальный ход литературной истории родного края, расширить наше представление о тех культурных богатствах, которые мы накопили и которые, чего греха таить, забываем. Между тем эти богатства безусловно нужны нам сегодня...»

Свой замысел Николай Николаевич Яновский осуществлял последовательно и бескомпромиссно. Беспценно посмертное издание «Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»», складывавшееся на протяжении многих десятилетий и вышедшее в свет в библиотеке журнала «Горница», несмотря на огромные трудности, уже после смерти Николая Николаевича.

Так же бесценен обширный архив Яновского. Это собрание еще долго будет служить людям: вдова Николая Николаевича передала рукописи, письма, документы в областной архив. Восемьсот сорок три книги с автографами известных писателей — Виктора Астафьева, Леонида Иванова, Афанасия Коптелова,

Сергея Маркова, Евгения Петряева, Евгения Павличенко и многих других литературных знаменитостей от Дальнего Востока до Москвы — хранятся теперь в Центре истории новосибирской книги.

Первоначально он именовался Музеем новосибирской книги и был создан при Областном обществе книголюбов 21 марта 1997 года.

Музей создавали энтузиасты — Эмма Александровна Алискина, Татьяна Викторовна Пендюрина, Ирина Ивановна Тарасова. Книжки, рукописи, записные книжки, фотографии несли книголюбам сами писатели, друзья писателей, родственники писателей и просто читатели. Первыми были Юрий Михайлович Магалиф, Юлий Моисеевич Мостков, Василий Михайлович Коньяков, Галина Антоновна Шпак... Один писательский «уголок» посвящен известному сибирскому литератору Савве Елизаровичу Кожевникову. Здесь и письма от Георгия Маркова, Сергея Сартакова, Павла Кучияка, Виктора Уткова, Гавриила Кунгурова и многих других литераторов, и фотографии, папки с газетными вырезками, пропуска и корреспондентские удостоверения. Савва Елизарович редактировал славгородскую газету «Колхозная правда», омскую «Молодой большевик», краевую газету «Красный Алтай». В пятидесятых годах был специальным корреспондентом «Литературной газеты» в Китайской Народной Республике.

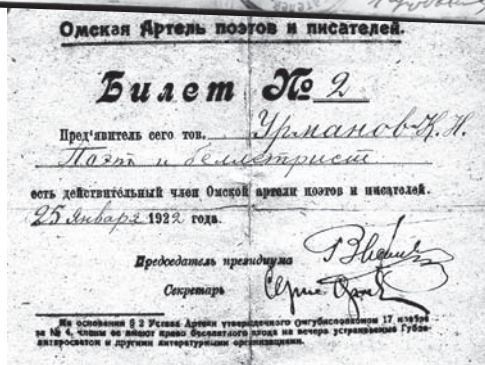
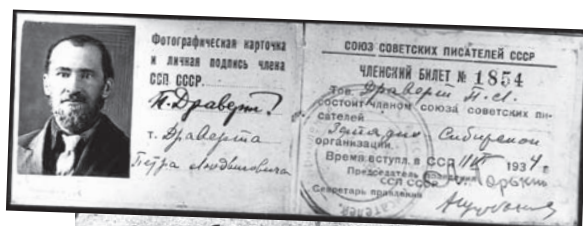
Год от года книг и других экспонатов в музее становилось все больше и больше. Сотни книг сибирских писателей последних десятилетий передало музею Новосибирское книжное издательство. Комнатка в обществе книголюбов на улице Писарева, где располагались экспонаты музея, была, безусловно, мала.

Решением властей Центр истории новосибирской книги переместился на улицу Ленина, став филиалом ЦБС имени Чехова. Заведующей стала Наталья Ивановна Левченко, музейный работник с двадцатилетним стажем.

«Зная, как сложно собирать музейные коллекции, я была поражена, что за десять месяцев собрали уже три тысячи экспонатов. Среди них немало уникальных, — вспоминает Наталья Ивановна. — Номера газеты-журнала «Сибирь» за 1925 год, еще более ранний сборник стихов Вивиана Итина «Солнце сердца», письма Ивана Ерошина, Николая Анова, Сергея Маркова, Ефима Пермитина, Георгия Федосеева, Елены Коронатовой, Марка Сергеева...

Фотографии — неподкупные документы эпохи: виды Новониколаевска, дореволюционного и советского, новоиспеченного Новосибирска, принимавшего в марте 1926 года делегатов первого съезда писателей Сибири, вдохновенные лица первой редакции «Сибирских огней», авторы и редакторы журнала от Владимира Яковлевича Зазубрина до Анатолия Васильевича Никулькова и Геннадия Фёдоровича Карпунина».

Еще одна сторона работы Центра истории новосибирской книги — экскурсии и лекции на самые разные темы: «История литературы и книгоиздательства Сибири XX века», «Летопись жур-

нала «Сибирские огни», «Сибирские писатели XX века», «Художник и книга», «Искусство книги», «Миниатюрная книга XX века», «Фёдор Достоевский и Сибирь», «Владимир Короленко и Сибирь», «Пушкинский путеводитель»; для детей — «Волшебный мир сказки», «Сказки земли Сибирской».

Центр знакомит и с работами книжных графиков, долгие годы сотрудничавших с Новосибирским книжным издательством; широко представлены издательские материалы — верстки, макеты, обложки, титулы книг Александра Кухно, Николая Самохина, Нины Греховой, Виктора Крещика, Нелли Закусиной...

Сотворить чудо

Можно не повторять прописную истину о том, что полиграфия — искусство... Когда же это полиграфическое искусство и искусство художника соединяются с таким же высоким искусством мастера слова — писателя, перед вами самое великое чудо из всех чудес на свете — книга.

Н. П. Смирнов-Сокольский

В 1955 году в Новосибирск из Львова приехали выпускники Украинского полиграфического института имени Ивана Фёдорова молодожены Алиса Тобух и Виталий Минко. С тех пор их жизнь, их работа, их творчество были связаны с книжным издательством, как бы оно в разные

годы ни называлось. С 1955 года Виталий Порфирьевич руководил редакцией художественного оформления книжной продукции. Должность Алисы Назаровны называлась — художественный редактор.

«Институт нам много дал, — вспоминает Виталий Порфирьевич. — Мы

Иллюстрация
В. Авдеева

многое умели, знали, что нужно делать. Но... я благодарен Новосибирску. Если бы мы попали в город с большой полиграфией, мы бы многого не узнали, многого не увидели. И как специалисты-оформители не всё бы поняли. Здесь же нам все приходилось делать самим. Это было так здорово. Каждый шаг был открытием, и мы росли...

Когда приехал, познакомился с художником Борисом Васильевым. Он поразил своей статью, умел говорить. Делал иллюстрации к книге "Путешествие из Петербурга в Москву" Александра Радищева. С издательством работали Иван Титков, Ольга Гинзбург, Григорий Ликман, старенький Алексей Александрович Туркин... Всё. Больше графиков не было. Где их взять? Ходил и искал. В проектно-институте нашел у кульмана Эдика Гороховского, в мастерской, тогда еще в старом Союзе художников на Красном проспекте, нашел Ефима Аврутиса, ходил в строительный институт, смотрел стенные газеты — как студенты рисуют, нашел Володю Колесникова.

А Спартак Калачёв уже сделал свою первую книжку году в пятьдесят четвертом. Мы познакомились, он показал мне свои блокноты — я обомлел. Там было столько всего замечательного. Что ни страница — дух захватывает. Сразу видно — человек рисовать умеет. Это было первое знакомство с настоящим книжным графиком.

Каждый год издавался детский альманах "Золотые искорки". Там рассказы, стихотворения... и к каждому нужен рисунок. Это нам помогало ориентироваться. Привлекали молодых ребят, их рисунки появлялись в "Золотых искорках". Получилось — и молодой художник хочет еще и еще... Потом ему давали оформлять книжку.

Два Володи — Авдеев и Кириллов — появились сами. Я от их шрифтов, от грамотного оформления книг обомлел. Я такого никогда не видел. Они сделали книжку М. Винкмана и Е. Иванова "Высота 2222". Очень грамотно сделали. Потом Женя Зайцев появился. Они с Володей Кирилловым писали потрясающие шрифты. Такой дар — большая редкость.

Потом появился Вениамин Чебанов. Принес интересные военные рисунки. Стал с нами работать. Лучшего рисовальщика не найдешь. Эдуард Гороховский любил экспериментировать. Он вообще многое сделал для расширения стилей и манер оформления. Отличный рисовальщик, хорошо чувствующий текст книги. Свободно рисовал пером и карандашом. Трепетно относился к оформлению книг для детей. Цветная акварель и карандаш, тонкий юмор делали детскую книгу запоминающейся. Гороховский работал и в станковой графике. Новосибирская книга обогатилась иллюстрациями, мастерски сделанными в линогравюре, гравюре на картоне. Можно сказать, что Гороховский популяризировал этнографию малочисленных народов Сибири. Им оформлены алтайские, шорские, бурятские, эвенкийские сказки. Его книги на всесоюзных и всероссийских конкурсах искусства книги, как правило, получали дипломы.

В первый раз мы послали две книги на эти конкурсы в 1961 году. И сразу получили два диплома — диплом первой степени Всероссийского конкурса и диплом второй степени Всесоюзного конкурса за книгу Ивана Ветлугина “В моем городе”. Рисовал ее Николай Демьянович Грицюк. Это, конечно, его дипломы.

Второй книгой были “Пестрые стеклашки” Елизаветы Стюарт. А рисовал картинку Спартак Калачёв. Диплом первой степени Всероссийского конкурса. Спартак собрал немало таких дипломов — и всесоюзных, и всероссийских конкурсов.

Я как-то на совещание в Москву привез его рисунки. Показал коллегам — все на ушах... После этого у него работы было! Издательства Перми, Горького, Красноярска, Воронежа, Москвы. В Москве для издательства “Советская Россия” сделал книгу Виктора Драгунского “Похититель собак”. “Три толстяка” Юрия Олеси, “Димка и Журавлев” Василия Коньякова. В ней рисунки не хуже, чем у Верейского. Спартак делал потрясающие рисунки, весело, интересно.

Владимир Колесников оформил более двух сотен книг. Но даже если бы этого не было, хватило бы двух его книг, чтобы навсегда запомнить имя художника. В первую очередь — “Повесть о Тобольском воеводстве” Леонида Мар-

В. Чебанов

тынова. Володя увлекался сибирской стариной, деревянной архитектурой Сибири, изучал, рисовал. Копался в архивах, разыскивал старинные книги и альбомы... Прочту, что писали о “Повести...”: “В “Повести...” Владимир Колесников не копирует автоматически картинки, созданные поэтом, а использует момент встречи с литературным произведением для выражения собственных мыслей. И не иллюстрирует текст, а идет с ним рядом, то дополняя его, то сопровождая, как бы аккомпанируя ему. Художник вводит читателя в мир впечатлений и переживаний. С первых же страниц рисунки

Н. Грицюк

художника дают возможность читателю почувствовать и ощутить дух времени. Один за другим проходят офорты старинных сибирских городов — Мангазеи, Сургута, Тобольска».

А через десять лет после «Повести...» у нас вышло сувенирное миниатюрное издание «Ермак». Литературной основой стала дума Кондратия Рылеева «Смерть Ермака». А подписи под рисунками составлены по мотивам Кунгурской и Сибирской летописей. Три акварели и восемьдесят рисунков Колесникова, по сути, альбом истории Ермака, покорения Сибири.

Вот еще о чем нужно вспомнить: издание массовой литературы, комсомольские серии. Книги, нужные в то время с идеологической стороны. А нам хотелось сделать их хорошо еще и с художественной стороны. Мы занимались поисками, преуспели, вырвались так далеко вперед, что эти наши книжки считались лучшими в России. За эту работу до сих пор не стыдно. Книжки эти делали все художники — Спартак Калачев, Эдуард Гороховский, Вениамин Чебанов...»

За более чем полувековую творческую жизнь Виталию Порфирьевичу Минко удалось привлечь к работе над книгой лучшие графические силы Новосибирска. Созданный им творческий коллектив, умело используя полиграфический потенциал города, сумел поднять оформление книг на качественно новый уровень.

Уже с 1961 года книги издательства стали постоянными участниками ежегодных всесоюзных и всероссийских конкурсов искусства книги, зарубежных книжных выставок, где отмечались дипломами и наградами.

Работы Виталия Порфирьевича Минко неоднократно отмечались почетными грамотами Госкомпечати, ЦК ВЛКСМ, ЦК профсоюзов работников культуры, награждались медалями ВДНХ, дипломами конкурсов в нашей стране и за рубежом.

В 1972 году В. П. Минко первому среди художественных редакторов РСФСР за оформление книг присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

От воскресной читальни

Библиотеки — это сокровищницы всех богатств человеческого духа.
Лейбниц

Задолго до того, как в Ново-Николаевске стали печататься книги, потребность в чтении у горожан была велика. Уже в 1893 году первая воскресная читальня была организована при школе, открытой Григорием Моисеевичем Будаговым, подвижником образования, просвещения и культуры.

Восьмого февраля 1902 года Постановлением Томского губернатора в поселке Новониколаевский дочери чиновника А. А. Пушкарёвой по ее ходатайству разрешено открыть платную библиотеку с выдачей книг и комнатой для чтения. Книги для библиотеки были подарены сестрой Пушкарёвой Л. П. Барановой.

Библиотека была названа именем Николая Васильевича Гоголя. Фонд библиотеки пополнялся на средства, которые жертвовали рабочие железнодорожной станции Обь. Две небольшие комнаты библиотеки располагались недалеко от депо.

В 1903 году на углу Кабинетской и Болдырева (Советской и Октябрьской) открылась библиотека Общества приказчиков. Возглавил ее Иван Карнаухов, приказчик из магазина купца Маштакова. Вся читающая публика Ново-Николаевска знала этого неутомимого человека, отдававшего много сил библиотечному делу.

В 1907 году по инициативе Общества попечения о народном образовании,

которое возглавлял владелец первого книжного магазина и единственной тогда типографии Николай Павлович Литвинов, открылась народная библиотека имени Антона Павловича Чехова.

Рос город, становилось больше читающей публики, и 27 июля 1920 года открылась первая городская библиотека имени Карла Маркса.

В этом же году в клубе пицеевиков имени Александра Петухова тоже открылась библиотека. Ей присвоили имя «буревестника революции» — Максима Горького. Сама библиотека подчинялась гороно, однако книги и журналы, весь передвижной фонд принадлежали Союзу пицеевиков.

23 февраля 1922 года при Губполитпросвете открылась городская библиотека-читальня.

Город развивался стремительно. Появились новые промышленные предприятия, новые учебные заведения. Открывались новые библиотеки. В двадцатых годах в Новосибирске было восемь городских библиотек, общий фонд которых составлял 41 923 тома.

В 1923 году при Новониколаевской бирже открылась библиотека-читальня для безработных.

В том же году при школе № 22 начала работать городская детская библиотека. Первоначально в ней было всего триста книг. Тем не менее библиотека была весьма популярна. В 1933 году ей было присвоено имя Надежды Константиновны Крупской. Сейчас библиотека стала основной в Центральном районе города. Ее фонд насчитывает 48 тысяч экземпляров.

Многие возникшие в прошлые годы библиотеки вызывают удивление. Например, в 1925 году Постановлением Кустарьсоюза открыта библиотека для «организованных» кустарей. К 1930 году в библиотеке было 5183 книги, выписывались десять газет и пятьдесят журналов. Организовано пятьдесят передвижек.

11 апреля 1926 года открылась Центральная библиотека госторгслужащих.

Два года спустя она была переведена в здание нового клуба и названа, естественно, именем И. В. Сталина. В том же году открылась библиотека при Институте усовершенствования учителей.

Тогда же, в 1926 году, начала формироваться библиотека Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Основой библиотеки стали тома Барнаульской казенной библиотеки и дубликаты изданий, поступившие из Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина и библиотеки Исторического музея в Москве. Кроме приобретения новой литературы широко использовался книгообмен с библиотеками страны. К 1928 году образовался фонд в 45 тысяч томов. С библиотекой работала Сибирская книжная палата. Фонд библиотеки стал основой краевой научной библиотеки (1928 год). Сейчас это Новосибирская государственная областная научная библиотека.

В 1927 году в проектно-институте «Сибгипрошахт» начала работу научно-техническая библиотека. В том же году был организован клуб кожевников имени Десятилетия Октября. При нем тоже открылась библиотека-читальня.

В 1928 году в городе существовало уже пятнадцать библиотек, в которых было более 100 тысяч книг. В то же время город ощущал явную нехватку детских библиотек. Журнал «Просвещение Сибири» в пятом номере за 1927 год сообщает, что при наличии в городе центральной детской библиотеки, двадцати пионерских, трех профсоюзных и четырех библиотек политпросвета только шесть тысяч детей из двенадцати тысяч грамотных имеют доступ к книгам для детей и юношества.

Большим событием в культурной жизни сибирского региона стало открытие в 1929 году новосибирской краевой научной библиотеки. В том же году открылись технические библиотеки в Западно-Сибирском территориальном управлении по гидрометеорологии и контролю природной среды и на заводе «Сибкомбайн».

В 1929 году для обслуживания библиотек края открылся Сибирский книжный коллектор, позднее областной бибколлектор. Он был призван обеспечить библиотеки «идеологически выдержанной книгой и библиотечным инвентарем».

В тридцатых годах открылось шесть новых библиотек, появилась система технических библиотек, которые «помогали промышленным кадрам совершенствовать производственные процессы, овладевать техникой, повышать квалификацию».

Открываются библиотеки в высших и средних учебных заведениях.

В июле 1934 года прошло краевое совещание библиотечных работников Западной Сибири. В этом же году создана Центральная научно-техническая библиотека Центрального бюро научно-технической информации на базе библиотеки уполномоченного Наркомтяжпрома по Западно-Сибирскому краю. С 1937 года — филиал Московской государственной научной библиотеки. И по сей день библиотека является методическим центром для сети научно-технических библиотек Новосибирска и области, независимо от их ведомственной принадлежности.

К концу 1934 года в Новосибирске было 189 библиотек — 72 научных и специальных, 69 массовых, 48 детских. С каждым годом библиотек становится больше.

В 1950 году свой филиал открывает Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей России. Первоначально стеллажи библиотеки располагались в театре оперы и балета. Сегодня библиотека переместилась в помещение Дома актера.

В начале 80-х годов в городе 760 библиотек различных ведомств с общим фондом в сорок миллионов томов.

17 октября 1958 года Постановлением Совета Министров СССР на базе Государственной научной библиотеки Министерства высшего образования были созданы две библиотеки — ГПНТБ

СССР в Москве и ГПНТБ Сибирского отделения Академии наук СССР в Новосибирске. Основные книжные фонды бывшей Государственной научной библиотеки (3,2 миллиона томов) были переданы ГПНТБ СО АН. К ним присоединились фонды библиотеки бывшего Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР — 142 тысячи томов.

С 1962 года Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения становится центром академических библиотек Сибири, осуществляя централизованное комплектование и научно-методическое руководство библиотеками всех институтов Сибирского отделения.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН — один из крупнейших библиотечно-информационных центров Азии. Книжный фонд библиотеки к 2003 году достиг десяти миллионов томов научной, производственно-технической, справочной, учебной литературы. Библиотека — единственная в Сибири — получает обязательный экземпляр печатной продукции на русском языке, хранит более 70% всей иностранной литературы, имеющейся в Сибири и на Дальнем Востоке. Совокупный фонд библиотеки и библиотечной сети Сибирского отделения Российской академии наук составляет 14,4 миллиона экземпляров.

В начале перестройки закрылись технические библиотеки проектных институтов, предприятий, профсоюзные библиотеки, библиотеки домов и кабинетов политпросвещения. К счастью, государственных библиотек перестройка не коснулась.

В наше смутное время, когда ночных клубов больше, чем библиотек, полезно вспомнить: «Ум без книг, аки птица спешена. Якож она возлетати не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное» («Пчела», литературный памятник XIV века).

Светлана БЕЛЯЕВА

ФРОНТОВЫЕ РИСУНКИ СЕРАФИМА ИВАНОВИЧА КОБЕЛЕВА

Фронтовой рисунок — особая область графического искусства, где в одно гармоничное целое соединяются художественная выразительность и документальная достоверность. Объективность почти фотографической точности, присутствующая в таких работах, лишена отстраненной сухости документа, потому что даже самый беглый набросок несет в себе большой эмоциональный заряд, отражая чувства и раздумья автора, его отношение к происходящему. Эти рисунки — бесценная художественная летопись, вызывающая неизменный интерес зрителей.

Произведения, исполненные на фронте, составляют важную часть наследия новосибирского художника Серафима Ивановича Кобелева (1913 — 1987).

Получив образование в Омском художественно-педагогическом техникуме, С. И. Кобелев с 1939 года жил в Новосибирске, руководил акварельным цехом в кооперативном товариществе «Художник». В годы Великой Отечественной войны он сражался на Белорусском фронте в звании командира стрелковой роты зенитной части, был удостоен правительственных наград. Находясь на передовой, художник не расставался с бумагой и карандашом, делая многочисленные зарисовки. В 1947 году Серафим Иванович вернулся в Новосибирск, а с 1960 года жил в селе Ордынское Новосибирской области.

Фронтвик, дошедший до Берлина, участник штурма Рейхстага, Кобелев запечатлел места и события, участником которых он был. В рисунке «Встреча двух фронтов» (1945) изображены идущие по улицам города танки; экспрессивная, порой даже кажущаяся небрежной штриховка передает взволнованное ощущение значимости исторического события.

Художественным свидетельством очевидца, решенным в совершенно другой манере, стал набросок «В Рейхстаге» (1945). Яркая тонкая линия то очерчивает контуры, то в виде легкой прозрачной штриховки едва намечает объемы, то, многослойная, сгущается почти до черноты в тенях, подчеркивая контрасты. Тщательно прорисовывая все детали и архитектурные фрагменты, художник сохранил для истории вид полуразрушенной лестницы Рейхстага — павшей фашистской твердыни.

Очень интересны исполненные С. И. Кобелевым портреты. В рисунке «Разведчик» (1945), сохраняя портретное сходство, художник создает собирательный образ человека, на которого необходимость мобилизовать как физические, так и духовные силы наложила свой отпечаток. Поэтому непринужденная поза закурившего трубку бойца, небрежно выбившийся чуб из-под заливчатски сдвинутой на затылок ушанки вступают в резкий контраст с напряженным, сосредоточенным выражением лица.

В тот же день, что и рисунок «Разведчик», — 13 марта 1945 года — сделан набросок «Младший лейтенант Быстров». Прекрасно исполненные, обладающие яркими индивидуальными характеристиками, эти образы имеют много общего. Два молодых человека поколения войны слишком быстро повзрослели и стали мужчинами. Их лица еще сохранили юношескую мягкость, но глаза — значительно старше, даже старее, это глаза людей, которым слишком много пришлось увидеть, пережить. Художник мастерски использует живую, то почти теряющуюся, то яркую энергичную линию, выразительные возможности штриховки, то мягкой, моделирующей округлые лица, то более размашистой, решительной, лепящей объемы крепких мужественных тел воинов-защитников.

Внутреннее достоинство, спокойная уверенность взгляда, гордая посадка головы переданы в рисунке «Полковник И. М. Драгун» (1945). Твердая, чуть грустная складка губ, решительный взгляд — каждая деталь служит для характеристики персонажа. Интересно, что здесь одинаково подробно и внимательно проработаны как черты лица, так и многочисленные награды. Ордена и медали на груди портретируемых становятся, пожалуй, наиболее важными и яркими штрихами их характеристик, ведь все они прежде всего бойцы, защитники Родины, и награды за доблесть в значительной степени отражают и их человеческие качества. А портрет старшего сержан-

та М. С. Лапаева (1945) дополняется надписью: «Особо отличился в боях при форсировании р. Одер», — которая, наряду с орденами, является полноправной составной частью изображения.

Рисунок «Доброволец Отечественной войны старый партизан Омаров» выделяется среди других большим форматом и тщательностью проработки. Динамичная, выразительная поза, решительные жесты наряду со смелым, непреклонным взглядом отражают патриотизм немолодого уже человека, взявшего в руки оружие.

Многофигурная композиция «Земляки-сталинградцы. Демобилизация старших возрастов» (1945) — это групповой портрет семи немолодых людей, словно позирующих перед объективом фотоаппарата. Но в композиции этой нет ничего искусственного: позы непринужденны, образы — ярко индивидуальны. Линия художника энергична и уверена: то едва намечает фигуру, то четко очерчивает лица, передавая их характерные особенности. Штриховка размашиста и обобщенна, кое-где смазана для более плавных переходов. В мягкой проработке лиц ощущается отношение автора — уважение и суровая нежность.

Обладая несомненными художественными достоинствами, фронтовые рисунки С. И. Кобелева являются уникальными историческими документами, эмоционально правдиво передающими атмосферу трудных военных лет и сохранившими облики героев.

АВТОРЫ НОМЕРА

Астраханцев Александр Иванович родился в 1938 г. в д. Белоярке Мошковского района Новосибирской области. В 1959 г. окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. Окончил заочно Литературный институт им. Горького. Публикации в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Дети Ра», «Сибирские огни», «День и ночь». Живет в Красноярске.

Беляева Светлана Анатольевна — главный хранитель Новосибирского государственного художественного музея.

Егудин Валерий Григорьевич (1937—2007) родился в г. Котовске (Украина). В 1965 г. окончил НГК им. М. И. Глинки. С 1963 по 1992 г. — солист Новосибирского государственного академического театра оперы и балета. Всего исполнил около 60 партий. С 1976 по 1992 г. — заведующий кафедрой сольного пения НГК им. М. И. Глинки, с 1984 г. — профессор. Автор курса «История вокального искусства». С 1992 по 2001 г. — директор Новосибирского государственного академического театра оперы и балета. Народный артист СССР (1983).

Ермаков Дмитрий Анатольевич родился в 1969 г., член Союза писателей России. Рассказы, повести, романы, очерки, статьи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Север», «Подъем» и др. Живет в Вологде.

Макаров Алексей Филиппович родился в 1941 г. в деревне Ургуль Новосибирской области. По специальности — инженер-строитель. Работал на Дальнем Востоке, много путешествовал. Живет в Новосибирске.

Мельников Евгений Иванович родился в 1936 г. в Новосибирске, окончил Новосибирский электротехнический институт связи. Работал на радио и телевидении. Автор более 50 документальных фильмов и десяти очерковых книг. Живет в Санкт-Петербурге.

Николенкова Наталья Михайловна родилась в Барнауле в 1968 г., училась на филологическом факультете Алтайского го-

сударственного университета. Публиковалась в краевой периодике, в журнале «Знамя». Лауреат Демидовской премии (1997). Автор поэтических сборников «Девятое марта» (1995), «Карманная психиатрия» (2001) и др. Живет в Барнауле.

Оболенский Андрей Николаевич родился в 1960 г. в Москве, окончил Второй Московский медицинский институт, врач-педиатр. Публиковался в журналах «Новый берег», «Слово\Word» и др.

Папков Сергей Андреевич родился в 1954 г. в р. п. Краснозерское. Окончил Новосибирский государственный университет. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор. Автор нескольких книг, в том числе «Сталинский террор в Сибири. 1928—1941» (1997), и десятков научных статей по политической истории Сибири. Ответственный редактор и составитель «Книг памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области» (вып. 1—2, 2005, 2007). Живет в Новосибирске.

Скращук Владимир Владимирович родился в 1973 г. в г. Ангарске Иркутской области. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета, служил командиром артиллерийского взвода в Забайкальском военном округе. После увольнения из армии работал слесарем, журналистом. Работает в пресс-службе Богучанской ГЭС.

Тюрин Вячеслав Игоревич родился в 1967 г. в п. Усть-Нера Оймяконского района Якутии. Обладатель Гран-при литературного конкурса «Илья-премия». Автор поэтической книги «Всегда поблизости». Живет в п. Лесогорск Иркутской области.

Яропольский Георгий Борисович родился в 1958 г. Окончил английское отделение Кабардино-Балкарского госуниверситета. Переводчик на русский язык романов Д. М. Томаса, Д. Митчелла, М. Эмиса и других авторов. Переводил также с грузинского, турецкого и других языков. Автор четырех сборников стихов. Живет в Нальчике.

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал **«СИБИРСКИЕ ОГНИ»** в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

**630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,
тел.: (383) 354-07-66, факс (383) 344-92-94
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф**

Сдано в набор 8.02.2015 г. Подписано в печать 27.02.2015 г.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 1500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Торговый Дом Азия-принт»
Адрес: 650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а
Телефон: (3842) 35-21-19